

МАРИЯ
БОРТНИК

МОЙ
ЛИЧНЫЙ
СТАЛКЕР

Разберись со своим прошлым раньше,
чем оно разберется с тобой.

Ничего не забывается. Ты можешь забыть свое прошлое и чужое, думать, что стал другим человеком, но как долго ты сможешь скрываться от самого себя? Никогда не знаешь, кто захочет свести счеты именно с тобой.

Многие годы главному герою удавалось скрывать от окружающих свое темное прошлое, но в один день его начинает преследовать сталкер, целью которого становится разрушить красивую картинку, обнажая неприглядные стороны его жизни. Но один ли он хранит эти тайны?

Мария Бортник

Мой личный сталкер

ГЛАВА 1

БОЙСЯ, ОН С ТОБОЙ

Единственное, что волновало сейчас Родиона Здравого, не странно ли со стороны выглядит его походка. Не то чтобы это было так важно, хотя кого он обманывает, конечно, для него это было важно. Даже если была глубокая ночь, и вряд ли можно было встретить кого-то из прохожих, если такие вообще имелись. Скорее сам Родион их не волновал, потому что они сами были не в лучшем своем состоянии. Но его здравый смысл совсем не волновал. Он старался держаться достойно в любых ситуациях, как его учила мать, чтобы никто и никогда не смог застать его врасплох, даже если он откровенно притворствовал.

А притворство как раз и стало теперь неотъемлемой частью моей жизни.

Или оно всегда им было?

День был очень трудный, а вечер еще труднее, и помнить Здравый об этом будет еще очень долго, пока не заживет ссадина на скуле. Потому как не пристало сотруднику приличной фирмы ходить в таком виде. Если на фото еще можно было скрыть все фильтрами, то как замазать этот позор в реальной жизни он еще подумает. *Не могу же я так предстать перед ними? Нет, только не я.*

И зачем вообще в эту драку полез? Когда это меня волновало то, что происходит вокруг? Это моя жизнь и для себя важен только я. Себя беречь надо.

— Правильно, — пробормотал он уже вслух, — одно зло от этой помощи. Кто заслужил моей благосклонности? Никто.

Здравый хотел как можно быстрее оказаться дома, но его ноги физически отказывались идти быстрее. Все это из-за количества выпитого им спиртного в баре со своими коллегами по работе и их знакомыми. Хотя он все еще пытался придать своей походке былой уверенности и стати, даже если зрителей вокруг и не наблюдалось.

Был всего четверг, и после работы один из его коллег Олег предложил где-нибудь посидеть и отдохнуть, и, конечно же, по всем правилам место предлагает тот, кто всех собирает. Так как сам Олег был невысок полетом, выбор пал на небольшой бар с нелепым названием «Пеликан», на котором не светились последние две буквы. Родион про него знал, так как каждый день проходил мимо него на работу, к неудовольствию самого Здравого, напоминая ему о его положении. Как и все в общем, что его окружало в этом городе.

Это заведение уже давно находилось здесь, на самой дешевой и обшарпанной улице Лунной. Через дорогу был расположен угасающий отель, справа от бара был небольшой магазинчик, также явно работающий себе в убыток, а слева уже год находилась парикмахерская, в которую Родион даже заглядывать не собирался, боясь быть замеченным. Наверное, поэтому Здравый вовсе не обрадовался выбору Олега, представляя какие фото придется выложить в сеть на обозрение.

Да я просто не буду ничего оттуда выкладывать, скажу всем, что задержался на работе, чтобы отчитаться. Буду выглядеть настоящим трудягой. Да, так и сделаем.

А девушке что сказать? Вдруг не поверит?

Может все-таки сделать пару фото, но с более удачным ракурсом? Может.

Когда они всей компанией подошли к этому зданию, у Родиона совсем испортилось настроение, хотя он и пытался изобразить на лице радость от предвкушения. Этот огрызок на отшибе, ни под каким углом не сфотографировать так, чтобы скрыть его убогость. Даже кирпич, которым было отделан бар, казался неприглядным и дешевым.

А может и не выложу.

Теперь он думал только о том, чтобы просто выпить за чей-нибудь счет, чтобы у него еще осталось немного денег на его другую жизнь. Более приятную.

— Давай, друган, вперед, — его схватил тот самый именинник Олег за плечо и потащил внутрь бара. Родион поморщился от такого обращения к себе. Вроде и не волнует, но наставления матери не прошли даром, и теперь такие вещи кажутся непозволительными в его сторону.

Сидели они в баре долго и шумно. Хорошо, что в такое время посетителей, кроме них, не было, что опять указывает на то, что заведение не страдает от большой загруженности.

— Ну давай, давай же! — кричал Олег, смотря в небольшую плазму, висящую на стене возле их столика. Шел футбол, который самому Родиону был не интересен.

— Лучше бы больше нам внимания уделил. Мы так-то из-за тебя пришли, — сказала его девушка Лера без особого энтузиазма, ковыряя свой салат. Ее подружка что-то прошептала ей на ухо. Рита, кажется.

— Раз из-за меня, так сиди и не жалуйся. И вообще, что бы ты понимала в футболе, — Олег даже не потрудился повернуться к нам, — да чтоб их! Не, ну ты видел, Родь, видел?! Серег, а, передай еще пива.

— Да, видел. Какие наглецы, — без особой радости сказал Здравый.

— Наглецы? Ну и словечки, — Олег хрюкнул от смеха, — не, ну ты слышал, Серега?

— Ага, — Сереге было вообще побоку, он смотрел то в телевизор, то на Леру.

Сам Родион от скуки то и дело пялился на красный пыльный торшер, висящий над их столом, как и над всеми остальными. Вокруг все было деревянное: стулья, столы и даже стены с потолком, только пол в темной плитке. В общем, по оценке Родиона обстановка не очень впечатляющая, что еще больше портило настроение.

— Ну конечно, у тебя же сегодня праздник, а мы так, — но Олег уже не слышал этих слов, опять уставившись в телевизор, как и Сережа, приходившийся коллегой по работе, а также другом Олега. Они сидели друг напротив друга, чтобы лучше видеть все, что происходит на экране. Рядом с Сережей сидел сам Родион, а с Олегом две девушки. Так как у Здравого уже была девушка, и все об этом знали, то предполагалось, что Рита здесь сидит для скрашивания вечера Сережи, хотя оба даже и не смотрели в сторону друг друга.

Играла быстрая музыка, давящая на уши, громкие голоса его компании еще больше оглушали и раздражали. Все запахи смешались в один неприятный, вызывающий тошноту, и ему показалось на миг, будто Сережа заигрывает на свою пьяную голову с Лерой, и тогда Родион решил, что уже достаточно выпил. Он начал откровенно жалеть, что согласился.

Здравый открыл переписку со своей бывшей девушкой Алисой, которая никак не бросала надежду на скорое возобновление их отношений, постоянно подогревая к себе интерес.

«Я сейчас принимаю горячую ванну, не хочешь присоединиться ко мне?»

Под этим было весьма интригующее фото ее длинных ног в пене, а вокруг был приглушенный свет из-за свечек, горящих рядом на подставке для ванн.

Родиону это нравилось. Он, конечно же, никуда ехать не собирался, но ему было

приятно потешить себя мыслью, что за него идет такая охота.

«Прости, сейчас не могу. Отдыхаю вместе с коллегами по работе в баре»

Сам он также отправил фото себя в баре, выбрав вид попримечнее.

Так продолжалось еще немного, пока он откровенно не заскучал. Здравый даже не понял, как провалился в сон прямо за столом, прислонившись к мягкой и теплой обивке диванчика.

И тут раздался женский крик, он резко вскочил, перед глазами было мутно, но Родион понял, что кто-то уже дерется. На секунду ему показался в этой неразберихе силуэт незнакомого парня, что стоял дальше от их стола и наблюдал за ними. Хотя Здравый помнил, что кроме них в баре никого не было.

Позже из обрывков той ругани он понял, что это из-за Леры. Такой милой брюнетки со стройной фигурой. Шумной и кокетливой, в общем как раз во вкусе Олега. Та, что еще недавно в начале их отношений вешалась на него и шептала ему что-то жарко на ухо. Оказывается, она полезла к штанам Сереги в туалете, за чем и застал их Олег. Пока под крики девчонок из Сережи делали живого мертвеца, Здравый надумал вмешаться. После выпивки у него обычно появлялось очень благодушное настроение и желание помочь всему миру, чего он всегда стыдился. И не то чтобы каждый раз он хотел услышать «спасибо», хотя и это было не лишним, просто никогда не ожидаешь получить за благое дело по лицу. Случайно конечно.

Резкий порыв ветра прошел насквозь через Родиона, заставив пошатнуться. Мелко вздрогнув всем телом, он смочил слюной пересохшие губы, но стало только хуже, сразу почувствовался вкус крови на потрескавшейся нижней губе. Куртка его была легкой, и руки в карманах так сильно замерзли, что даже кончики пальцев начало покалывать. *Почему я никогда не верю прогнозу погоды? Неужели так нравится потом всю дорогу ворчать себе под нос о том, как все плохо?*

Еще эта дурацкая лямка от сумки постоянно скатывалась с плеча, и приходилось постоянно передергивать плечом, чтобы не тревожить лишней раз руки, продолжая проклинать мир за плохую погоду. Хотя в этом-то как раз не было ничего удивительного — конец сентября на дворе.

Просто нужно перекинуть ремень через плечо, и тогда она перестанет так раздражать.

Нет. Тогда придется достать руки из карманов, а мне и так холодно. Все равно скоро дойду до дома.

Проходя по главной улице, Здравый чуть не столкнулся со столбом, который не заметил в темноте. Чертыхнувшись себе под нос, он огляделся и пошел дальше, словно бы ничего и не произошло. На секунду он увидел человека позади себя и почему-то решил ускорить шаг. Ему могло показаться это, но зачем рисковать? Осталось совсем чуть-чуть. Родион подумал, что на такси было бы быстрее, но нужно экономить.

Его плечи и руки болели от тяжелой работы, и он не мог нормально вздохнуть, ныла шея и голова, и Здравый снова дернул плечом, поправляя сумку и сильно сжимая в руке свою находку. *Хочу быстрее с этим разобраться.*

Сначала ему только показалось, что за ним все еще слышатся шаги, но еще раз обернувшись, он ничего не увидел. И в этот момент просигналил телефон. Пришло сообщение. Он с удовольствием подумал, что это опять его бывшая, и резво достал руки из карманов, забыв о холоде. Сначала на его лице играла самодовольная улыбка, но она

быстро сменилась непониманием.

«Аккуратнее ходи ночью по улице» было в сообщении, пришедшем с неизвестного аккаунта во ВКонтакте.

Чего?

Он вновь обернулся назад, где недавно слышал приближающиеся шаги. Никого.

Родион прочел еще раз и зашел на страничку отправителя, но она была закрыта. Он облегченно выдохнул.

Ну конечно. Шутник хренов. Еще эта дурацкая аватарка стоит. Стройка. Чушь какая то. Ужасно нелепое совпадение.

Разобравшись в ситуации, он продолжил движение, но теперь Родиону совсем не нравилось, что было слишком тихо для такого времени, несмотря на ветер. Он уже гордо приосанился, как сзади послышался шелест, похожий на задетые кусты. Дрожь прошла по всему его телу, и он споткнулся о небольшую ямку, которыми усыпаны здесь любые дороги, и начал идти быстрее, оглядываясь, словно испугавшись чего-то, затаившегося в кустах. Наконец послышался небольшой раскат грома, разрезавший эту давящую тишину.

Сзади опять послышался шорох, и Родион в страхе так резко обернулся, что на мгновение у него все поплыло перед глазами. Когда он пришел в себя, то заметил человеческую фигуру позади себя. Она находилась от Родиона метрах в сорока. От этого он напрягся еще больше, отвернулся и опять посмотрел на экран телефона.

«Аккуратнее ходи ночью по улице».

Он подумал о том, кто шел позади него. Вероятно, это был тот самый человек, которого он заметил ранее.

Нет. Бред какой-то.

Это даже никак не связано. Совпадение. Просто кто-то решил пошутить. Очень тупо пошутить.

А тот подозрительный тип просто прохожий и все.

Он продолжал себя в этом убеждать и даже стал медленнее идти. Показывая, что бояться ему нечего, а прохожий просто прохожий, при этом, не переставая периодически незаметно оглядываться. Ветер продолжал завывать, и было трудно расслышать, приближаются шаги или нет. Когда Родион решился обернуться вновь, за ним уже никого не было.

Опять.

Он даже не понял, в какой момент совсем перестал слышать этого человека. Но раз там больше никого нет, то вроде бы можно и расслабиться и забыть о том, что несколько минут всерьез думал, что тот человек позади и есть тот, кто написал ему. Он уже не в том возрасте, когда можно шархаться от всего подряд.

Стыд-то какой.

Еще немного и он окажется в своей квартире, и все будет хорошо. Шумные соседи за стенкой, запертая входная дверь и свет. Что еще нужно для того, чтобы чувствовать себя в безопасности? В который раз Здравый задается вопросом, что, может, было бы проще вызвать такси и доехать до дома без происшествий, поджидающих его на каждом шагу? *Я бы вызвал такси, если бы мне было чем заплатить за него. Надо экономить. И вообще, по мнению Марины, зачем мне такси, если есть собственная машина.* Сегодня у него в карманах было пусто, и он знал, что его мать этого бы не одобрила. В его жизни вообще было много чего, что его мать не одобряла. Особенно нелепые ситуации, в которые он

попадал, и тем самым позорил ее и всю их семью.

От резкой вибрации телефона в кармане Родион вздрагивает, и нервный ком подкатывает к горлу.

— Да что еще-то?! — сквозь зубы произнес он.

Это очень похоже на приступ тошноты, который Здравый успешно сдерживает, сначала задержав дыхание, а потом глотая этот ком. Оглядывается. Он медленно, но дергано достает телефон и сильно сжимает в руках, теперь тишина и холод не напрягают так сильно.

Звонил Андрей.

Шутка такая, да, братец?

И чего он звонит мне в такое время? Час ночи его видимо совсем не смущает.

Родион с трудом взялся рассчитывать в уме, сколько часов ему самому удастся поспать. Около шести часов до очередного звонка будильника. За это время он вряд ли сможет выспаться после такой бурной ночи и будет однозначно разбит, а ему нужно выглядеть совсем иначе. К нему вдруг подкатила очередная волна сожалений.

Надо быть достойнее всего этого.

Телефон затихает, а он продолжает идти. Через небольшой магазинчик на углу он повернул в закуток, чтобы срезать дорогу до дома.

Он даже и не думал сейчас отвечать ему. Из вредности или может даже из уважения к самому себе. В последнее время все их звонки были похожи на типичные разговоры с матерью, и он желал как можно дольше сохранить остатки своих нервов. *Что ему вообще понадобилось?* Весьма нестандартное поведение для примерного семьянина. Насколько он знал, Андрею вставать на работу еще раньше, чем ему, так почему бы не выспаться перед началом трудового дня? *Его жена вообще в курсе?* Внутренний голос подсказывает, что не исключено, что она сама его об этом и попросила, и теперь недовольно сидит и поливает самого Родиона за то, что он не отвечает на столь важные звонки посреди ночи от своего, несомненно, любимого и дорогого придатка семьи.

Только нервирует меня зря. Он же знает, что я, скорее всего, не отвечу, и все равно звонит.

Здравый морщится и мотает головой, пытаясь отмахнуться от пробудившейся совести, а что если действительно что-то случилось, и вздрагивает от отрезвляющей боли в скуле. **НЕТ!** *Не понимаю его и даже не собираюсь отвечать на его дурацкий звонок с очередной просьбой, и выслушивать жалобы, словно в этом мире ни у кого больше нет проблем, кроме него.*

За этими мыслями он не сразу замечает, что в его сторону идет небольшая компания молодых людей, явно не трезвая, впрочем, как и он сам. По раздробленной асфальтной дорожке идти непросто, особенно когда ничего особо не видно и можно навернуться на глазах у прохожих и упасть в лужу. Во всех смыслах. Трое парней и две девушки. Не хотелось бы повторно судьбу испытывать. За недавно начавшиеся новые сутки с Родиона было явно довольно. Один из парней с растрепанными волосами и в кожаной куртке выкрикивает на всю улицу ругательства, а остальные громко над этим смеются. Именно у таких типов обычно в кармане куртки спрятан складной нож.

И почему я живу в таком районе, где подобные криминальные личности не редкость?

Боже, ну какой криминал?

Может и не криминал, но они явно туда стремятся, — голос в голове раздвоился и начал заявлять права собственности на свои высказывания.

Именно такие люди и могли бы написать мне то глупое письмо. Вполне было бы в их духе.

С некоторых пор Родиону каждый раз становится некомфортно рядом с молодежью.

Странно о таком думать в свои двадцать три, тебе не кажется?

Он, конечно же, не старик, но все больше ощущал пропасть между собой и все еще подростками, неспешно идущими ему навстречу. И он не был уверен, что перенесет это столкновение.

Не то чтобы Здравый сильно завидовал их беззаботной юности, где все еще впереди, просто его очень сильно выбивали из колеи эти улыбающиеся лица. Сейчас они были очень искренни. В них читались открытость и свобода. Хочешь громко смеяться, ты это делаешь, совсем не обращая внимания на то, как это могут воспринять другие люди, проходящие мимо. Сейчас они смотрят на жизнь с некоторым вызовом, мол, ну и что ты мне на это сделаешь.

Такие живые эмоции.

Вот, что не давало покоя Родиону. Когда он так в последний раз выражал свои эмоции? Если ему было хорошо, то приходилось усиливать это, выражая на лице превосходство ко всему миру, чтобы все видели, что у него жизнь лучше, чем у них. А если было плохо, то это было непроницаемое лицо, без единой эмоции, чтобы никто и думать не смел, что у него, Родиона Здравого, могло что-то пойти не так.

Сильно вжав голову в плечи, и не смотря в их сторону, он стал переходить на другую сторону улицы, так резко, что его начало опять вести, а ляжка вновь сползает. Его начинает слегка потряхивать от раздражения и беспокойства.

Кто вообще разгуливает в такое время? Еще я не прятался от всякой шпаны малолетней, которым наверняка завтра еще в школу идти. Куда только родители смотрят?

Наверное, туда же, куда и их родители смотрели лет двадцать назад.

Здравый повернул за угол и наткнулся на Хонду какого-то болвана. Он уже не в первый раз паркует свою тачку прямо напротив спуска для колясок. Родион посильнее пнул автомобиль, и как только сработала сигнализация, удовлетворенный результатом пошел дальше.

Наконец он проходит в небольшой закуток между многоэтажкой и магазином одежды, чуть не запнувшись в выемку для стока воды, оказывается в своем дворе. Проходит мимо начавших обсыпаться больших кустов и клумб и пристально смотрит на детскую площадку: ему показалось, там что-то скрипнуло. Паранойя после такой прогулки усилилась. Он не мог вдохнуть. Здесь тоже, как всегда темно. От страха Здравый не смог сразу сориентироваться на месте, хотя за несколько лет ему уже все было знакомо, но это не помешало пропустить нужную дверь. Чертыхнувшись, ему пришлось развернуться и забежать в подъезд. Лицо сильно обдало жаром, и жар этот почувствовал даже желудок.

Как бы снова не чертова изжога.

По возможности быстро влетая на четвертый этаж, по пути пару раз споткнувшись о ступеньки, он оказывается перед дверью своей квартиры. Ключи дрожат в руках, но справившись с замком и оказавшись дома, Родион запирается. И только сейчас, оказавшись в родных стенах, которым он безоговорочно доверял, садится на небольшой табурет рядом с дверью и прислушивается, нет ли посторонних звуков в коридоре, чувствуя, как после такого забега враз протрезвел. Неприятная дрожь в коленках еще не прошла, но теперь появилась

тошнота.

Я сейчас просто, как настоящий дурак, испугался какого-то глупого сообщения и понесся домой с такой скоростью, с какой никогда в жизни не бегал.

Отдышавшись, он разувается и медленно заходит в свою спальню, включив свет. Морщится, пытаясь привыкнуть к яркому свету. Но это мелочи, зато теперь Родион определенно чувствовал себя в безопасности. Привычная обстановка: небольшая односпальная кровать, тумбочка, рабочий стол и шкаф. Все без изменений.

Он аккуратно достает из тумбочки старый альбом с выцветшими краями, садится на пол и вытаскивает из кармана так и не снятого пальто небольшую пуговицу.

На месте.

Он пролистал потертый коричневый альбом до свободных страниц и заботливо вложил эту пуговицу в прозрачный кармашек, подписав. Эта пуговица теперь была одной из немногих, которые хранились здесь.

Владелец данной пуговицы, Олег Витницкий, или, как называла его девушка Лера (как он понимал, уже бывшая девушка), просто Олежка.

Высокий, ничего не скажешь. Интересно, поэтому на него все западают?

Ему исполнилось вчера двадцать два года. Обычная дата. Всего на год младше самого Родиона. *Всегда думал, что получить по лицу от того, кто младше тебя очень неприятно.*

Что всегда бесило в нем Родиона, так это то, что он курит. И курит очень часто на пару с Сережей, который переживает развод с женой, вместо того, чтобы нормально работать. *Если принюхаться, чего он делать не собирался, то даже эта пуговица, наверное, пропахла сигаретным дымом.* И он не знал точно, почему его это так раздражает. От того, что сам Родион бросил курить, а тот мог себе позволить такую радость, или же от того, что Олег часто уходил на импровизированные перекуры, и больше работы приходилось делать Здравому?

Определенно оба варианта.

Он вновь воровато оглядывается, словно его кто-то может застать за преступлением, и убирает альбом обратно на свое место.

И только теперь он может нормально переодеться. Родион только сейчас почувствовал, как весь вспотел под этой одеждой. Он пошел обратно в прихожую и, сняв дорогое пальто, повесил его на вешалку и убрал в шкаф. Он был уверен, что не один из его коллег даже не придает особого значения тому, в чем он ходит. Но он не для них старается.

В невеселых мыслях Родион помылся и лег в кровать, отчетливо ощущая, как под ним продавился матрас, и спина напряглась в неприятных судорогах. Полежав так пару минут, пережидая боль во всем теле, он перевернулся на бок и задел больную щеку. В ванной он обработал ссадину, но от этого не легче. То, что он увидел в зеркале на своем лице, будет трудно скрыть.

Проснулся он от холодного ветра и настойчивого звонка телефона. Приходится потратить секунд тридцать, чтобы понять, что это не будильник. Здравый поднимает голову, и шею простреливает резкой болью, руки и плечи затекли, словно он всю ночь проспал на гвоздях. Воспоминания возвращаются в сознание достаточно обрывочно и совсем не к месту. Небольшая потасовка и кулак, летящий прямо в сторону его лица. На секунду ему даже показалось, что это всего лишь сон, но тогда это было бы слишком хорошо. Не было бы этих позорных секунд в тот момент и сейчас при пробуждении. Он слегка дотрагивается до

своего лица и охает от боли. С утра все травмы всегда болят больше, чем накануне. Звук, наконец, прекращается, и Родион облегченно вздыхает, чувствуя, как изо рта выходит неприятный запах.

Я уже говорил, как сильно жалею, что пошел с ними в этот злосчастный бар?

Видимо, жалость и сочувствие к самому себе проснулись раньше меня.

Видимо.

Тянется к телефону на прикроватной тумбочке и задевает что-то. Это что-то падает на пол, и голова протестующее начинает ныть на этот звон. Время 6:17.

Это уже даже не смешно. Я проспал всего пять часов.

Телефон в его руке опять начал звонить, и перед тем, как Родион выронил его из рук на пострадавшую часть лица, он увидел знакомое имя. Вскрикнув и схватившись за лицо, он поднял телефон, и резко сев на кровати, ответил на звонок.

— Да? — Родион задался вопросом, а ложится ли когда-нибудь спать его брат? Не похоже.

— Посидишь сегодня с Ирой? Она приболела, — неожиданный укол совести, оставшийся с ночи, он быстро отшел. Родион на такую просьбу закатил бы глаза, да голова болит. Он всего-то позвонил своему старшему брату, зачем тратить время на приветствия и вопросы о *его* здоровье? Ничего удивительного. Многие их разговоры были именно такими.

— Я не могу сегодня, — только сейчас он понял, что его мочевого пузыря переполнен и болит. Обернувшись к окну, Родион увидел, что в такой холод окно стояло на проветривании.

— Почему? — Раздражение в голосе Андрея ничем нельзя скрыть, но и сам Родион был не в лучшем расположении духа.

Он знает, что тот собирается на работу и уже опаздывает. Знает, что не выспался, как и он, между прочим, пытаясь дозвониться до него всю ночь, одновременно слушая упреки своей жены Ксюши и плач больной дочери. Говорит очень быстро и таким тоном, будто Родион его подчиненный и просто должен ему по факту. Будто бы он уже согласился. Но к счастью или нет у Родиона и так достаточно начальства, которое приказывает. И такое он терпеть не будет.

И это не была война двух братьев. Нет. Он знает, что его жена где-то поблизости и нервно прислушивается к разговору. Родион точно знает, что это именно она попросила его позвонить, потому что сама бы не решилась.

На другой стороне линии на фоне что-то гремит, и он взъерошивает свои волосы, чтобы хоть чем-то занять свои руки.

— Ты же знаешь, что я сегодня тоже работаю, как и каждый нормальный человек, который хочет иногда кушать.

— Не ерничай, тоже мне работа. Попроси отгул.

Ах так?

Его брат, так же, как и их мать, не воспринимал его работу на данный момент, от чего Родион и сам был не в восторге от нее.

— Твоя жена, насколько я помню, не работает, а ты мне не даешь выспаться. У нее что, нет времени на *своего* ребенка? — Родион пытался говорить как можно громче, чтобы Ксюша наверняка его услышала.

— Давай только без этого. Она сегодня не может, у нее дела. Ты можешь потом выспаться, тебя только на сегодня попросили. Она, между прочим, твоя племянница!

— А она, между прочим, ее дочь. Чувствуешь разницу? — в тон ему ответил Родион и порывисто вздохнул, — лучше разберись со своей женой. Что у нее могут быть за дела, когда ребенок болеет?

Он пошел на кухню, по пути разминая все тело. Проверил воду в чайнике и нажал на кнопку.

— Не лезь в ее дела! Я всю ночь не мог уснуть, пытался до тебя дозвониться, — голос Андрея колебался с резкого до более спокойного. Очевидно, он пытался контролировать себя, чтобы добиться своего миром, как это обычно случалось, но не в этот раз. Родиону все казалось, что брат говорит с ним так, словно он был причастен к появлению болезни его дочери.

Он просто хочет, чтобы я как можно скорее согласился и все.

Ничего ему от меня больше не нужно.

— Может, ты не мог дозвониться до меня, потому что я спал? — ну, ладно, тогда он еще не спал, но Андрею об этом знать было не обязательно.

Родион открыл окно в кухне, и кожа тут же покрылась мурашками. Было раннее утро, а небо уже темное от надвигающихся туч. На сегодняшний день снова обещали дождь. Руки невольно потянулись к пачке сигарет, которая обычно лежала на подоконнике, но он ведь бросил. Почти. Поэтому искать там было нечего.

Помнится, два года назад он тоже с отверженным усердием бросал курить. И держался целых пять месяцев! И на этот раз рассчитывал продержаться как можно дольше.

— Не язви. Мне сейчас некогда по душам говорить и разбираться еще с твоими претензиями. Так ты сможешь? — *Ты же знаешь, что нет. И что это сейчас такое было? Мои претензии?* Сейчас в эту самую минуту ему нестерпимо захотелось закурить.

— Слушай, ты просишь от меня невозможного!

— Да для тебя всегда все невозможно и учеба и работа. Все, за что не возьмись, через жопу! Даже обычные просьбы и те...

— Ты думаешь, что каждый свободный день, каждую свободную минуту я должен тратить на ТВОЮ семью! А как же Я?! Обо мне хоть кто-нибудь помнит? Или вспоминают только тогда, когда что-то понадобится? — голос Родиона стал звенеть в тишине квартиры, и от этого у него еще сильнее начала болеть голова.

— Хватит жаловаться! Никто о нем не помнит, — передразнил его Андрей, — Мама только и делала, что пыталась устроить твою жизнь, но ты все отнекивался. Угробила на тебя кучу сил, а ты? У тебя даже нет семьи, причем по твоей же вине, тебе ведь и девушки все не те, так чем тебе еще заняться? Так трудно помочь, когда просят? Эй, я с кем разгова...

Родион отключается. Это бесит. Не надо было брать трубку, он это понимает. Понимал еще вечером, когда начались непрерывным потоком поступать звонки, знал и сегодня с утра, ну так зачем же ответил?

Он сильно вдыхает и выдыхает воздух.

— Дыши, дыши. Да поглубже, — не найдя покоя, стал наматывать круги по кухне и сжимать кулаки, но это не сильно помогало, — да что ж такое-то!

Он не мог понять, когда это Андрей стал таким. Когда же они перестали быть братьями? Он отчетливо помнил, как в детстве Андрей веселил его своими рассказами обо всем на свете, потому что был мал и весь его лепет воспринимался Родионом, как что-то забавное. Даже когда у него было плохое настроение, и Андрей его раздражал до дрожи на правах младшего в семье. Они же были детьми, и в этом возрасте такое поведение — норма.

Дети только пытаются найти общий язык, притереться друг к другу, и также нормально, когда к более осознанному возрасту они начинают больше понимать друг друга, проверив, наконец, все границы дозволенного.

Но мы со временем, кажется, остались на прежнем уровне наших взаимоотношений. Не верю, что сейчас разговаривал с тобой. Просто не верю.

Чайник тихо начал закипать и тогда сам Родион, наконец, остыл. Эмоций нет. После их разговоров всегда появляется какое-то опустошение. Необъяснимое, но поглощающее. Он показался слишком несущественным сам себе, стоя на собственной кухне в окружении давно знакомых вещей. Порывисто обхватив себя руками за плечи, почувствовал, как головная боль усилилась, и понял, что на завтрак его уже не хватит.

Вдруг телефон пиликнул. Родион даже подумал, что это брат его никак не оставит в покое, но нет.

«Ну как до дома добрался?»

— Чего? — он вдруг вспомнил эту ночь и взбесился, — Неужели у кого-то детство заднице все играть не перестанет? Думаешь, что недостаточно сильное впечатление произвел?

Да пошел ты!

Родион не мог понять, кому и что от него надо. Какая глупость. Людям просто заняться нечем и решили себя так развлечь. *Вообще не смешно.* Он решил просто заблокировать его, чтобы сразу пресечь такое внимание к себе.

Ну, вот и все. Теперь можно и на работу собираться.

Здравый как раз вышел в подъезд, когда наткнулся на привычный запах чего-то неопознанного и тухлого. Сразу последовал рвотный позыв, но он его попытался сдержать. Сосед с пятого, Михаил Валерьевич Жуков, опять жарит рыбу, которую поймал в очередном выезде на рыбалку, и думалось Родиону, что именно потому, что он привозит домой рыбу, его жена еще не выгнала непутевого кулинара из дома. Их подъезд — это точно не место обитания семейства кошачьих. Такая рыбка даже им не пришлась бы по вкусу. Запах такой, будто эту рыбу он не в ближайшей речке выловил, а в мусоропроводе.

Закрыв за собой дверь на замок, оглядывается на деревянную дверь напротив под номером сто восемнадцать и прислушивается. Все тихо. А раз так, то все хорошо.

Спустившись к своему почтовому ящику, Родион увидел, что на нем приклеена записка. «Верни долг, тварь».

— Чтоб тебя! — он быстро содрал бумажку вместе со скотчем, поднялся на шестой этаж и аккуратно прилепил на дверь.

Здесь жил тот самый должник, который специально дал адрес Родиона, и теперь все записки с угрозами приходят именно ему. *Что может быть хуже для моей репутации.*

Наверное, весь день вчера так провисела, пока я был на работе.

И все это видели.

Нижнее веко у Здравого начало дергаться. Он даже не понимал, почему тот выбрал своей жертвой именно его. Может, потому что Родион производил впечатление успешного человека во всем их подъезде. И именно таким людям в первую очередь и хочется всячески подпортить жизнь.

А если так, значит, он добился нужного эффекта.

Он быстро спустился по лестнице на третий этаж и услышал звук открывающейся

двери.

Как по расписанию.

Родион не удивился, если бы узнал, что она стоит по утрам у двери и смотрит в глазок, ждет, когда он спустится. Видимо, как тот сумасшедший напротив его квартиры. В этом подъезде нужно всегда быть начеку, капкан буквально на каждом шагу. Еще один стабильно поджидает во дворе.

Он затормозил, и из-за двери показалась старушка.

— Мария Ивановна, — Здравый улыбнулся как можно дружелюбнее. Вообще-то он действительно искренне это делал, но в подростковом возрасте все часто говорили, что его улыбки несут зловещий посыл.

— Здравствуй, милый.

Мария Ивановна Зорина как всегда выглядит живенько, так и не скажешь, что ей за шестьдесят. По-стариковски ниже его, с небольшими впалыми глазами, вся покрытая морщинками.

В отличие от Родиона она явно не тот человек, который выдавливает из себя приветливую улыбку или хорошее настроение. Она протягивает контейнер с его обедом.

— Держи, покушаешь на обеде. А то куда вам в этом офисе, поди только в кафешки свои ходите. Еды сейчас нормальной там разве кто сделает?

Действительно, если бы не она, то он бы уже давно загнулся со своими способностями в кулинарии. Так что она услужливо его подкармливала время от времени.

Он подошел поближе и взял пакет с едой из ее узловатых худых рук.

— Родечка, ты как всегда спешишь. Как у тебя дела-то? А то совсем исхудал. Все засиживаешься допоздна на работе. Вчера вообще не видела, чтобы возвращался, — лицо бросило в жар от стыда. *Как же, допоздна на работе, ага.*

Рука его неосознанно потянулась к поврежденной скуле, но он быстро одернул себя. Сегодня с утра он как можно аккуратнее замазал скулу тональным кремом его девушки. И это был единственный раз, когда он порадовался, что его квартиру начали потихоньку оккупировать женскими принадлежностями. Вообще-то он был очень щепетилен в этом вопросе и не давал спуска Марине. Поэтому она особо ничего и оставляла, да и эта тоналка была давно забытой на его полке в ванной. Она сказала, что тон не подошел, а вот ему очень даже, как оказалось. И он очень надеялся, что это не сильно бросается в глаза. Хотя при ней хотелось смыть все с лица, чтобы она все увидела, чтобы пожалела.

— Да все нормально. Просто немного задержали, но это мелочи. Работа есть работа, — он улыбнулся еще дружелюбнее, насколько это было возможно. Родиону было неловко ей врать. Он начал чувствовать себя неудобно.

Она так похожа на родную бабушку. Всегда в одном из своих ярких халатов, россыпью усеянных цветами и ягодами. Сегодня там птицы на голубой ткани, а также застиранный, но еще целый передник белого цвета и домашние теплые тапочки.

Ему всегда было неловко принимать от нее помощь, особенно когда они только познакомились. Он тогда помог ей с тяжелыми сумками, когда лифт не работал. А так как у нее сильно болели ноги, то даже подъем на третий этаж был для нее очень нелегким.

— Ну ладно, ты беги.

— Спасибо, до свидания, — сказал он, указывая на обед.

Дверь закрылась, и он остался один в этом оглушающем тихом полумраке лестничной клетки. Черные тучи проникали прямо на подъездную площадку и повисли прямо над

головой Родиона. Хотелось вернуться в свою такую надежную и светлую квартиру и больше никогда оттуда не выходить, как и поступил один из жителей этой квартиры под номером сто шестнадцать.

Оказавшись на улице, он быстро огляделся и не заметил того «капкана», который обычно встречался здесь с утра. Только настороженная парочка котов, ожидающих не пойми чего. Махнув на них, Здравый втянул обжигающе холодный воздух в легкие и прокашлялся.

Сегодня Родион надел свое дорогое кашемировое пальто, туфли и часы. В одной руку был черный дипломат, а в другой непроницаемый пакет с другими вещами.

По пути на работу ему на глаза попался тот самый бар, и Здравый в омерзении от нахлынувших эмоций отвернулся. Он хотел как можно быстрее забыть ту ночь и те чувства, когда тебя бьют.

Доехав до места работы на маршрутке, быстро забежал в уличный туалет. Вышел он оттуда совсем другим человеком. В обычной синей куртке, кроссовках и шапке, а на скуле вновь была видна царапина с синяком. Через дорогу находился автовокзал, где он обычно оставлял в ячейке свой пакет с вещами. А обратно уже шел на работу.

Подходя до места назначения, он увидел Олега, идущего ему на встречу. Здравый весь сжался от неловкости, а тот с улыбкой до ушей, весь свежий и приятный на вид, уже махал рукой.

Родион, как всегда натянуто улыбнулся и пожал руку в ответ, когда тот подошел.

— Привет, ну как ты после вчерашнего? — Родион не понимал, тот над ним шутит или действительно не помнит, как случайно в драке задел его по лицу.

— Замечательно, — он все еще улыбался, — погода не радует, вроде даже дождь обещали. И как мы будем работать?

— А я дождя не боюсь, и вообще ничего не боюсь, — Олег встряхнул плечи и руки, как обычно делают, готовясь кого-то бить. Родион напрягся. *Точно не помнит? Или...* он обнял за плечо Здравого, — знаешь, советую тебе лучше присматриваться к окружающим тебя людям.

Брови напарника нахмурились, и последующая фраза прозвучала уже более грубо.

— А то мало ли кто гнидой окажется.

Дома плохо, но на улице еще хуже. Сегодня отчаяние захватило его. Илье снились насмешки, кривые улыбки подростков и оскорбительные слова, которые ему бросали в спину те, кого он считал своими друзьями.

Проснулся он в полной темноте, около 2 часов ночи. Он был весь липким от пота, его начало трясти. Как в бреду, Илья подорвался с кровати и направился в прихожую. Перед глазами было мутно, он еще не до конца проснулся, но не осознавал этого в полной мере. Была цель, которую нужно было достичь. В доме было так тихо, что можно было услышать биение его сердца. Оно стучало где-то в горле.

Он остановился у входной двери.

Ты должен открыть. Открой.

Открой эту дверь.

Положив вспотевшую ладонь на ручку, и с третьего раза замок поддался. Одним рывком он распахнул дверь.

Из темноты коридора до него дошел прохладный воздух. Тело покрылось мурашками. Пульс зашкалил, и он захлопнул дверь обратно. От напряжения в глазах все поплыло и,

потеряв равновесие, Илья упал на пол.

Зачем я сюда пришел? Зачем открыл проклятую дверь?

Он начал с надрывом смеяться. Тихо, но ночью его было слышно во всей квартире.

Илья раскачивался взад-вперед, сидя в прихожей. Ему послышались шаги из дальней комнаты.

Бабушка.

Сидя на подоконнике, Илья смотрит в щель закрытой шторы. Это всего третий этаж, его могут увидеть. Сейчас вечер, и небольшая компания подростков собралась под окнами и шумела. Илья смотрел на них и завидовал.

Когда-то давно он также сидел здесь, только окна были распахнуты и он провожал маму на работу, пока она не скроется за поворотом. Он помнил, как она устроилась нянечкой в один богатый дом и, собираясь на работу, стояла у зеркала в прихожей и поправляла свежую укладку. Слишком для няни. Илья подошел к ней и потянул за подол ее коричневого плаща, пока она не одернула его.

— Не хватай меня! Прямо как его сынок, никаких манер, — Илью это очень расстроило и он начал плакать и говорить, чтобы она туда больше не ходила.

— Да что с тобой сегодня? Ты еще слишком мал, чтобы понять, что твоя мама делает все для тебя. Скоро у тебя появится папа, ты что, не рад? — она отвернулась от него и стала поправлять пояс на талии, — Надеюсь, он научит тебя хорошему поведению. Тебе просто необходим отец. Ты должен видеть пример настоящего мужчины, а то привык устраивать сцены на пустом месте. Девочка, что ли? Будь сдержаннее.

Она хлопнула дверью, и Илья остался один.

В его комнату постучала бабушка и позвала на обед, вырвав из воспоминаний.

— Как ты сегодня себя чувствуешь? Утром ты опять ходил и твой приступ...

— Все в порядке. Это было недоразумение.

— Как же ты можешь так говорить про это? Я уже не молода! Вдруг со мной что случится, ты подумал? Что тогда будешь делать? Мне тоже нужна помощь, на кого мне еще надеяться?

— Ты вроде уже нашла себе другого, более подходящего внука? Что теперь от меня требуешь? Носишься за ним, обеды готовишь, всячески прислуживаешь. Для этого ты, видимо, недостаточно старая, — он еле все это выговорил с мешающим камнем в горле, который словно намекал ему, что Илья сказал лишнего.

Он не решился поднять на нее глаза, но чувствовал, что атмосфера изменилась.

— Не трогай Родиона. Он, в отличие от тебя, здоровый, полноценный молодой человек, который не страдает ерундой.

Илья замер пораженный.

«Смотри, идет этот неполноценный», «Какой из него мужчина вообще», «Ущербный, хотя на лицо неплох был».

Она обманула его на той вечеринке. Затянула в спальню, а когда он разделся и лежал на кровати, сфотографировала его. Потом включился свет, и туда вбежали ее подружки. Илья ничего не понимал, а когда на следующий день вся школа увидела его позор, он понял, что ее нежность была жестокой шуткой.

Ты держала меня за руку, а потом жестко оттолкнула. Кинула в бездну, абсолютно непроницаемую, без какой-либо возможности выбраться оттуда.

Мария Ивановна замолчала, увидев его состояние, и сделала такое лицо, от которого захотелось сбежать.

Жалость и отчаяние.

Он вылетел из-за стола и пошел прочь в свою комнату. Илью выворачивало изнутри, сжимало в тугий узел и не давало дышать. Даже спустя столько времени ничего не прошло. Прошлое преследует, от него невозможно скрыться. Илья смотрит в сторону зашторенного окна и жалеет, что слишком низко для прыжка.

Домой Родион ехал максимально разбитым. Настроение было на дне, впрочем, он ничего и не ждал от этого дня. Причиной тому стал недавний звонок от Андрея. Родион уж понадеялся, что после утреннего разговора он еще долго не объявится, как и любой человек, считающий себя правым, но нет.

Зачем я вообще ответил опять на его звонок? Мне что, мало было?

За сегодняшние сутки я и так уже совершил немыслимое количество ошибок, что мне еще парочка, верно?

Черт! Сегодня еще Маринка должна прийти ко мне. Нужно проверить все ли в порядке.

Он также вспомнил, что она хотела куда-то пойти с ним в выходные, чтобы сделать фотографии для отчета в своем блоге. Марина считала, что должна была вести в нем активность по полной, чтобы люди не подумали, что ее жизнь стала неинтересной. Это и для него хорошо, поэтому Родион вовсе не жаловался. В субботу должна была пройти выставка в одной галерее в центре, и они оба не хотели упустить такую возможность.

Родион поудобнее устроился на сидении маршрутки и прикрыл глаза, борясь с усталостью. Он перебирал во рту языком уже почти растаявший леденец: курить хотелось очень сильно. Он надеялся, что очередной наплыв этого желания вскоре пройдет.

Он как настоящий дурак, не зная, о чем только думал, ответил на звонок Андрея. Наверное, он все-таки надеялся на извинения, хоть какие-то, но наткнулся на очередное осуждение. Андрей сказал ему, что его любимая женушка недовольна Родионом, что он плохой дядя, который не может уделить хоть немного внимания своей любимой племяннице. Больной к тому же. В такой ситуации самого Родиона бесило, что брат даже не понимал, что его жена, наверное, тоже должна была как-то беспокоиться о своей больной дочери, а не ходить по делам. *Какие у нее вообще могут быть дела,* думал Здравый еще недовольнее.

Ксюша состояла в каком-то обществе или организации по борьбе с домогательствами и шантажом. Родион же относился к этому скептически. Он даже не представлял, чем они там занимаются и как помогают этим жертвам. И неужели это важнее собственного ребенка?! Чем больше ты будешь уделять времени на помощь другим людям, тем меньше его останется на тех, кто действительно дорог. *Если ее дочь с мужем ей вообще дороги.*

Хотя, о чем тут говорить, Андрей еще с детства потакал всем прихотям женщин. Как слушал мать, развесив уши, так и теперь даже не может допустить мысли, чтобы сказать своей жене, что она тоже не права. Но какой там. Она для него была святая, и Родион понимал, что его это сильно раздражает, ведь он в итоге всегда и оказывался не прав. Потом выслушивал и от их матери, которая, конечно же, узнает обо всем, и от брата и от Ксюши, которая, по мнению Родиона, имела меньше всех прав что-либо ему высказывать.

Недовольна она мной. Бред какой-то! Кто она мне такая?

Будто ему было дело до ее мнения. Мнения чужой жены. *Поэтому у меня и нет жены.* Он тихо отпустил смешок и пошевелился на своем месте, чувствуя, как веки тяжелеют.

И вообще, если я такой плохой дядя, то она еще хуже как мать для своего ребенка. Алиса сама в этом еще не раз убедится, пока будет расти в их семье. А я в свою очередь, всегда смогу предложить свою жилетку, как настоящий дядя.

В общем, из всего разговора Родион понял, что его благодушно простили и приглашают на семейный ужин к матери, которая уже в курсе этого небольшого конфликта. Когда он об этом услышал, то невольно скривился. Ну да, как же, семейный. Он знал, что Ксюша просто хотела весь вечер слушать, как мать будет при всех опускать его за то, что он такой непутевый, и вместо своей бесполезной работы мог бы и с Алисой посидеть. Это в ее духе. Женщины всегда заодно. Конечно же он согласился. Он знал, что за отказом последуют еще большие проблемы, чем у него уже имелись.

Откинув голову назад, облегчая напряжение в шее, он чуть не подавился леденцом и вновь выпрямился и открыл глаза. Огляделся непонимающе и понял, что чуть не заснул здесь в этой неудобной позе. Он с чувством откашлялся и проклял эту конфету, которая ни хрена не помогала. Курить все так же хотелось, только еще и желудок сокращался в спазмах.

Тут Здравый резко выпрямился на месте и напрягся. Его обдало жаром, и он судорожно начал вспоминать, замазал ли он синяк на лице после работы или нет. Подавляя желание прикоснуться к лицу, он невозмутимо повернулся к окну и облегченно выдохнул. Все было в порядке. Ничего не было заметно.

Чтобы не пропустить свою остановку, заснув здесь, он включил телефон. С утра он выкладывал фото со своей прежней работы и читал комментарии к ней. Все ему льстили, хотели знать, сколько же он зарабатывает, что может позволить себе дорогую одежду, каждые несколько месяцев новую машину и различные поездки с такой соблазнительной девушкой.

По правде сказать, Родион и сам завидовал такой жизни. И искренне, как ему казалось, радовался подобным комментариям, пока не наткнулся на один из них, явно выбивающийся из прочих.

«Совсем не сходится с реальностью. Мне показать всем этим людям, кто ты есть на самом деле?»

Родион в ужасе замер. Улыбки на лице больше не было. Руки начало немного трясти, но он этого совсем не заметил. Он начал рассматривать сидящих рядом людей. Здесь было всего пять человек, не считая его. Мужчина с женщиной, пара подростков и еще двое стариков. Почти все сидели в своих смартфонах, даже модно одетая бабулька лет шестидесяти, кроме одинокого старика, который устало поглядывал в окно.

«Мало ли кто гнидой окажется»

В моей жизни таких людей полно.

Возможно тот, кто пишет ему и тот тип в капюшоне, что шел за ним, это два разных человека. Тогда нет смысла сидеть и разглядывать невинных людей.

Родион понимал, что никто не похож на того человека в черном, что шел за ним, но успокоиться никак не мог. То, что он сейчас прочитал, уже выходило за рамки шутки. Это либо совпадение, либо написавший действительно что-то о нем знает. Было похоже на правду. Родиону есть что скрывать.

Или кто-то, не дождавшись никакой реакции от меня, решил продолжить

бомбардировку тупых сообщений уже здесь.

Он зашел во ВКонтакте и проверил те сообщения.

«Аккуратнее ходи ночью по улице».

И только сегодня утром.

«Ну как до дома добрался?»

Маршрутка остановилась, и Родион быстро вышел оттуда на улицу. Чуть ли не бегом направился в сторону дома, не забывая оглядываться. У него начали появляться странные и навязчивые мысли, что именно сейчас за ним тоже следит Он. Вот прямо сейчас. Видит, как Здравый боится этого, боится, что его сейчас догонят, а потом...

Он резко затормозил во дворе возле своего подъезда.

Ну нет!

Возле лавочки (наблюдательного пункта всех местных старушек) он заметил, что там стоит одинокая фигура. Родион даже не успел испугаться, как признал в этой фигуре свою девушку Марину.

Черт, не успел.

Не нужно ему было соглашаться на эту встречу, но они так давно не были вместе, что он надеялся, что сегодня ему уж точно перепадет.

Только вот не успел проверить, все ли в порядке в квартире, чтобы не было лишних вопросов и подозрений.

Девушка с прямым каре черных волос стояла в нетерпении и переступала с ноги на ногу. Явно недовольная из-за такого отношения к себе. Здравый осмотрел ее с головы до ног и понял, что стильные полусапожки в сочетании с короткой кожаной курткой не особо спасали ее от холода. Но Родион в этом уж точно не был виноват.

— Черт! Ну и сколько мне тебя еще было ждать.

— На работе задержался, — это всегда отличное оправдание, когда девушка знает, что ты работаешь не абы где, а в крупной фирме.

Они зашли в подъезд.

— Я думала, что мы уже давно в таких отношениях, когда можно доверить ключи от своей квартиры любимой девушке, чтобы она не торчала на холоде черт знает сколько!

Еще чего. Чтобы ты потом заходила туда, когда вздумается?

— Надо было одеться теплее. Утром будет еще холоднее.

— Я думала, ты завтра отвезешь меня, — Родион был рад, что она идет впереди, и он не видит выражение ее лица.

— Я сейчас не на машине.

— Ты сейчас что? — она замедлила шаг и вся повернулась в его сторону, крайне озадаченная, — Почему?

Он знал, что на это сказать, готовился.

— В ремонте. Я в последнее время стал замечать, что при движении чувствовались рывки и толчки. Мне сказали, что это клапана залипают, так что придется полностью менять коробку.

Может сейчас в какой-нибудь мастерской и имеется автомобиль с такой проблемой, но Родион к нему точно не имел никакого отношения.

Он будет скучать по своей Хонде, хотя и был бы не против, если бы у него действительно она была. Только своя.

Он с трудом сглотнул слюну после этой лжи.

Она еще даже не знает, что этой машины у меня больше нет.

Родион, конечно же, знал свою девушку и что ей нужен самодостаточный мужчина рядом и очень хотел соответствовать, поэтому никогда бы не признался, что у него в жизни все не так гладко. Марина привыкла ни в чем себе не отказывать, большую часть за его счет. В начале их отношений он умолчал о реальном положении дел, и теперь приходилось хоть как-то соответствовать, чтобы все не рухнуло.

— Нам с тобой в субботу просто необходимо посетить одну выставку. Я уже говорила, нужно все распланировать, — она шла вперед, смотря что-то в телефоне, а потом резко развернулась и показала объявление этой самой выставки, на которой они просто обязаны были засветиться.

— Хорошо, я приеду за тобой на такси, пока машина в ремонте.

— Что? Разве к субботе она еще не будет готова? Ты что, серьезно?

— Скажи это мастерам, которые ее чинят, — она отвернулась и они, наконец, двинулись дальше.

— Отлично! Просто замечательно, — она стала идти резче, вбивая ногами ступеньки лестницы. Родион даже и не думал в такой момент что-то вставлять. Для него это было рискованно.

Они уже подходили к его квартире, как она вновь повернулась к нему.

Видно что-то придумала.

— Знаешь, было бы гораздо удобнее, если бы у меня тоже была своя машина, — ее глаза явно намекали, а рот стал меньше и напоминал букву «О», но Здравый не собирался поддаваться, — было бы здорово.

— Ммм, да, здорово, — Он думал, что тогда она может идти хоть сейчас в ближайший банк и оформлять кредит на себя, если ей так хочется обзавестись собственным транспортом, — хочешь купить?

— Знаешь, у меня сейчас нет денег на это, — начала канючить она. *Тогда перестань покупать всякую ерунду, и они сразу появятся,* подумал Родион.

Здравый знал, что Марина еще за телефон до конца не расплатилась (его деньгами кстати), а уже думает о новой покупке в кредит.

— У меня тоже сейчас нет таких денег, — а в кредит он брать не собирался.

Она тут же нахмурилась.

— Интересно, а когда они вообще у тебя бывают? — и отвернулась.

А когда они бывают у тебя?

Он никогда бы не стал такого озвучивать и еле сдержал себя, чтобы не ляпнуть лишнего.

Он прошел вперед и открыл ей дверь. В его квартиру она по обыкновению заходила первая.

Утром он проводил Марину, и возле такси она впилась в его губы поцелуем, благодаря за проведенную ночь. Родион постарался в постели выбить из нее лишние вопросы: о покупке машины, о том, почему он в пакете принес какую-то грязную одежду, о странном цвете кожи на щеке и почему в шкафу не хватает его дорогого пальто, которым он хвастался на прошлой неделе.

— Увидимся сегодня после работы?

— Не знаю, много работы, — в этот раз она не стала сильно возражать.

— Ладно, созвонимся. Пока, — на прощание она чмокнула его в губы.

Когда такси отъехало от дома, он пошел собираться на свою работу. Родион продумывал

очередной план, как бы отделаться от встречи с девушкой, *думаю, что работа допоздна все же сойдет. Скажу, что там больше не на кого надеяться кроме меня. Вот такой я незаменимый работник.*

Выходя из подъезда, он увидел возле лавочки пожилую даму, подходящую для разминки Родиона в своей фальши.

Зинаида Григорьевна Харченко. Прямая противоположность твоей любимой бабушки из деревни. Она не из тех, кто будет каждый день готовить тебе и все твоим друзьям пирожки на обед после долгой прогулки.

Каждый день утром и вечером она выходит, чтобы накормить бездомных котов, нашедших свое пристанище возле этого дома. Родион в шутку называл это забегаловкой для котов.

Странно было, что он не застал ее вчера. Может, очередной артрит или еще что-то (погода в последние дни не радует), впрочем, Родиона это мало волновало. Ведь эта, безобидная на первый взгляд, старушка всегда выделялась своей ухоженностью и строгостью.

Ее нельзя было застать на улице, когда она выходила по своему обыкновению к котам, на прогулку или просто в ближайший магазинчик за углом, в простом халате и небрежно повязанном цветастом платке, откуда выглядывают туго накрученные старые бигуди. Это все было не про нее. Всегда холодное и надменное лицо, цепкий неприятный взгляд и большой острый нос делали ее похожими на хищную птицу, подстерегавшую свою жертву.

— Здравствуйте, — безразлично с неохотой бросил он.

— Хмм, — надменно, не смотря в его сторону. Они не поладили сразу, после того, как она случайно услышала про забегаловку. Так что неприязнь была взаимная, и Родион Здравый зная это, продолжал из вредности здороваться каждый раз, как только увидит ее. Хороший ритуал, по его мнению.

Должен же и я раздражать кого-то из соседей! Такое всегда поднимает настроение.

Она стала для него отличной кандидатурой из всех, кого можно было доставать. В такой ситуации, что между ними сложилась, нужно всего-то почаще попадаться на глаза тому человеку, который тебя недолюбливает, и все. Дело сделано.

Но сегодня Родион явно погорячился, что и сам был не рад, так как находился не в лучшем состоянии. А так как у нее был очень пронизательный взгляд, то ей он особенно старался показать, что он из себя представляет нечто большее, чем есть на самом деле, словно чувствуя достойного противника, с кем можно помериться.

Она всегда держалась так, словно проработала лет тридцать начальником в крупной организации.

Он взглянул на женщину и очень надеялся не увидеть осуждения в ее глазах. Но тут было что-то другое.

Недовольство.

Она презирала его состояние, она видела, что с ним что-то не так.

Эта женщина особенно не любит нытиков и слабаков, если она в тебе это замечает, то просто говорит это в лицо или, если повезет, просто не будет обращать на тебя внимания.

Он попытался прищуриться, чтобы напряженные глаза не выдавали нервно дергающееся веко ей на обозрение, но она уже отвернулась от него. Зинаида Григорьевна видела его слабость и не брезговала дальше это созерцать. *Вот так, ничего не говоря, смогла облить меня своим презрением. Настоящее искусство.*

Она всегда умела смотреть на него свысока, так, что он чувствовал себя маленькой незначительной букашкой, которая ей досаждала. Зинаида Харченко тем временем смотрела на своих любимых котиков. Ее такого теплого взгляда, наверное, еще никто из рода человеческого не удостоивался.

Черт! Так и хочется сделать ей какую-то гадость, чтобы самому успокоиться.

Его рука вновь нервно дернулась к замазанной щеке.

Заметила? Не похоже.

Он все еще надеялся, что искусно прячет синяк.

— Доброго вам дня, — ответа не последовало.

Он как мог весь подобрался, высоко подняв голову и твердо и гордо ступая, отправился на работу. Он тут же ощутил, как после этой сцены его шея и лицо пылали огнем.

Эта противная бабулька не должна была видеть его таким, никто не должен был. Он мог, как всегда, выйти из подъезда, выглядя при этом очень беззаботно, с улыбкой на лице (Родион знал, что это раздражает ее в нем еще больше), они бы обменялись неискренними утренними любезностями и разошлись. Но не сегодня.

Наверное, он тоже в ответ ее недолюбливал. Она чем-то напоминала его мать. *Они бы точно поладили, перемывая мне косточки.*

Единственное, чего хотелось Родиону, иметь понимающую маму, которая обязательно поддержала бы его, отправив учиться на юридический. И вскоре после выпуска из университета и неудач на работе никогда бы не сказала, что разочарована в нем. Он тоже хотел, чтобы им гордились, когда он выбрал для себя работу, где он чувствовал себя более комфортно и компетентно. Но после смены работы Родион автоматически стал для нее потраченным впустую временем, разочарованием. Человек, который мало чего добился в жизни, никогда не сможет впечатлить женщину и построить с ней семью, чтобы она могла быть уверена в завтрашнем дне.

Но его проблемы ее до сих пор не волнуют, она старательно пытается вывалить на Родиона свои, не давая возможности передохнуть. Всегда хочет, чтобы он ее понимал и вставал на ее сторону, даже когда она не права, что случалось часто, и чего она никогда бы сама не признала.

Валентина Алексеевна воспитывала своих сыновей, как ей казалось, настоящими мужчинами, где в их жизни единственной важной женщиной была бы она сама. Родиону было неприятно такое отношение, но и сильно противиться своей матери он не решался. Так что единственным вариантом решения этой проблемы он посчитал при первой же возможности переехать от нее. Для Здравого это было лучшее время, когда он немного успел почувствовать себя независимым.

После того, как он не смог продержаться на той работе, которую для него выбрала мать, и вообще поняв свою некомпетентность в этой профессии, он решил сам найти работу без образования.

Временную.

Которая превратилась в целый год.

Разнорабочий на стройке.

Как банально.

В итоге хваленое образование не принесло никакого толка.

— Здравый! Вельник! А ну быстро пошли и разгребли этот срач, а то ни пройти, ни проехать! Двое ребят чуть шеи себе не сломали, — это был их прораб по кличке Батя, —

Поживее! Вам тут не курорт!

И так весь рабочий день: приходи, когда нужно, и сделай, что просят, «Уйди с дороги! Не видишь, тут люди работают».

Сергей Вельник — его напарник по тяжелому труду. И если что случится, то достается им обоим.

— И чего так орать, — тихо сказал Сережа, — все равно обычный ТЦ строят, а их чуть ли не на каждом шагу. Когда мы с Валюхой поженились, целый год на съемной квартире куковали, пока ждали окончания строительства этих многоэтажек.

— Ага, — Родион делал вид, что очень увлечен беседой, таская разный мусор туда-сюда (и ждал, пока еще куда не позовут).

И думал про себя «Это определено не та жизнь, о которой я мечтал».

В темноте лестничной клетки Родион поднимался на свой этаж, медленно передвигая ноги, и запнулся носком ботинка о край ступеньки. Он упал и затих. Падение было болезненным, особенно для коленей. Этот удар оглушил его самого в этой тишине.

С лестницей у меня в последнее время явное недопонимание, но в вонючем лифте еще хуже.

Да и кто ездит на лифте до четвертого этажа?! Старики?

После интенсивной работы у него болели все мышцы. Особенно отдавала судорога в правое бедро.

Нужно будет намазать чем-то.

Он не спешил подниматься, что странно. Родион обычно в таких ситуациях действовал по инерции. Но сейчас вроде никто не видел, как это было глупо — споткнуться на лестнице. За старой деревянной дверью справа от его же квартиры раздавался детский плач. Он был приглушен, но даже так казался очень резким, и Здравый поспешил подняться.

Он вошел в свою квартиру, скинул с себя пальто и ботинки, которые наспех надевал на себя, и направился на кухню.

Неаккуратно плюхнул пакет на стол в кухне с так и не съеденной картошкой и котлетами, заботливо приготовленными Марией Ивановной. Его желудок отчаянно сжимался в спазмах от недостатка еды за день.

Достал контейнер, открыл его и поставил в микроволновку. Сразу после этого послышался, как по заказу, плач ребенка за стеной. В какое бы время Родион Здравый ни пришел домой, это всегда оставалось стабильностью.

В соседней квартире жила молодая девушка с маленьким ребенком, и им двоим, похоже, было все равно, что Родион приходит домой уставший с работы и ему тоже хочется хотя бы дома отдохнуть и вообще просто спокойно поспать без постороннего шума.

Проклиная себя в который раз и свою судьбу за то, что живет в этой картонной коробке, не имея другой, более лучшей и выгодной возможности, Родион слышал, как мать укачивает свое дитя, ходя туда-сюда по комнате, и он, кажется, успокаивается.

Микроволновка пикает непривычно громко, и, сжав губы, Родион достает свой ужин, стараясь вести себя как можно тише, опасаясь возобновления концерта. Здравому не хотелось бы потом винить себя в том, что этот младенец проснулся из-за него.

Если ты живешь в многоквартирном доме и хочешь покоя, то и самому нужно вести себя соответственно, когда того требует ситуация. Родион осторожно открывает верхний шкафчик, чтобы достать немного специй, как тут же пиликает сообщение на телефоне и

дернувшаяся рука что-то задевает на полке. На него что-то обильно посыпалось. От усталости он даже не мог как следует выругаться. Он замер, прислушиваясь и все еще думая о спокойствии ребенка за стеной.

Тихо.

Посмотрев себе под ноги, он понял, что это была крупа. Открытая пачка с гречкой, которую он когда-то делал себе на обед, и, видимо, на полке она легла не очень удачно из-за спешки.

Да, как будто моему настроению ниже падать некуда.

Поднимает голову вверх и глубоко вздыхает, успокаиваясь. На секунду он даже взбесился, что ему приходится подстраиваться под кого-то. Он ведь в своей квартире живет.

Ну конечно! У меня все ящики забиты всем, чем только можно, и больше половины наверняка уже просрочено. Неудивительно, что когда-то эта пачка должна была на меня упасть.

Завтра же все повыбрасываю!

Ему вспомнилось, как он, будучи маленьким мальчиком лет шести, залез на шатающийся табурет (других мужчин, кроме них с братом, в этом доме не было, чтобы что-то починить), пытался достать свои любимые шоколадные конфеты. Он знал, что мама всегда прятала их на верхней полке, чтобы он не достал. Валентина Алексеевна не разрешала их много есть, но ведь Родион так их любил. Он подумал, что если возьмет тайком одну, то она ничего не заметит. Стоя на носочках, он ощупывал всю полку, пока не наткнулся на то, что искал. Конфеты лежали недалеко от края рядом с небольшой красно-серой коробкой из-под маминых итальянских туфель «Соларт», которые она очень любила. Натуральная темно-зеленая кожа с розочками на носках такого же цвета. Как она гордилась ими, ходя на работу под завистливые взгляды. Коробка ей пригодилась тоже. В ней она хранила пакетики с разными специями, которые без разбора сыпала в свои кулинарные шедевры на суд сыновьям.

Теперь же эти туфли покоятся где-то на свалке, давно превратившись в ничто. От них осталась только коробка, которая, Родион был уверен, все еще была на месте.

Она тогда была в ванной, и он знал, что у него достаточно времени. Тут Родион как раз дотянулся своими маленькими пальцами до обертки одной из конфет, балансируя на той табуретке, и резко дернул руку на себя, задев что-то тяжелое. На него тут же полилось нечто липкое. Он замер пораженно и как-то весь сразу сжался, совершенно не понимая, что с ним такое произошло.

В дрожащих руках он еле удерживал перевернутую банку с вишневым вареньем. Он задавался вопросом, почему она была открыта, пока не заметил небольшой квадратик из ткани. Видимо банка была накрыта ей и слегка перевязана, но когда переворачивалась, то веревка не выдержала. Это было бабушкино варенье. Они только недавно вернулись от нее, и у них было приличное количество запасов. Но теперь их стало меньше, благодаря Родиону.

Все содержимое оказалось на нем. Попытка поставить банку на столешницу не увенчалась успехом. Она просто выскользнула из скользких рук и разбилась под ногами. Вот тогда это действительно был впечатляющий грохот. Ему хотелось плакать, он стоял и дрожал, толи от страха толи от холода, весь красный, не понимая, что делать дальше.

Это был полный провал, оглушительный, потому что ему казалось, что сейчас все слышали звук его преступного провала. Варенье липкими ручьями стекало с его волос на чистую хлопковую футболку, а короткие зеленые шорты превратились в грязные

коричневые. Он боялся пошевелиться.

Такую ошибку ему никто не простит.

Вся эта вязкая масса добралась до его ног, и если бы он пошевелился, то рисковал поскользнуться босыми ступнями на этом стуле, поэтому усиленно сжимал пальцы ног.

Он так простоял еще несколько долгих минут, пока не пришла мама и увидела эту картину. Родион все продолжал стоять, с силой пождав губы, но подбородок его все равно заметно дрожал. Он, почти не дыша, готовый быть застреленным на поражение от одного лишь ее взгляда, и все же не выдержав этого, начал плакать.

— Вечно ты лезешь, куда не просят. Сплошное разочарование, — глухой голос его матери бил не меньше, чем взгляд. Она действительно была разочарована и раздражена и хотела, чтобы ее сын знал об этом.

Родион же опустил пристыжено голову и теребил пальцами подсохший от варенья край футболки. Он хотел что-то сказать, но не знал, что хочет услышать она. Ему не хотелось признавать, что он совершил ошибку, и от этого еще сильнее расплакался.

Она не терпела оплошностей. Если живешь, то безупречно, без промахов. Ей казалось, что именно так она и заработала свою должность.

— Чего разревелся? Кто это убирать теперь будет? — она быстро подошла к нему, пытаясь не задеть при этом разгрома на полу, и ударила его ниже поясицы, — я разве не говорила, не трогать там ничего?!

Он сжался еще больше. Было обидно. Родион уже не казался себе героем или победителем (видимо, поэтому мать дала ему такое имя), скорее вором в собственном доме, так еще и застуканным на месте преступления.

— Тебе уже шесть лет, не маленький! Я думала, ты будешь вести себя более достойно! Но если к таким годам ты так ничему и не научился, то ничего в будущем ждать от тебя видимо и не стоит.

Она сильно распалилась, но не спешила снимать со стула, желая выговорить все, что накипело. У Валентины Алексеевны в то время как раз была большая неразбериха на работе, и у нее накипело. Слезы маленького Родиона смешивались с этим злосчастным вареньем. У многих бы это зрелище вызвало щемящее чувство в груди, но только не у Валентины Здравой. Она была из тех, кто считал, что в каком бы возрасте не был мужчина, самым недостойным поступком для него были слезы. И будучи директором школы, она навидалась подобных сцен и была готова к ним. Главное — никаких поблажек. Как бы ее ни упрашивали не рассказывать родителям об их проступках, она была непреклонна.

Позже, она заставила своего сына, борющегося с икотой после плача и всего перемазанного, убираться на кухне, предварительно убрав осколки с пола. А потом отвела его в ванную и вымыла.

Это было плохое воспоминание, в который раз показывая Родиону его место. Он криво улыбнулся. В гробу он хотел все это видеть! Это вечное понукание матери по поводу его недостойно устроенной жизни. Он все еще тяжело переносил, что не может доказать ей, что в его жизни не требуются ее вмешательства.

Оставшуюся ночь он провел в постели, так и не уснув. Он сильно переел, чтобы из-за навалившихся стресса и усталости не думать о спрятанной пачке сигарет на балконе. Как только он закрывал глаза, в его сознании всплывало ее недовольное лицо. В ее холодном молчаливом взгляде сквозило мыслью, что она опять чем-то недовольна. Он понимал, что это ему еще предстояло увидеть вживую, от чего его глаза каждый раз распахивались в

беспокойстве.

Он решил отвлечься и зашел на свою страничку. Открыв последнее фото с работы, которое он выложил в обед с подписью, что устал на работе.

Конечно, это была ненастоящая работа, но только так можно было получить одобрение от людей, так думал Родион. Когда в реальной жизни все складывается весьма скверно, то можно немного и схитрить.

Он читал новые комментарии, пока не наткнулся на тот злосчастный.

В желудке у него резко все скрутило и обдало беспокойным жаром.

А вдруг его просто кто-то узнал на улице и теперь хочет посмеяться над ним или еще хуже шантажировать этим?

Глупости! Если бы все так и было, то этот человек не стал бы ходить вокруг да около, а сделал бы свое грязное дело и все.

Только стоило ему успокоиться, как он наткнулся еще на одно от того же человека.

«Ты даже не представляешь, как много твоих секретов мне известно. Рассказать?»

Он отшвырнул от себя телефон куда-то в ноги и сел на кровати.

— Что за черт?! Что ему нужно? — он посмотрел на телефон, — что я тебе сделал? Что ты от меня хочешь?

Рассказать?

Ничего мне не надо рассказывать! Никому не надо.

Он сорвался в кухню, не включая свет, и налил себе воды, чтобы немного успокоиться, и выглянул в окно.

Стакан с водой выпал из дрогнувшей руки и оказался на полу.

Во дворе прямо под его окном стоял человек. Родион замер на мгновение и немного попятился от окна, но так, чтобы видеть его. Он был весь в черном, с накинутым капюшоном, закрывавшем почти все его лицо и смотрел вверх. Родион мог бы поклясться, что он смотрит на него, но быстро послал эти пугающие мысли подальше от себя.

Это все из-за этого дурацкого комментатора. Чтоб его!

Здравый смело включил свет и убрал все в кухне. Прощай стакан. После, успокоившись, он решил вновь выглянуть в окно, чтобы убедиться, что ему, возможно, показалось, так как он натура впечатлительная, но нет, он стоял так же, как и раньше. Кажется, даже не шевелится, просто стоит и смотрит в его окно.

Родион так резко отступил от окна, что чуть не упал на пол.

Нет, нет, нет! Просто совпадение.

Точно!

Наверное, стоит под окном какой-нибудь девушки и ждет ее. Верно? Верно! Зачем этому типу еще тут стоять?

Ну конечно! А я дурак подумал на свой счет.

Он вновь немного покосился в сторону человека в черном. Стоит. Выглядит таким же огромным и сильным, как и тот человек, что шел за ним той ночью.

Родион не представлял, сколько он уже так неподвижно выстаивает возле их дома, и не желал этого выяснять.

Кто-нибудь уже выйдет к нему или он простоит так до рассвета?! Клоун!

Он все же решил отойти от окна и попробовать заснуть, но мысли об этом странном типе не давали ему покоя. Он дрожал всем телом сидя на кровати и укутавшись по горло в теплое одеяло.

Родион уже начал потихоньку засыпать, как в его комнате раздался щелчок. Здравый аж подпрыгнул от неожиданности. Тогда это и случилось впервые. В его окно прилетел маленький камешек. Затем еще один и через минуту напряженной тишины еще один.

Его сердце стучало так сильно, что закладывало уши. Он не мог в это поверить. Он пытался себя убедить, что все это происходит не с ним. Это было странно и пугающе до дрожи. Конечно же, он не собирался больше выглядывать ни в какое окно. Сейчас ему было чудовищно страшно, и он не понимал, что с ним. Что смогло его так напугать? Подумаешь, какой-то тип с бессонницей решил, что это забавно, стоять среди ночи и бросать камни людям в окна.

Подумаешь!!!

Стуки прекратились, и Родион сполз на холодный пол, подобрав под себя ноги.

Теперь, лежа в темной комнате и гипнотизируя свой упавший на пол телефон, он уже не заботился о спокойствии соседей. Особенно неизвестного ему ребенка. Ему было страшно. Казалось, что этот человек сейчас ворвется в квартиру Родиона и нападет на него. Вот сейчас, еще одна минута, и он уже будет здесь. Если уже не здесь. Прячется где-то в другой комнате и только и ждет, когда Здравый потеряет бдительность и заснет.

Не бывать этому, даже если придется не спать всю ночь.

Вокруг так тихо. Теперь можно прислушиваться ко всему, чего раньше не замечал, и быть наготове.

Ему не попасть в мой дом. Не попасть. Мой дом — моя крепость.

Как приятно иногда бывает посидеть на свежем воздухе. Конечно, он и так делал это часто, но теперь по-настоящему ощущал себя свободным. Больше не нужно придерживаться никакого расписания. Делать, что велят, ежедневно прогибаться. Уверять себя и врачей, что не сошел с ума и оказался в этой больнице по ошибке, потом соглашаться, что с тобой действительно не все в порядке, но теперь уже все хорошо.

Симулировать свое выздоровление.

Теперь, после того, как его выписали, все действительно хорошо. Почти.

Когда его только определили в лечебницу, возле нее как раз начали что-то строить. Делать было нечего, и чтобы не сойти с ума по-настоящему, приходилось постоянно находить себе занятия. Для него таким занятием стало наблюдение за постройкой нового здания, как позже выяснилось, это был частный дом. И так как он строился на приличном расстоянии от них, все это было видно не так хорошо. Но теперь все иначе.

Здесь, на свободе, на пересечении двух улиц на углу строился новый торговый центр. Очередной большой магазин. Скоро в этом городе не останется места для людей. Столько народа, которые ждут своей очереди на получение жилья, живя в сталинских развалинах, готовых вот-вот сравняться с землей, а молодые предприниматели только и думают, как бы построить то, что будет еще больше тянуть из людей деньги.

Он радовался, что теперь сам может выбирать место, откуда можно хорошо наблюдать за всем процессом. Он привык ждать. Сидеть практически неподвижно и просто наблюдать за всем, что происходит вокруг и подмечать. Обычно он сидел на лавочке в парке, как раз напротив этого здания. Ходил сюда, как на работу. Он даже приносил сюда с собой еду и обедал здесь. Это его очень завораживало, и он не мог себе в этом отказать.

Он находил это увлекательным, — наблюдать, как из ничего получается что-то и входит в небольшую человеческую историю. Потом, скорее всего, в эту историю и уходит, как давно

надоевшее и изжившее себя.

— Остаются только воспоминания, — напоминал он себе всегда.

И он хранил эти воспоминания бережно, особенно самые яркие истории, которые он застал сам сидя здесь на лавочке. Один забавный случай произошел месяц назад или даже больше. Кто-то из рабочих наступил на арматуру и проколол себе стопу, а директор, который был рядом, сломал себе ключицу. Он подумал, что это и для них в первую очередь очень запоминающийся эпизод в жизни. Такое вот увлечение.

Но это не все. Было у него и еще одно хобби — следить за своими бывшими друзьями из прошлой жизни, которые все до одного отказались от него после одного неприятного инцидента. Для них он перестал быть человеком, достойным общения с ними. Теперь он был клеймен психиатрической больницей, а те, кто попадал туда, уже заведомо становились опасны и неприятны для всех прочих «нормальных», даже после того, как выходили оттуда.

Но он не псих, нет. Все не так. Он точно помнит, что было в его жизни, а чего не было. Как бы все не пытались его в этом убедить он точно знает. И она знает, и его бывший лучший друг тоже. Он прекрасно помнит, как все сговорились и подставили его. Он был не виноват, он делал только то, что ему позволяли, и говорил правду, но никто ему не поверил, когда он пытался доказать всем свою невиновность.

Сначала он хотел им отомстить, но за те годы, что он провел в больнице, просто остыл. Он только хотел вернуть себе свою жизнь, которой его так жестоко лишили.

После выхода он просто решил узнать, как у них дела, и поставить на этом точку. Насколько он знал, большинство тех, с кем ты имеешь счастье учиться вместе, загнивают через несколько лет после выпуска, так что он особо не переживал. Наверное, он даже рассчитывал застать пепелище, оставшееся от жизни этих людей, как подтверждение расплаты за свои гнусные поступки.

Но он ошибся.

Все соц. сети его бывшего друга Родиона Здравого пестрили успехом. У него была престижная работа, приличная машина, очень привлекательная девушка и вообще жизнь казалась до безобразия прекрасной и беззаботной. И увидев это все, сначала он даже не понял, что за чувство зародилось в нем. Он ведь думал, что все прошло. Он не собирался мстить, совершенно точно. Его пробрало на смех в тот момент. У него тоже могла быть такая жизнь, может даже лучше, кто знает. Но все усилия прахом. Ты меняешься, устраняешь свои недостатки, но наружу вылезают другие, более отвратительные. И только тогда ты понимаешь, что все было напрасно.

Он стал практически постоянно следить за ним. Он жил его жизнью каждый день и копил в себе эти непонятные чувства.

Вот он на своей работе, такой серьезный в костюме, что прибавлял солидности. Вот очередная новая машина, которая ознаменовывала новый успех на работе. Очередное фото с его эффектной девушкой означало, что и на любовном фронте все сложилось как надо. Они вели с ней активную публичную жизнь, посещая различные мероприятия, и явно этим гордились. Только от одного этого он приходил в бешенство. Но один момент в его жизни все переменял.

Это случилось в конце лета, когда строительство этого торгового муравейника было еще в самом разгаре, а он неустанно за этим следил.

К этому зданию как раз стали подходить рабочие, и тут ему показалась знакомая фигура. Та, которую он так тщательно блюдил в социальных сетях. Та, на которую смотрел с

еле сдерживаемой завистью.

Родион Здравый — бывший лучший друг, с которым он был знаком с университета и который, не раздумывая, подло его подставил.

Но сейчас ему предстала немного другая картина, он бы даже сказал координально отличавшаяся от той, которой он привык завидовать. Это уже не то счастливое и успешное лицо, которое смотрело на него с фотографий. Не было никакого костюма, в котором он ходил на свою престижную работу, была только рабочая форма строительной фирмы «Ваш авторитет».

Сначала он, конечно, подумал, что ошибся, но все же больше надеялся, что нет. Так и оказалось. Это точно был он. И от этого утверждения все мышцы разом напряглись в его теле, он впервые почувствовал себя хищником, который был готов напасть на свою беззащитную ничего не подозревающую жертву. Ничего личного, он просто был голоден.

И это чувство голода требовало утоления.

С того момента он стал незримой тенью следовать за ним везде и узнавать как можно больше о своей цели.

Теперь он знал, что Родион Здравый выходил на работу в семь тридцать утра, чтобы в восемь быть на рабочем месте, по дороге заходил в одну из кабинок туалета недалеко от его фирмы, а выходил оттуда уже в другом облачении.

Чуть позже, обычно в разное время он и остальная команда выезжают в форме на место работы. Как раз в это время Здравый иногда выкладывал фотографии в одном из своих костюмов, редко повторяющихся, на своем другом рабочем месте.

Как он выяснил, машины у Родиона тоже больше нет, и вряд ли будет с такими проблемами. Квартирка-то у него съемная, с очень привередливой хозяйкой. Это он узнал, когда решил проследить за ним до самого дома в первый раз и наткнулся на нее возле подъезда. Та ругала Здравого за ненадлежащее использование ее квартиры. Ей все казалось, что там пахнет табаком, хотя она с самого начала уточнила свою позицию на этот счет. На само же деле ничем таким и не пахло, просто при осмотре на балконе обнаружилась пачка сигарет, заботливо припрятанная Родионом, и к которой он запретил себе прикасаться.

Также выяснилось, что Здравый обманывает свою милую девушку, непонятно на что надеясь. Он сразу подумал, что это ему на руку. Он по сути ничего и не сделает, только расскажет о нем правду то тут, то там. А потом посмотрит, что будет дальше.

Его семья, как он понял, им не очень-то дорожит (он успел понаблюдать немного и за ними), так что вряд ли обратит внимание, если с ним вдруг что случится.

Он готовил план по разоблачению, но вскоре понял, что этого ему будет мало, и теперь ему хотелось понемногу превращать жизнь бывшего друга в ад. В нечто настолько невыносимое, что он бы просто не выдержал и, возможно, закончил все сам по доброй воле.

Ему были приятны эти мысли, что только из-за него кто-то может покончить со своей жизнью. Прекрасно.

После пары месяцев слезки и терпения, к которым он привык, наблюдая за строительством домов, он знал, где он ходит, что делает, что ест и как вообще живет. Он действительно готовился. Теперь весь созданный идеальный мир Родиона Здравого рухнет, и тогда он точно придет на его пепелище и искренне порадует, как радовались все, кто разрушил его жизнь.

— Где ты был? Я тебя уже битый час жду, паршивец! Хоть бы делом занялся полезным,

а то шарисься целыми днями не понять где, балду пинаешь! Ты продукты купил? — он только вернулся со своего поста, где проводил даже больше времени, чем было нужно.

После того, как его упекли с позором в психушку, Петр Алексеевич отправил в последний путь свою жену, которая не перенесла такого. Так что теперь он винил во всем своего непутевого отпрыска и надеялся отыграться на нем. Он работал на заводе всю свою жизнь, и после полученной травмы ему пришлось выживать на пособие для инвалидов, а теперь еще и кормить сына.

— Да купил я все, уже иду! — крикнул он, чтобы его услышали в дальней комнате, где и сидел его отец целыми днями, — обязательно так орать всегда? — добавил уже тише.

Он и не рассчитывал на большее, когда вернулся обратно домой буквально ни с чем. Сколько времени он потерял, доказывая всем, что он нормальный. Теперь у него нет ни образования, ни работы, ни денег, чтобы снять отдельное жилье. Видимо поэтому он так держался за расположение своего отца. Переступать через себя стало легче со временем, а осознание никчемности и безысходности стало еще ярче в этой мрачной и потрепанной квартирке, запахом которой он пропитался до костей.

Он точно отомстит. Сделает все возможное, чтобы все отвернулись от этого наглого и лживого ублюдка. Это только начало, но он знает, Родион уже чувствует, что он где-то рядом. Здоровый теперь не один. Теперь у него появилась тень, которая с радостью бросится на его жизнь, и никто этого не забудет.

ГЛАВА 2

КОНЕЦ ОДНОЙ ИСТОРИИ

Тусклый желтый свет от фонаря не дает прийти в себя. Он словно пытается загипнотизировать Родиона. Мягкие, но настойчивые лучи светят прямо в глаза, а вокруг уже давно темно. Здравому подумалось, что он теперь меньше будет заставлять дневной свет. Дневные сутки становятся короче, а ночи длиннее, так что теперь было гораздо тревожнее возвращаться домой.

Холодный пронизывающий ветер принес с собой резкий запах от стоящих вдалеке мусорных баков. Здоровый поморщился.

Не лучшее завершение сегодняшнего семейного вечера.

Хотя какая разница, если и сам вечер не радовал.

Он все еще сидит на лавочке перед подъездом своей матери. Веки слипаются, и Родион никак не может протрезветь, даже ветер не особо помогает. Хорошо, что окна ее квартиры не выходят на эту сторону. Ему это известно, но он все равно постоянно смотрит вверх, боясь увидеть там неодобрительно смотрящие на него знакомые лица. Что он в таком состоянии, весь такой никудышный и жалкий.

Напряженно концентрируя свой взгляд на грязных и серых стенах дома, он натывается на желтые трубы, висящие на креплении. Они давно потрескались, и теперь во многих местах видна ржавчина, но красить их, видимо, никто не торопится. Это были бреши в маске самого Родиона, он и сам был таким же заржавевшим, пытаясь все это скрыть за новенькой краской.

День Здорового полон разочарований. Не то чтобы ужин прошел совсем плохо. Кажется, это просто он мало что запомнил, это и хорошо. Поднимает голову еще выше, смотря на освещенную часть дерева, растущего в оградке рядом с домом. Листья уже почти все

пообсыпались, и между двумя небольшими лысыми ветками Родион замечает застрявшую бутылку.

Его обиженная голова тут же с энтузиазмом стала фантазировать, как бы эта бутылка могла бы попасть туда на дерево. Тут либо недоделанная молодежь ради забавы подкидывала все, что не допила, либо сверху какая-то пьянь кидала вниз то, что не осилила.

Родиону стало интересно, кому на голову она однажды упадет, ведь это действительно может случиться, и как жаль, что он этого не застанет.

А может и мне прилетит.

Вот бы вдруг по неизвестным ему делам проходила здесь его соседка кошатница или сосед со странностями или рыбных дел дома мастер. Он бы точно от такого не расстроился.

Хочется курить.

Родион по привычке похлопал руками по куртке, в надежде обнаружить заветную пачку, но ее там не было уже давно. Он так сильно объелся, хоть и аппетита не было под таким гнетом унижений, но из вредности это только в радость. Хотя курить все равно хотелось.

Бред все это. Ни черта не помогает. Ни конфетки, от которых только тошнит, ни заедание, ни таблетки.

Еще с утра он знал, что будет этим вечером. Сначала он полчаса стоял у подъезда и весь извелся в своем привычном костюме, который он всегда надевает на свою «работу». Потом в лифте до восьмого этажа не мог успокоиться и наконец, оказавшись у дверей квартиры, уже просто не желал быть обнаруженным.

Когда же Родион поднял руку до звонка, то ощутил, как его рубашка пропиталась потом в области подмышек от волнения, которое успел испытать в полной палитре по пути сюда. Это определенно стресс довел его. И вся сумасшедшая семейка.

Его брат работал юристом и был достаточно успешным. Их матери и Ксюше так и казалось, но, по мнению Родиона, это была бесконечно скучная и нудная работа. Точно такая же, как и его прежняя работа, с которой он не смог справиться.

— Только потому что ты не справился там, не значит, что с работой что-то не так, — всегда говорила Валентина Алексеевна.

Да и он сам себе не даст этого забыть. Сколько сил на него было потрачено и денег на это обучение. И что в итоге?

— Андрюша, ну как дела-то на работе? — их мать только и спрашивала об успехах на работе, чтобы потом хвастаться всем своим знакомым.

— Мам, да все отлично, — Андрей как бы невзначай немного повернулся в сторону Родиона, — вот одно перспективное дельце намечается. За него можно много получить.

Родион и бровью не повел, назло всем.

— Это хорошо. Правильно я тебя воспитала. И подумать страшно, что было бы, если бы я тебя не заставила пойти на юридический. Помнишь, кем ты там хотел стать? Ударником! — Валентина Алексеевна хрюкнула от смеха, — Они себе даже на хлеб с маслом заработать не могут. Разве ж это профессия для серьезных мужчин, да сына?

— Да, мам, — при этом Андрей совсем не выглядел, как согласный с подобными утверждениями.

Родион на мгновение ощутил укол в душе.

— Родион, я тут на этой неделе встретила с одним моим давним знакомым. Он теперь стал директором одного из банков, — Родиону уже не нравилось, куда она клонила, — так вот ты мог бы встретиться с ним и обсудить одно предложение.

— Ты же знаешь, что я туда не пойду. Не хочу в очередной раз позориться. Тем более у меня уже есть работа.

— Работа? С высшим образованием на стройке кирпичи таскать? Что ты меня позоришь все время, — он услышал легкий смешок от Ксюши, которой она пыталась замаскировать под кашель.

— Я в твои годы уже имела перспективы в жизни, а вы оба знаете, как мне было трудно. И ничего. Отучилась, пошла работать. Это сейчас меняют работу, когда вздумается. Дикость какая, — Валентина Алексеевна в отвращении сморщила лицо, — учатся годами то там, то сям, а толку? Так на работу по профессии и не могут устроиться. Я же все для тебя уже подготовила. Ты бы мог нормально работать, не то, что всякие продавцы в супермаркетах. Вот не послушал мать, и где ты теперь?

— Я тебя понял, — Родион сидел с безэмоциональным лицом, как будто не с ним разговаривали.

Он знал, что мать это бесит. Она не могла вынести такого отношения к себе и своим словам.

Сколько еще раз за вечер это выслушать придется?

Может свалить домой под каким-нибудь предлогом?

Хотя, с другой стороны, на столе еще есть что выпить.

Посижу еще немного.

— В общем, я уже договорилась о встрече, и только попробуй меня там опозорить.

— Всенепременно, — конечно идти он никуда не собирался. Позорить их семью ему не впервой.

Больше никто не обращал на него внимания. Родион был рад, что так рано переехал от нее. В этой квартире ему всегда было невыносимо. Здесь почти ничего не изменилось. Он заметил, что в кухне в верхнем шкафике в углу все еще стоит та самая коробочка из-под обуви, вся потрепанная, но на месте.

Он сидел на старом диване, который помнил еще с детства. Так и не скажешь, сколько ему лет. Обивку мама берегла, и часто вообще не разрешала им на него садиться в собственном-то доме. Родион практически утопал в нем, и от этого очень ныла поясница. Его щеки горели от выпитого вина, бокал с которым он все крутил в руках, чтобы хоть как-то отвлечься. Их мать не скупилась, как всегда на подобных встречах. Она любила и хотела жить в достатке. И конечно хотела, чтобы об этом достатке знало как можно больше людей.

Он даже не помнил, какой это был по счету бокал, просто бутылка вдруг оказалась в зоне его досягаемости, и он сам себе начал подливать. Конечно же, слушая от матери по этому поводу. Ведь она не для его рта так старалась.

Родиону больше нравилась пора лета, когда они приезжали к бабушке в деревню. Тогда все в доме пахло закрутками на зиму. Мать сама этим не занималась, так что бабушка щедро их одаривала, когда они возвращались в город.

Оливье, селедка под шубой и ее любимая Мимоза. Майонез и куча овощных слоев. Многослойные салаты. Родион сразу вспомнил Шрека из мультика.

Многослойный.

Как лук.

И я многослойный. Многоликий.

Ксюша, которая тоже сидела на диване возле Родиона (интересно, почему не возле своего мужа), что-то тараторила под ухо. Сегодня она надела очень блестящее короткое

платье, что без сомнения ей шло, и когда она закидывала ногу на ногу в ее привычном жесте, было видно ее нижнее белье. Родион думал, что это очень привлекательно (возможно немного пошло, но привлекательно точно), даже если это и жена твоего старшего брата. Сам же Андрей почти ничего не пил, изображая интеллигенцию, и поэтому даже не замечал этого или просто не видел в этом никакой угрозы. Он смотрел телевизор и что-то обсуждал с матерью.

За окном уже давно стемнело и трехлетняя дочка Андрея и Ксюши, Алиса, время от времени подбегала к Родиону и приносила ему разные рисунки, которые делала на маленьком столике в углу комнаты. А он все меньше соображал, погружившись в свои переживания и любования длинными ногами Ксюши.

Когда перевалило за восемь часов вечера, а темнело рано, то Родион с радостью засобиравшись домой. Пока Андрей с матерью все еще разговаривали в гостиной, он, попрощавшись, пошел к выходу. Его никто не держал.

Проходя мимо их бывшей с братом комнаты (сейчас там мама устроила комнату для гостей), он мельком увидел, как Ксюша укладывала дочку спать. Они решили остаться на ночь.

Меня она никогда не просила переночевать у себя.

Как будто я согласился бы.

— ... когда подрастешь, тоже найдешь себе принца.

— Правда?

— Конечно, только позже. Сейчас все мальчишки дураки. А Мишке тому передай, что тебя нельзя обижать. Он не прав, поняла? — Родион заглянул в приоткрытую дверь.

— Его мама сказала, что он меня ударил, потому что я первая начала.

— Ха! Что за воспитание?! Это не значит, что нужно бить в ответ хрупкую девочку.

Такая уютная и нежная обстановка в комнате, что даже не верится, что он сам когда-то в ней жил. Ксюша сидела на краю кровати Алисы и нежно гладила ее по волосам. Родиона резко затошнило.

Неужели это я ей когда-то помог? Все женщины заодно.

Понятно, почему мать приняла ее в семью. Она, как две капли, копирует ее. Видит в ней себя. Я тоже всю жизнь прожил с утверждениями, что всех особей женского пола надо на руках носить. А мать особенно. И теперь она зомбирует свою дочь.

Родион думал, что она, видимо, убеждена, что делает все правильно, поэтому так умело из брата веревки вьет. Он отвернулся от двери и увидел ее пальто (купленное Андреем), висящее на крючке.

Если я сейчас незаметно оторву одну, они наверняка удивятся, заметив пропажу.

Здравому пришло в голову, что он действительно может это сделать, но позже.

Он вновь закрыл глаза и поудобнее привалился спиной к скамейке. Родиону не хотелось, чтобы и у этого невинного ребенка была такая же судьба, как у него. Он все еще помнил холодность матери, когда он стоял в кабинете директора и весь дрожал от того, что высказал ей все, но она ничего не хотела слышать.

«Сейчас же перестань!»

Это было самое горькое воспоминание, которое он вряд ли простит, потому что понимал, что его прощение никому не сдалось.

Родион грубо усмехнулся и открыл глаза. Ему пришло какое-то оповещение на телефон.

Вся его кожа покрылась мурашками. Теперь это случалось каждый раз, когда его телефон подавал признаки жизни, а все из-за той ночи.

— Черт!

С какой-то страницы в ВК пришло сообщение с фото. Он открыл и чуть не выронил телефон из рук. Это было уже слишком. Просто слишком. Сердцебиение участилось, словно при тахикардии, которой он никогда не страдал.

На фото был он сам. Сидел на этой лавочке, полностью опершись на спинку. С закрытыми глазами. Ничего не подозревающий.

Он обернулся. Начал вертеть головой во все стороны, не совсем понимая, что он собирался увидеть.

Того парня в черном, подсказало подсознание.

Здравый шурился, но никак не мог никого разглядеть в этой рассеивающейся темноте. Это пугало еще больше. Он заметил, что вокруг стало совсем тихо. Родион весь сжался, затаил дыхание, как будто это при опасности могло бы ему помочь, и решил как можно быстрее отправиться домой, ему надоели эти глупые шутки.

— Что за хрень? Кто это?! — он нервно дергал плечами и стряхивал что-то невидимое с затылка, словно до сих пор ощущал на себе чей-то взгляд. Осознание всей серьезности этой слежки приносило ощутимый физический дискомфорт, — Кто здесь?

Никто ему не ответил, от чего становилось только хуже. Его проверяли на прочность. Его дразнили. Его запугивали.

Он понимал, что если кто-то следит за ним прямо сейчас, то это не глупые шутки, а угроза его жизни. Ему не нравилось, что кто-то знает о нем так много, а Родион тем временем остается в неведении.

Ему становилось все сложнее убеждать себя в том, что это всего лишь шутки какого-то безмозглого пацана, которому нечем заняться.

Стояла тишина, только ветер завывал в их дворе.

Тут он услышал звон позади себя, и под ноги к нему подкатился камешек. Здравый вздрогнул и обернулся. Сзади него вдалеке стояла фигура человека. У Родиона тут же перехватило дыхание, а в глазах защипало от страха. Он просто замер, не мог пошевелиться, хотя и понимал, что его промедление будет ему стоить очень дорого. Он не понимал, что от него хочет этот человек, и проверить не собирался.

Он, не подавая виду, что испугался, просто повернулся обратно и спокойным шагом направился подальше с этого двора.

А в ушах продолжали звенеть шаги позади него. Они ускорились, и Родион тоже. Его сердце стучало так сильно, что дышать стало больно. Человек, идущий за ним, не собирался сбавлять скорость, так что Здравый принял решение бежать. Пустился бегом так, что сам не понял, как оказался вне этого жуткого двора, и побежал по улице. Он думал, что оторвался, но когда обернулся, то увидел все ту же фигуру, преследующую его. Тот тоже бежал, только за ним. В этот момент сердце и пропустило пару ударов, от чего дыхание сильно сбилось. Родион понял, что сейчас темнота его друг, и, пробежав пару кварталов по пустым улицам (не центр все же), он увидел впереди небольшой переулок, где напрочь отсутствовали фонари. Нет, может они там и были, но в темноте было не разобрать. Сначала Здравый повернул в сторону, где фонари горели, чтобы Черный капюшон увидел его, а потом завернул в темноту, спрятавшись за кустами.

Сердце его так и заходило, кислорода не хватало. Организм пытался его восполнить,

но Родион боялся сделать лишний вдох, лишь бы его не услышали. Следом за ним, как Здравый и предполагал, сталкер на секунду остановился в замешательстве, но услышав шорох дальше по улице, побежал в том направлении.

Пару минут Родион сидел, не решаясь пошевелиться. А потом, осознав всю ситуацию, резко засмеялся в тишине. Смех этот был странный, с надрывом.

— Пошел ты! — громко закричали кусты на улице, — уделал тебя!

После этого Здравый, сидя в этих же кустах, опорожнил свой желудок, и ему полегчало. Сейчас он точно ощущал себя победителем и был доволен собой. Даже протрезвел.

Было очень холодно. Родион лежал на кровати на животе в темной комнате, а рядом стоял небольшой тазик. Когда он пришел домой, его все-таки вырвало, а сейчас его немного морозит и трясет. То ли от страха, то ли от еды. Может все вместе. Все выходило тяжело и горчило. Он подумал, что, наверное, это вина салатов, приготовленных Ксюшей, которые она принесла с собой. Он заметил, что мать к ним так и не притронулась, хоть и очень хвалила. У него тоже никогда не было уверенности в ее кулинарных способностях. Родион даже представить не мог, что она туда положила. Возможно, она даже просто купила еду в ближайшем супермаркете и выдала за свою стряпню, дабы всех впечатлить.

Не буду там больше ничего есть.

Алкоголь выветрился, но мысли лениво плавали в голове. Правая рука лежала на тумбочке. И Родион то и дело включал и выключал светильник. Кажется, он опять не сможет нормально уснуть. После всех происшествий он стал немного нервным, но не хотел этого признавать. В его жизни есть проблемы и похуже.

Вот соседи сверху уже разошлись не на шутку. Они тоже не очень трезвые. В любой части квартиры Родиона Здравого их все равно слышно, а ему и так плохо. Разве он мало страдал? И так уже минут двадцать блевал под аккомпанемент их ругани и не собирался в таком состоянии идти и устраивать разборки.

Когда Родиона вновь вырвало в тазик, он перевернулся на спину и поднял руку вверх. Она затекла и начала покалывать, на ней даже остался сильный отпечаток от угла тумбочки.

Скрип, скрип.

Опять этот ужасный скрип старых и проржавевших качелей на детской площадке в их дворе. Уже несколько дней кто-то испытывает его терпение и видимо не только его, в первый раз он еще попытался что-то разглядеть через окно, но ничего не увидел. Было темно, так еще и мешал старый большой орешник, которой рос напротив его окна и заслонял почти весь обзор. Так что, увидеть того, кто почти каждую ночь изводит всех, ему не удалось. Возможно, это бесило только Родиона, потому что утром, да и в другое время, он ни от кого больше не слышал жалоб на этого скрипуна, даже от завсегдатаев бабулек на лавочке. А раз так, то он никак не мог показать, что его хоть что-то донимает. Он никогда не жаловался первым.

Около двух часов ночи скрипы прекратились, и в его окно прилетел маленький камушек, но Родион уже крепко спал, наконец, поборов тошноту.

Суббота, раннее утро. Пасмурно. Родион Здравый мог бы сказать, что его состояние ничуть не уступает погоде за окном, но, на удивление, сегодня у него было очень хорошее настроение. Когда он проснулся, то почувствовал, что его больше не мутит, в голове прояснилось, и мысли были чистые.

Неужели ее стряпня дает такой эффект? Может я погорячился и мне почаще к ним стоит заглядывать на званые ужины?

Сев на кровати, он повнимательнее посмотрел в окно. Тяжелые тучи опасно нависали, но Родиона это почему-то сейчас не волновало. Он был в хорошем настроении.

Всего сентябрь, и обманчивая духота утром и днем заставляет большинство людей одеваться легко и мерзнуть потом вечером по пути домой. Расходящиеся черные тучи в запоздалом рассвете создают впечатление, что сейчас этот пока еще тусклый, но дающий надежду свет, прогонит всю темноту с неба, но это тоже обманчиво. Родион это понимал, но все равно был рад.

Его взгляд упал на шкаф, где хранилась большая часть *его* гардероба, наверное, даже лучше сказать, лучшая его часть. Ему было не так удобно ходить в одежде в прокат, куда лучше сидеть дома в застиранной футболке и штанах и чувствовать себя при этом свободным. Но приятнее, когда ты для всех выглядишь, как сотрудник достаточно крупной фирмы с приличным доходом, чем объяснять своим старым знакомым, что не добился ничего большего, чем должность обычного разнорабочего на стройке.

Ему нравилось видеть, что все думают, будто он очень успешен и счастлив, живя без проблем. Но это вовсе не тот человек, кем он являлся на самом деле, это был тот, кем ему нужно быть, чтобы заслужить уважение близких и не очень людей. Теперь его окружают люди, которые даже не знают настоящего его. Даже его девушка держится не за него, а за его мнимый успех.

Но сегодня выходной, так что уже есть чему радоваться.

Никаких родственников, никаких подозрительных блюд на столе.

Родион хорошо помнил вкус каши, которую готовила его мать по утрам. Она всегда была невкусной, потому что ей всегда было некогда. У нее была работа, на которую она всегда спешила. Она старалась быть идеальной в глазах многих людей и думала, что ее сыновья будут так же на нее смотреть, но прогадала. Они жили вместе с ней за этой ширмой.

До обеда он решил забрать новый костюм для сегодняшней выставки и заодно прогуляться до рынка, там дешевле и качественнее.

Кстати про дешево. Хороший и дорогой костюм ему не по карману, но вот в одном переулке в магазинчике без названия купить несколько брендовых вещей можно. И не так дорого. Там даже можно достать и пакеты соответствующие.

После того, как Здравый закупился необходимым костюмом, он прошелся до красивой аллеи в центре и сделал селфи, чтобы естественно в кадр попали брендовые пакеты и он сам в новой кофте. Он улыбается, показывая тем самым хорошее настроение.

— Да, именно так и должны выглядеть победители по жизни, — говорит он, загружая фото, и подписывая «Просто хорошо провожу время».

Дело сделано.

В руках у него был уже довольно тяжелый пакет с продуктами (все остальное он положил в камеру хранения на вокзале, чтобы забрать на обратном пути), когда он шел по небольшому переулку с разными палатками.

Возле небольшой желтой будки с ремонтом ключей стоял мужчина средних лет, опираясь на костыль с протянутой рукой. Он был очень грязным и потрепанным, каким Родион не позволяет себе быть даже после тяжелого рабочего дня (чего только стоит каждый раз вычищать грязь из-под ногтей, чтобы они по-прежнему выглядели ухоженно).

Этого мужчину здесь видят впервые, в отличие от женщины, которая нависла над ним словно изголодавшийся ястреб. Она делает это не в первый раз, и Здравый уверен, что ей это доставляет определенное удовольствие. У отца Максима, его друга, был свой рыночек стройматериалов, и они там часто играли, будучи подростками. Тогда Родион и увидел ее впервые. Ничего не изменилось, только она стала старше и злее.

Одета она сегодня была как всегда довольно странно. Черная юбка и пиджак, на котором был прикреплен маленький фиолетовый цветок, в тон им маленькая сумка, усыпанная блестками. И белый длинный платок на шее, который он видел на ней всегда. Обычно она цокает на нищих, проходя мимо, а иногда, как сегодня, когда она бывает в плохом расположении духа, останавливается возле них и начинает причитать, что они живут недостойной жизнью.

Прносящийся неприятный скрежет ее каблука об асфальт чем-то странным отдает в желудке Здравого. Она пыталась вкрутить его в землю, словно штопор, наваливаясь всем телом. Из-за этого ее поза выглядит еще более странно, чем она сама.

Этот бездомный с отросшей бородой некрасиво кривится, но ничего не говорит, впрочем, как и каждый, на кого она решила вылить весь свой гнев. Родиону даже стало жаль его на мгновение и желудок сдавило еще сильнее, так, что он почувствовал приступ тошноты. Так бывало всякий раз, когда он оказывался в неприятной ситуации. Кто-то из толпы толкнул Здравого в плечо, и тогда он пришел в себя. Нужно было убираться подальше от этого цирка уродцев, пока и его не записали в их число.

Он прекрасно видел, что не так много людей обращают на это внимание, а все кто остановились, хотели только поглазеть, как унижают такого же человека, как и они сами.

Конечно, Родион Олегович, строй из себя святого. Ты же сам так не думаешь. Тебе неприятно на это смотреть, лишь потому, что ты боишься сам оказаться на его месте. Не хочешь, чтобы на тебя смотрели так же, с презрением и брезгливостью, поэтому так держишься за тот образ, который для тебя так тщательно подготовила твоя мамаша. Радуйся, пока ты на другой стороне этого представления.

Она уходит, оставив за собой невыносимый старческий запах. Головная боль потихоньку начала усиливаться, а узел в животе начал ослабевать.

На этой проклятой выставке было очень скучно. Кругом люди разных возрастов делают вид, будто что-то понимают в современном искусстве. Родион далеко от них не ушел, пытаясь держаться на высоте в такой обстановке. Его девушка в модном черном платье и с популярной прической, которую рекламируют чуть ли не все, уже успела сделать кучу фото на фоне картин и инсталляций. Здравый тоже, и главным образом, чтобы в кадре была Марина. Они как раз остановились у одной из картин, где стояла толпа людей, смотрящих в телефоны.

— Описывает наш мир сейчас, как нельзя удачно, верно?

Родион обернулся и увидел перед собой ухоженного молодого человека, которого сразу узнал.

— Степа? — бывший одноклассник Родиона, и как он полагал теперь и бывший хулиган всей школы.

Марина тоже повернулась к ним, с интересом разглядывая нового знакомого. Для нее в будущем возможно полезного знакомого. Ведь где, если не на таких сборищах, находить нужных людей.

— Степан Андреевич. Как пошел на повышение, так теперь меня не остановить. На данный момент возглавляю один из отделов, и это только начало, — он широко улыбнулся, сверкая слишком белыми зубами.

— Поздравляю. Сейчас не один из наших учителей не поверил бы в это.

— Ха! Точно, помнишь, что они говорили обо мне. Только дворником и работать до конца дней. Такая банальность. Сами-то ничего не добились, — теперь он заметил Марину и обратился, — а это что за прекрасная леди сопровождает моего давнего друга?

— Марина, — она тут же с энтузиазмом протянула ему руку, и он вместо рукопожатия ее поцеловал.

— Чем занимаетесь?

— Сейчас веду свой блог на Ютубе. Нужно же кому-то показывать, как правильно жить: вести активную деятельность, не сидеть на месте.

— Да, это верно.

Родиона всего передернуло.

— Да не ревнуй ты, — Степа толкнул его локтем по руке, все так же улыбаясь, — сам-то ты как?

— Он у меня работает в банке и так же идет на повышение, — теперь она повисла на нем, — Столько трудится, что я его почти не вижу, да?

— Ради тебя, между прочим, тружусь.

— Ну, прости, прости.

— В общем, жизнь удалась, да? Ты-то хорошо учился в отличие от меня. Таким обычно легко все дается. У тебя еще в друзьях был Макс, а у него семья не из бедных, — Родиону это не понравилось.

— А это тут причем?

— Да нет, ни при чем, просто вспомнил. Вы еще вообще общаетесь?

— Конечно, — Здравый не стал говорить, что он уже давно не мог дозвониться до Максима, но это было не так важно.

— А он чем занимается? Пошел по стопам папаши?

— Как встретишь его, сам спроси, — зло ответил Родион. Ему все меньше хотелось находиться здесь и разговаривать с этим индюком с раздутым самомнением.

— Да ладно тебе злиться, сам же с ним когда-то драку затеял, все это помнят.

— Что? — Марина отвлеклась на секунду от телефона, — с кем ты там дрался? С Максом что ли? Серьезно?!

— Да, представляешь?

Ему было тошно, что такой разгильдяй в прошлом мог сейчас добиться чего-то большего, пока сам Родион создавал видимость. Так и хотелось назло ему согласиться с матерью и пойти на ту предложенную работу, и пусть он бы не справлялся с ней, главное утереть нос этому уроду.

Вечер был испорчен. Сначала подвез на такси Марину до дома, а потом к себе, мысленно подсчитывая, сколько еще денег у него осталось на аренду новой машины. Он прекрасно видел, как Степа уезжал на своей тачке.

Понедельник. Ссадина на скуле все еще видна, и Родиона бесит, что приходится каждый раз ее замазывать, а потом стирать и опять по новой. Хорошо хоть одноклассничек ничего не заметил. Сумел его провести, а это уже победа.

Не надо аплодисментов.

С самодовольной ухмылкой Родион запирает замок, пока не услышал звуки открывающейся двери за спиной.

— Привет, как дела? Ничего? — Здравый только вздохнул на это.

Опять. Неужели так трудно отстать от меня. Навсегда!

— Так что? Даже не поздороваешься со своим соседом? — голос был спокоен, он как мог растягивал все слова, — Я каждый день здесь...

— Да здрасьте, здрасьте! — Резко сказал Родион, выходя из себя, — Доволен?

— Более чем, — с глупой улыбкой довольно протянул этот чудо-сосед. К слову его звали Георгий Ивин, но Здравому об этом знать было не нужно.

— Что ты сегодня делаешь?

— Работаю.

— Аааа... Как интересно. Может еще что-то?

— А тебе я смотрю заняться нечем, — Родион был немного раздражен от зуда в носу. Очень хотелось чихнуть.

— Да в принципе есть, просто...

— Просто ты беспардонный наглец, который тратит время другого человека.

— Ты уже дважды меня перебил, так что вопрос остается, кто из нас наглец беспардонный, — сосед оперся о косяк двери и скрестил руки на груди, — а такой с виду весь прилежный, незапятнанный.

Родион напрягся от этих слов.

Дальше он решил спускаться на ненавистном лифте, так как сосед отрезал путь к лестнице. И вообще хотелось уйти более достойно из этого разговора, захлопнув двери лифта перед его наглым носом.

Здравому этот бездельник казался довольно странным, впрочем, как и каждый приличный сосед. Одного возраста с ним, не алкаш, не шумный, не скандальный, Родион мог бы даже сказать что никакой, если бы он уже полгода, как сюда переехал, не доставал его при каждом удобном случае. Да, тогда его можно окрестить как приставучий. Как известно, каждый сосед просто обязан тебя чем-то доставать намеренно или нет. Вы должны друг друга ненавидеть, как, например, весь подъезд сейчас этого рыбного дельца. Но, видимо, этому надоедливому соседу нечем было выделиться на фоне такого разношерстного подъезда, и сам выдумал, чем можно выбесить простой народ вроде Родиона Здравого.

Как-то они всей семьей сидели за ужином на кухне: он, Андрей и мать. Его брату исполнилось четырнадцать лет, а ему было всего семь. Валентина Алексеевна с чувством жаловалась на соседского сына и его вкусы в музыке. В те времена Эминем был популярен, и его слушали многие мальчишки. Но их мама была явно другого мнения об их вкусах.

— Как же он мне надоел, этот дрянной мальчишка. Ну, это и понятно с его-то семьей.

— У всех плохие соседи, — и тут ее тираду прервал Андрей.

— Значит мы тоже плохие? Мы ведь тоже чьи-то соседи, — На кухне резко стало тихо, а потом мать вlepила ему подзатыльник.

— Что ты глупости несешь! Кому мы что сделали, а? Да таких соседей, как нас, боготворить нужно. Не то что эти! — она неопределенно махнула рукой в стену, за которой раздавались невыносимые шумы. Уже позже, как пришли родители этого мальчика, Валентина Алексеевна им все высказала.

Андрей такие речи выдавал, что Родион уже тогда ему в рот заглядывал, он ведь был

старшим братом, а значит автоматически идеал в глазах младшего, которому нужно подражать во всем.

Но этого соседа напротив Здравый никак не мог понять, он пытался его выбесить специально. Родион задавался вопросом, почему бы не пристать к какой-нибудь милой старушке, вроде Ильиничны с первого, и не строить ей козни день ото дня до конца ее жизни, если ему заняться нечем. Он бы тогда тоже повесился.

Уже в лифте Родион заметил испачканную кнопку первого этажа и полез в сумку за салфеткой, и брезгливо нажал на нее. Здравый, конечно, на своей работе и не так запачкаться мог, но кнопка лифта, изгаженная в какой-то субстанции непонятного происхождения, это совсем другое дело.

Когда он уже выходил из подъезда, ему вдруг почудилось, что он что-то забыл. Это была Мария Ивановна со своим обедом, всегда поджидавшая его возле своей двери.

Вот блин!

Обеда лишился!

В этот момент он смачно чихнул и тут же почувствовал себя плохо. Это был не простой чих. Кажется, он заболел. Обычно для Родиона все так и начиналось. Как-то в детстве он заболел на летних каникулах, ничего серьезного. Уже через несколько дней все прошло, чему он был очень рад и пошел гулять с Максом на их стройку, но уже через полчаса он сильно подвернул ногу на небольшом склоне и заработал ушиб. Нога сильно опухла и посинела, он не мог на нее наступать. Мать тогда сильно разозлилась. Как всегда. И тогда все оставшиеся каникулы Родион провел дома, сидя перед телевизором и слушая мамины нотации, пока не начались учебные дни.

Вот таким был везучим Родион Здравый. Им и остается.

На выходе из двора с другой стороны он опять хотел пнуть машину, что всегда паркуется напротив пандуса, когда понял, авто другое.

Еще один debil, не знающий правил.

Это мы быстро исправим.

Он пнул ее, да посильнее. Сигнализация не сработала, что странно. И Родион, неудовлетворенный этим, пошел дальше, еще раз взглядевшись в нее. В салоне точно никого не было. Но он чувствовал, что ему буквально смотрят в спину. Здравый поежился.

Может, бывшая за мной вздумала следить?

На работе вообще все начали бесить, особенно эта женщина за сорок с их небольшого склада, которая постоянно была им недовольна за порчу имущества. Людмила Георгиевна, она же жена их прораба, осматривала его порванную робу.

— Да что ты за человек Здравый?! Думаешь, я тут на одного тебя работаю? — она немного перегнулась через стойку, давя своим авторитетом и весом, — тут у многих ребят работа поопаснее твоей будет, но только ты приходишь вечно ободранный, как кот помойный.

— А я что? Начальство само устроило все это представление. Все должны видеть, где именно работает их начинающая строительная компания. Значит, мы должны выглядеть как рекламные щиты в этой форме. Не я это придумал, — с издевкой он решил добавить, — иначе, зачем вы тут еще стоите весь день.

— Ах ты, говнюк наглый! — она в лицо кинула ему новую робу, коих осталось не так много. Его порванную ей придется зашивать самой и вспоминать Родиона, — да я уже давно

работала, пока тебя в планах не было!

У Родиона очень свербило в носу, и он думал только о том, как бы побыстрее оказаться дома и забыться сном. А она все говорила и говорила, пока он сжимал кулаки, будто это поможет унять нестерпимый зуд в носу, который не давал покоя. Ради собственного достоинства он старался не шевелить мышцами лица лишней раз и со стороны выглядел еще хуже, чем думал.

Он держался, пока она не попросила его высказаться, и тогда он не выдержал и чихнул ей прямо в лицо. Дважды. Шею и плечи сразу же обдало огнем, то ли от температуры, которая, Родион был уверен, у него уже есть, то ли от стыда за несдержанность своего организма.

По итогу, чтобы не выглядеть уязвлено данной ситуацией, Здравый даже и не подумал извиниться, он отвернулся от нее в сторону окна, и тут ему на глаза попала та же машина, что и сегодня утром. Сердце его застучало сильнее, лицо вспыхнуло, а в желудке отозвался привычный уже ему узел.

Действительно, та самая.

И номера те же.

Людмила Георгиевна заметила перемену в его поведении.

— Так-то! Что, совесть проснулась, а, Здравый?! Я с кем разговариваю? Ты что, опять за свое?! Я еще найду на тебя упр...

Он спешно удалился в кабинку туалета, что находилась недалеко от этого склада. В его ушах звенело от страха. Это было странно, ведь на самом деле ничего плохого не произошло. Ну, стоит себе машина, пусть дальше стоит. Ему ведь никто не писал больше, он это проверяет каждый день. Угроз не поступало, значит нечего переживать.

И вообще, с чего я взял, что это по мою душу?

Совпадение.

Это уж точно ничего не значит.

Все время на работе Родион то и дело поглядывал в сторону авто через дорогу, он то сильнее начинал нервничать, то успокаивал себя мыслями, что все совпадения прояснятся.

В конце рабочего дня он решил проверить, что же за таинственный водитель сидит в той машине, если он вообще там. Он был уставшим и измотанным, но в нем сохранилось какое-то озорство, ребячество, которое требовало выхода. Как с тем ворчливым стариком из детства, когда они с Максом воровали на спор в его саду яблоки.

Он решительно пошел вперед.

Посмотрим, что там.

Было темно и было тяжело разглядеть, есть ли кто в салоне.

Родион подошел сбоку, облокотился на крышу и постучал в окно со стороны водителя. Через секунду ему постучали в ответ. Здравый оторопел и услышал, как машина завелась и резко сорвалась с места, он еле успел убрать руку от нее.

Он стоял на месте и соображал, что только что произошло. И тут он вновь почувствовал облегчение.

Точно!

Тот хрен, что стоял возле дорожки, и я пнул его тачку, чтобы проучить. Он видимо решил проследить за мной и отомстить, но не вышло, слишком долго он ждал.

А потом я сам к нему подошел, вот он и испугался. Или передумал.

Малолетка какой-то.

— Давай катись! — крикнул Родион, когда машины уже давно не было видно.

Стоя на остановке и ожидая троллейбус, Здравый обернулся и увидел свое отражение в стеклянной стенке, он понял, что лучше пойдет пешком. В темноте улиц легче затеряться.

И это я так выглядел?! Даже переодеться забыл.

Родион чувствовал нарастающее раздражение из-за своей простуды и стресса из-за случившегося. Он очень хотел вызвать такси, ему было страшно. Он не хотел идти домой и оглядываться, но понимал, что потратит лишние деньги, и ему потом не хватит на свою мнимую обеспеченную жизнь и тогда уже он не сможет оправдаться перед своей девушкой. И так уже машины лишился, от чего она не в восторге.

Тут ему пришло сообщение в ВК «Ну как, понравилось представление? В следующий раз будь поласковее с моей машиной. Своей лишился — значит чужие бить можно? Я прослежу за тобой».

А плевать мне! Моя жизнь дороже.

Он вызвал такси, и когда оно приехало, он сначала внимательно осмотрел самого водителя, седого усатого старика, а потом под его вопрошающий взгляд сел.

И тут, как специально, пошел дождь и довольно сильный. Из-за этого на улице стало ничего не видно и не слышно. Родиона накрыла новая волна беспокойства.

Не видно и не слышно.

Ничего.

«Я прослежу за тобой»

Голова его раскалывалась, и никакие таблетки ему не помогали. От попытки убедить себя, что ему просто нужно больше отдыха, уже тошно. Он больше не верит. Не верит, что все это шутка, дурацкий прикол какого-то сукина сына. Он просто хочет, чтобы все это прекратилось.

Раздражает. Я так больше не могу.

Конечно, можешь. Ты же не хочешь, чтобы все стало еще хуже?

Хуже? А еще может быть?

Этот внутренний диалог ни в чем не помогал. Наоборот, только разжигал тот огонь беспокойства и агонии, что поселились в нем, когда пришло то самое первое сообщение. Когда пришел легкий испуг, а потом все забылось, списавшись на глупый розыгрыш.

Но не теперь.

Не теперь, когда это все стало частью его реальности, а не разыгравшимся воображением. Он чувствовал запах опасности.

Кто-то хотел поиздеваться над ним.

Это ведь еще не все?

Он гораздо ближе, чем я себя убеждал. Он знает, где я работаю, про потерю машины. Что еще он знает? Что еще он сделает?

Кто он такой?

Приехав до пункта назначения, он вышел и быстро направился к своему подъезду. Родион весь промок, и, поднимаясь по лестнице на свой этаж, услышал свое имя.

Проклятье!

Он дернулся от неожиданности. На секунду подумалось, что его все-таки настиг преследователь, но нет.

Возле него оказалась Мария Ивановна с обеспокоенным выражением на морщинистом

лице. Она как обычно встречает его с работы. Раньше это казалось очень трогательно, но только не сейчас. Родион был взвинчен и напуган. Он услышал звук работающего лифта и запоздало подумал, что мог бы прокатиться на нем, как сегодня утром, чтобы уже наверняка никого больше не встретить. Но от усталости он совсем забыл об этом и теперь придется, как порядочный сосед, добродушно улыбаясь, поддержать разговор. Хорошо еще, что тут лампочки на сорок ватт, меньше вопросов будет по поводу его внешности.

Сколько еще неприятностей на меня сегодня обрушится?

— Ты выглядишь уставшим. Давай я тебе сейчас что-нибудь приготовлю? — Она тут же начала обеспокоенно хлопать руками, — Боже, я так распереживалась. Утром тебя не видела, думала, случилось что. Наверное, стоит зайти...

— Нет, спасибо, — Родион вздрогнул от собственного голоса. Он был какой-то охрипший и сухой. Он прокашлялся, — Не стоит.

Голова уже кругом от этого внимания.

Она вгляделась в его лицо и ахнула.

— Родечка, ты что, заболел?! Так что же ты раньше не сказал? И с этим еще и на работу пошел, да что же это такое. Подожди, — она стала хватать его за локоть и пытаться затащить к себе в квартиру.

— Не надо, — вырвалось у него слишком резко.

Его это начало раздражать. Только не сейчас, в любое другое время он бы вел себя более сдержанно, но... Виной всему была высокая температура и затуманенный разум. Во всяком случае, Здравый пытался себя в этом убедить. Это лучше, чем думать, что в здравом уме он не мог себя контролировать. Это бы значило, что его маска начала трещать по швам.

— Роденька, ты что? Я же помочь хочу.

— Лучше следите за своим внуком, если вам все еще есть до него дело, — язвительность в его голосе была очевидна. Он даже не заметил, как изменилось лицо Марии Ивановны. Губы ее сильно сжались.

— Я не ваш внук, — выдернув руку из ее хватки и опустив голову, тихо сказал Родион, — и никогда им не был.

С садистским удовольствием он наблюдал за ее реакцией. Растерянная, больше не пытается до него дотянуться руками, которые теперь нервно перебирали ткань халата. Теперь он был с множеством цветов, нежного кремового цвета. Он должен дарить умиротворение и любовь.

Мария Ивановна была пристыжена и, кажется, никак не ожидала от своего дружелюбного соседа подобной выходки. Здравый горько усмехнулся и убрал со лба влажную челку. В ушах начало звенеть от напряжения, щеки горели.

Родион сорвался со своего места, и только когда оказался в своей квартире, все стихло в голове. Он сполз на пол, холод которого сейчас не ощущал, и понял, как ошибся.

Ужасный день. И я ужасный.

Сегодня он был крайне несдержан по отношению ко всем.

А ко мне был ли кто-нибудь сдержан?!

Она ведь ни в чем не виновата.

Но на меня обращает внимания больше, чем на своего внука.

Но мне было приятно это.

Просто сейчас мне внимания и так хватает. Все лезут в мою жизнь!

Но ведь она все равно заботится о внуке, раз держит рядом с собой.

Нет! Она стыдится его.

Это Родион Здравый понимал, вот только внутренний голос твердил, что та женщина на работе была слишком назойлива и дотошна, а его соседка была вдвойне назойлива в своей заботе. Так что получается, что они обе сами и виноваты и заслужили подобного отношения к себе.

Горячий душ не помогает, наоборот. И приняв таблетку от головной боли, пытаясь в последний раз убедить себя, что именно в этом дело его нездоровья, он упал на кровать, закутавшись в одеяло.

Где-то вдалеке Родиону слышались звуки дождя и женский крик за дверью.

Долбанные соседи.

Также он слышал, как его мобильный разрывался от звонков, но сумка, в которой он лежал, так и осталась валяться в прихожей, так что Здравый даже не подумал пойти за ним.

Все тело ломило и будто стало тяжелее раза в два. Не было сил даже глаза открыть. Но с каждой минутой эти звуки становились все тише. Тогда он еще не знал, что как только проснется, его проблем станет больше.

Она никак не хочет оставить его в покое. Сколько за сегодняшний день она уже позвонила ему? Раз двадцать, не меньше. Максим так и не удосужился ей ответить. А зачем? Что он мог бы сказать своей девушке. Бывшей, если она правильно понимает намеки.

Очередной звонок он сбросил.

Видимо неправильно, раз она стоит сейчас за его входной дверью, а он делает вид, что его нет дома.

Не то чтобы он от нее прятался, нет. Просто не хотелось ввязываться в очередные проблемы, но если он продолжит, то все станет хуже, и тогда ему придется платить алименты. Но она ведь не настолько тупая, чтобы принять неправильное решение.

Да, Катя была беременна. И от страха и непонимания, как такое могло с ним произойти, Максим мог бы поклясться здоровьем своей матери, что этот ребенок точно был не от него.

Да, конечно, убеждай себя в этом дальше.

Как же хорошо начиналась наша история любви, и как банально закончилась.

— Беременна, пфф, — бормотал Максим. Он сидел в кухне на стуле и думал, как поступить.

Он ведь и так хотел с ней порвать, а она ему заявила такое. Тогда этот разговор закончился ничем. Официальных слов о разрыве так и не прозвучало.

Но мы ведь и не встречаемся сейчас, так? Она должна была все понять. Хоть она и пытается всячески влезть в мою жизнь до сих пор.

Максим не представлял, что решить насчет ребенка? Он его точно не хотел, а на аборт у него денег не было. Пришлось бы просить у родителей, но тогда бы они узнали об этом, а этого Максим уж точно не хотел. Но если он так и не поговорит с Катей, она может и сама к ним отправиться, и они все равно узнают.

Как же быть?

Я просто хотел развлечься. Ее проблемы, что она приняла все близко к сердцу.

Максиму тоже было стыдно признаться, что попал в такую ситуацию. Только болван может так влипнуть, и ему вовсе не хотелось так думать о себе.

Очередной стук в дверь отвлекает его от мыслей. Уже восемь вечера и давно стемнело, поэтому он не включает свет в квартире, чтобы не выдать себя.

И не надоело ей?

Она стоит возле двери его квартиры: то звонит в дверь, то стучит в нее периодически. И еще звонит и пишет. Максим же предпочитает быть недоступным везде.

Где-то глубоко в подсознании он понимает, как ей тяжело оказаться в такой ситуации, и что должен ее поддержать, но он не может. Он не готов. Его каждый раз парализует от этой мысли. Максим не мог заставить свой мозг обдумать это как следует. Не мог сосредоточиться на работе, и из-за этого у него все валялось из рук.

Он все надеется, что его бывшая девушка, Катя Свиридова, вспомнит о каком-нибудь срочном задании из универа и вернется в общежитие. Вдруг, впервые за то время, что она стоит за его дверью, он услышал ее голос. Такой тихий, что он не смог ничего разобрать, а потом сильный стук в дверь, от чего он вздрогнул всем телом.

Оставалось только удивляться, как еще соседи не вышли пожаловаться на шум.

Удивительно. Обычно лезут, когда не надо.

Спроводили бы ее, сказали какой я непутевый, что со мной дел никаких не сделаешь все. Знают же меня.

Сразу бы отстала.

Больше ничего не было слышно.

Ушла?

На лице Максима заиграла счастливая улыбка, полная надежды. Он осторожно поднялся со своего места, и, подойдя к окну, посмотрел через пыльную тюль во двор.

Вот она. Выходит из подъезда, останавливается, уперев руки в боки, и резко поднимает голову вверх, смотрит в его окно. Именно туда, где он стоит.

Она словно знала, что Максим стоит тут. Ее темно-карие глаза прожигали его душу изнутри. Он видел в них столько осуждения, что до конца дней хватит, чтобы чувствовать себя подлецом. Позже она ушла.

Он прекрасно помнил, как состоялся их первый разговор о нежеланном ребенке.

— Постой! Ты даже не дал мне шанса объясниться! — он пришел встретить ее возле университета, чтобы провести немного времени вместе, но она сказала, что не очень хорошо себя чувствует и на это есть причины.

После ее заявления он конечно уже не стал ее слушать.

— А какие нужны объяснения, я все понял! Но я не хочу этого, и ты это знала.

— Как будто не от тебя это зависело? — рыжеволосая девушка вцепилась в его руку, боясь, что он вновь предпримет попытку уйти.

— Я помню, как предохранялся, так что...

— Так что *что*?! Хочешь сказать, что ребенок не твой? *Так* ты это видишь? Или забыл, как две недели назад я приглашала тебя в общагу на день рождения Ольки, и там ты напился, а потом утащил меня в туалет. Тогда тебя не сильно заботила защита! — она начала бить его руками в грудь и кричать.

— Да отцепись ты, психованная, невозможно с тобой разговаривать в таком состоянии, — он грубо оттолкнул ее от себя и ушел. На прощанье сказал, что позже позвонит, когда она придет в себя, но так этого и не сделал.

Так что она не стала дожидаться инициативы от него.

Он всегда знал, что никогда не сможет завести настоящую семью, потому что его собственная семья только на первый взгляд всегда казалась мечтой для многих.

Тот день, когда он узнал все. Такая очевидная измена, что думая об этом Максиму

становится больно. Все эти горькие воспоминания из детства. Он никогда больше не сможет забыть всех ссор родителей, которые застал. Они ведь и до этого были, но когда в их доме появилась та женщина, все стало еще хуже. Его мать стала вести себя как истеричка. У них до этого бывали няни, но эта была особенная. Именно из-за нее, считал Максим, его мама закатывала скандалы без причины, иногда на глазах у другой прислуги. В те моменты ему было особенно стыдно, хотя и не понимал всего.

Один раз, поздно вечером, он сидел на ступеньках лестницы недалеко от столовой и слушал.

— Юль, может, уже хватит? Голова от тебя болит. Что ты от меня хочешь услышать? — отец явно находился на одном месте, пока Юлия Викторовна нервно кружила вокруг него, словно пчела, — Думаешь, у меня проблем на работе нет?! Прихожу поздно домой, и вместо любящей жены меня встречает какая-то больная на голову истеричка, которая не стесняется прислуги. Заняться нечем?

— Что?! — нервно взвизгнула его мама, — Ты меня еще в чем-то упрекаешь? Проблемы у него, видите ли. Да плевать мне на твои проблемы на работе. Ты и так дома редко бываешь, а когда, наконец, появляешься, то я нахожу тебя в компании этой суки. Ты проводишь время с ней, вместо своей семьи.

— Так значит...

— Ты хоть в курсе, что у этой потаскухи есть ребенок? Или я чего-то еще о тебе не знаю, и это твой, а?! — Юлия уже кричала, — Хочешь, чтобы я с тобой развелась?!

— Не разведешься, — так же спокойно, как и до этого. Ему не впервой вести переговоры с нервными заказчиками.

— Что? Почему это? — сказано с уверенностью, но более нервно.

— Потому что в случае развода ты и копейки от меня не получишь. Уж поверь, я постараюсь. И сына ты тоже больше никогда не увидишь, — голос Валерия Леонидовича стал еще строже и холоднее, — Ему не нужна такая мать, как ты. Так что успокойся уже, а то смотреть на тебя тошно. Мне так надоели твои вечные истерики.

— Истерики? Ничего бы не было, если бы ты не привел в наш дом эту нахальную женщину. Да я на раз-два ее уволю, — голос откровенно дрожал.

— Не забывайся. В этом доме распоряжаюсь всем я. Даже тобой. Я ее нанял и мне решать, когда ее уволить. Ты здесь не решаешь ничего. Твой долг воспитывать нашего сына, как подобает и не выступать.

Максим сидел и не шевелился, хотя все его тело дрожало. Он не выносил подобных сцен, но не мог просто уйти. Он думал, что если не будет присутствовать при этом, то все окончательно развалится.

— Ты себя слышишь вообще? Я что, для тебя больше никто? Из-за нее что ли? — она перестала ходить из стороны в сторону, — Это какое-то яблоко раздора в нашей семье.

— Если бы не ты, никакого раздора бы не было, — сказал отец все так же спокойно, — ты сама хотела няню для нашего сына, чтобы у тебя было свое время, я пошел тебе на уступку и что я вижу? Чем ты занимаешься? Чем ты опять недовольна? Ты даже за сыном нормально не можешь уследить, когда он с тобой? Ты его мать или кто?

— Я... да я. Ты не понимаешь, что она хочет от тебя, устроившись сюда? Денег! — закричала Юлия Викторовна, — Мало ли что она придумает, чтобы получить...

— Так хватит. Мне надоело выслушивать этот бред. Это все твои выдумки. У меня с ней ничего нет и не может быть. И она так же продолжит здесь работать, как и прежде. И чтобы

я этого больше не слышал, ты меня поняла?

Все что он знал и видел в своей семье, было пропитано ложью. Ему было противно, что он сам стал таким. Теперь Максим и сам вечно что-то скрывал или недоговаривал. Сначала он думал, что это и есть его главное преимущество в жизни, что это делает его менее уязвимым и более сильным к различным невзгодам, но теперь он понимает, что все тайны, что он так бережно хранит, давят на него. Пытаются без спроса вылезти наружу. Ему все сложнее контролировать накопившееся. Он уже даже не помнит, зачем изначально все это было задумано.

Максим никак не мог решить, стоит ли рассказывать Родиону то, что он видел. Наверное, все же стоит. Он хотел этого освобождения, только для всего должно прийти свое время, так он считал.

Максим Воронов сидел напротив очередного клиента и пытался его убедить, что это лучшее решение взять кредит именно здесь. Он работал в небольшом отделении банка, который находился недалеко от центра. Довольно приятное оформление и всегда выгодное предложение для каждого, кого сюда занесет по делам, даже если изначально приходили не за этим. Здесь вам всегда предложат то необходимое, без чего вы бы точно прожили более спокойной жизнью. В любом случае, все сделают вид, что здесь гораздо выгоднее, чем в том через дорогу.

— Да как ты не поймешь, это ведь он ничего и слышать не хочет. Меня ни во что не ставит! — в полголоса, но очень настойчиво говорит девушка с ребенком, которому никак не сидится на руках у мамы.

Максим, улучив момент, пока его клиент внимательно вчитывался в документ, показал язык годовалому ребенку.

— Да, конечно, я понимаю тебя. В начале брака всегда так, — напротив с непробиваемым холодным лицом сидела Алена Степанова, одна из консультантов. Она всем видом пыталась показать, что работы куча, и у них тут не светская беседа. Их с Максимом окошки соседствовали, и он наблюдал все с первых мест.

— Конечно, но ты пойми...

Мать с ребенком — их бывшая сотрудница Оля Маркина, которая ушла в декрет, а теперь терроризирует их, приходя почти ежедневно.

Максим был уверен, что больше ее не увидит, но это было бы слишком хорошо. Дома ей наверняка не с кем поговорить и обсудить своего мужа, о котором незнакомые люди в очереди знают больше, чем его родная мать.

Эти люди в очереди, кстати, очень негативно относятся к подобным индивидам, но никто не хочет ввязываться в конфликт. Кроме позавчерашней женщины, которая оказалась вместе с Олей в очереди. Не повезло Оле. То была мать с двумя детьми, и их разговор был короткий.

Голова начинает потихоньку гудеть, и он пытается судорожно вспомнить, остались ли у него в сумке таблетки анальгина. Толпа все растет, хотя только начало рабочего дня. Парень все отмахивается от предложения, а потом уходит.

— Ээх... Ну и пошел ты, — пробормотал он под нос.

Отлично! Просто здорово. Максим ты отлично справляешься со своей работой. Так держать!

— Что-что? — спросила тут же присевшая дама за сорок.

— Нет, ничего. Чем я могу помочь? — ослепительная улыбка вновь была на его лице.

Пока она пытается обрисовать свою проблему с картой, Максим пытается время от времени поглядывать в зал, нет ли там знакомой рыжей шевелюры его девушки. *Бывшей девушки*, напоминает он себе.

Надеюсь, больше без сюрпризов.

— Знаете, у нас сейчас в банке проходит акция, и я уверен, что она вас заинтересует.

Максим лежал, опустившись головой на стол. Рабочий день кончился минут пятнадцать назад. Все-таки сегодня было слишком много людей.

— И чего все сюда прут?

Еще эта новенькая, Кристина, но Максим не мог отказать себе в удовольствии на ее красноречивые взгляды называть ее именно Новенькая. Ему приятно осознавать, что она думает, что недостаточно эффектна в их коллективе, чтобы понравившийся ей парень запомнил ее имя. Она так неудовлетворенно сморщивала напудренное лицо, что у Максима сразу проходила головная боль.

Весь рабочий день он никак не мог избавиться от чувства, будто за ним кто-то наблюдает, но он всячески отбрасывал эти мысли. Это было глупо, хотя бы потому, что он находился в толпе людей, которые конечно могли на него смотреть, пока ждали своей очереди. Но также это могла быть и Катя. Но тогда она могла бы просто подойти и начать терроризировать его и на работе, чтобы у него не осталось шанса отделаться.

Он так сильно не хотел, чтобы родители об этом узнали, что задумался о том, как было бы хорошо избавиться от нее, и тогда это будет автоматическое избавление и от ребенка.

Избавление от всех его проблем.

Никто никогда об этом и не узнал бы. Просто в какой-то день она бы не появилась в универе, и тогда ее подруги забьют тревогу, потом это дойдет до ее набожных родителей. Они в свою очередь обратятся в полицию, но поиски не дадут результатов, и вскоре об этом просто забудут. И Максим будет, наконец, свободен.

— Да, было бы неплохо. Определенно неплохо, — прохрипел он. И встав из-за стола, начал собираться домой. Конечно, он не собирался ее убивать, но мысли хоть на время бодрили его, создавая иллюзию, что забот больше нет. Не то чтобы он всегда бежал от проблем, вовсе нет. Но эта застала его врасплох.

— Нужно что-то придумать.

Они сидели в небольшой кофейне проводили приятно время. Каждый в своем телефоне.

— Как поживает твой французский? — Родион спросил, всего на секунду отведя взгляд от телефона. Когда увидел фото на ее страничке. Марина в обнимку с учебниками по французскому и куче канцелярии.

Она посмотрела на него, как на дурачка.

— Дик, ты что, смеешься? Я его никогда не учила, зачем мне это? Ввести пару фраз в переводчик, и ты уже знаешь любой язык мира. А потом, конечно, для подписчиков рассказываешь увлекательную историю, как усердно учила французский и все. Мне, по-твоему, заняться нечем?

— Ну да, — это все, что Родион смог из себя выдавить, лайкнув фото.

Он улыбался. Здравого забавляла эта ситуация. Ему становилось гораздо легче, осознавая, что есть такие же люди, как и он. И переставал чувствовать себя единственным,

кто так бессовестно врал. Наверное, поэтому он продолжал встречаться с Мариной. Чтобы не проходило чувство поддержки.

Ему пришло сообщение в ВК. Фотография. Он открыл ее, и все разом перевернулось и нем.

На фото был он сам. Только в рабочей робе на стройке, несущий строительный мусор. Весь такой неухоженный, вспотевший. Недовольный жизнью.

«Никак не могу определиться, кому же отправить эту фотку. Твоей замечательной девушке или всем твоим подписчикам, не подскажешь?»

Родион не отрывал взгляда от экрана, сильно сжав губы.

На миг он представил, что будет, если все кого он обманывал, узнают такую правду. Он просто не сможет жить. Позор. Отречение. Высмеивание. У него больше не будет возможности начать все сначала. Все знакомые, бывшие одноклассники и коллеги по работе. Не останется ни одного человека в его окружении, кто не будет знать об этом.

От большого напряжения он почувствовал жар в лице.

Что тебе от меня нужно?!

— Что? — он не собирался у него ничего спрашивать, контактировать. Это бы значило, что он поддался на его уловки.

— А? Ты что-то сказал? — Марина смотрела на него, ждала ответа.

— Нет, ничего.

На работе у Родиона все стало еще невыносимее. Из-за нервов он никак не мог сосредоточиться на деле. Он начал плохо спать и с неприязнью стал смотреть на себя в зеркало, понимая, что весь его образ трещит по швам. Наверное, единственное, что еще хоть немного держало его на плаву, его второе Я, в котором он мог чувствовать себя спокойно. Все было нормально, так, как и должно быть. Все его поддерживали по поводу его красавицы и активистки девушки, достаточно престижной работы и новой машины.

И всю остальную мою фальшивую жизнь.

Его резко дернули за плечо, отвлекая от работы, которая шла из рук вон плохо.

— Черт! — он испугался.

— Ты чего? — Миша недоуменно смотрит на него и передает в руки следующую коробку со всяким хламом. Родион криво улыбнулся в ответ и принял из его рук содержимое.

— Все нормально. Просто задумался.

Здравому не хотелось признавать, что он испугался, почувствовав на себе чужое касание. Он стал рассеянным и дерганным. Теперь каждый вокруг вызывал у него подозрения. Близкие и незнакомцы. Он не переставал искать глазами ту машину, а потом думать, что теперь эта машина может быть любой.

Чувствует тяжесть в желудке от плохо перевариваемой пищи. Зашел на перерыве в ближайшую аптеку и выпил лекарство. Вроде прошло, но желудок все равно неприятно скручивало от переживаний и страха. Он начал задумываться об отпуске, но понимал, что тогда потеряет так необходимые ему деньги. И тогда он может потерять вообще все.

Разве сейчас я не в шаге от того, чтобы потерять все?

Он только и делал, что совершал ошибки на работе. Теперь он даже не пытался пойти и поязвить жене прораба, меняя очередной форменный комбинезон. Ему было все равно.

Каждый раз, когда ему звонит с рекламой очередной оператор, он вздрагивает, ждет,

что это звонит он, чтобы, наконец, озвучить цену за свое молчание.

Всю последующую неделю его одолевала бессонница. Он чувствовал не проходящую усталость, но заснуть никак не получалось. В одну из таких мучительных ночей он оставил окно в спальне на проветривании, полагая, что свежий воздух поможет уснуть, и никак не ожидал услышать кашель с улицы. Он был совсем близко, будто кто-то стоял прямо под его окном. Тени от дерева, плясавшие на стенах из-за ветра, не придавали уверенности, что ему все почудилось. Внутри живота сразу все стянуло и обдало жаром. Вернулась тошнота. Ему все казалось, что он, этот неизвестный, сейчас следит за ним и радуется, что смог довести Здравого, что его страх теперь не проходит даже дома, где некогда он чувствовал себя в безопасности.

Когда он собирался домой с работы, ему позвонила девушка и попросила встретиться.

— Буду ждать тебя возле работы, — и отключилась.

— Вот черт! — Родион был в ужасе. Ему нужно было быстро привести себя в порядок, переодеться и каким-то чудом добраться до бывшего места работы так, чтобы она не заметила, что он оттуда не выходил.

Когда он вызвал такси, попросил, чтобы его подвезли в квартале от нужного здания. Он расплатился и вышел, поправил на себе все.

Вроде все в порядке!

По закоулкам он прошел до того здания и уже стоя у холодной стены увидел Марину. Она куталась в бежевое пальто, пытаясь укрыться от сильного ветра. На его счастье, стояла она к зданию спиной, но то и дело оглядываясь не идет ли Родион. Но из дверей выходили только работники после тяжелого трудового дня.

Он быстро вышел из закутка, в котором прятался, и подошел к двери, открыв ее.

— Милая! — крикнул он, и только после того, как она повернулась с улыбкой на лице, он сделал вид, что выходил оттуда и закрыл за собой дверь. Родион очень переживал, что кто-нибудь увидит его манипуляции и при девушке спросит, что это он здесь делает. Еще хуже было встретить бывшего коллегу, который может сказать лишнего.

Из двери после него показалась одна из сотрудниц и посмотрела на него, узнавая. Здравый спеша в сторону Марины, поднял руку и попрощался с той девушкой. Она в растерянности помахала в ответ и пошла в другую сторону. Родион мысленно помолился, что все вышло так гладко, как он даже не ожидал.

— Привет, давно тут стоишь, мерзнешь? — обворожительно улыбнулся Родион.

— Это кто такая?

— Коллега, Света. Только из другого отдела, — на лице ее недовольство. Здравому это не нравилось.

— Так зачем увидеться хотела?

— Я разве не могу просто захотеть тебя увидеть? Ты мне что, не рад? — Родион начал нервничать еще сильнее. Она вцепилась в его руку и сильно ее сжимала. Он же держал свои руки в карманах, на которых были надеты кожаные перчатки. Он не хотел показывать свои грязные пальцы. Как не пытался, спеша, не было возможности привести их в порядок, и под ногтями оставалась грязь и пыль.

— Да, да. Извини, я очень рад тебя видеть, просто устал. Эти отчеты доведут кого угодно.

— Мой работяга, — она надула губы, снюсюкаясь с ним и пытаясь быть милой, —

Слушай, у меня в следующем месяце заканчивается арендная плата за квартиру, и я тут подумала, что могла бы пока пожить у тебя какое-то время.

Бум.

Он изначально понимал, что что-то здесь не так. И вот. Он нервничал, он злился. Родион совсем не хотел приглашать Марину к себе в квартиру надолго. Чтобы они жили вместе. Ему это было не нужно.

— Марин, мы же уже говорили на эту тему. Я не готов съезжаться, — он отвернулся от нее и попытался аккуратно высвободить свою руку из ее хватки. Она на мгновение вцепилась сильнее, но почувствовав сопротивление, отпустила его.

— Ты меня вообще любишь? Сколько мы уже вот так вот встречаемся? Год? Да все мои подружки уже давно живут вместе со своими парнями, только тебе до этого дела никакого нет. Двоим после переезда уже предложения сделали! — она все повышала голос, и в нем отчетливее можно было услышать укор и обиду.

Родион тоже был не в восторге от ситуации.

— Так вот чего ты от меня хочешь? Предложения руки и сердца? Этого?

— А ты что думал? Мы встречаемся, чтобы что? Или тебе не нужна такая жена, как я? Тогда чего ты от меня хочешь?

— Я всего лишь сказал, что не готов к тому, чтобы жить вместе, а ты уже начинаешь копать, где не надо, — он достал из кармана пачку «Парламента» и закурил.

— Ты разве не бросил?

— А? — он нахмурился и посмотрел на свою руку с зажатой сигаретой, — Твою мать.

Он выкинул ее в ближайшую мусорку. Обычно он курил самые дешевые сигареты, а эти были показательными.

— Я привык жить один и пока не хочу расставаться с ощущением независимости в отношениях, понимаешь?

— Единственное, что я понимаю, так это то, что ты плевать на меня хотел! И твое нежелание съезжаться это отлично показывает! — она начала плакать, — тебе плевать, если я через неделю буду ночевать на улице!

— Так попросись к кому-нибудь из подружек! — Родион взмахнул рукой у нее перед лицом, отмахиваясь, — У тебя же их много.

— И что я им скажу? Что меня мой парень не пустил на порог в такой ситуации? Что они тогда подумают про меня, про тебя?!

— Да мне уже плевать! — он не собирался сдаваться. Знал, что как только он позволит этому случиться, она обо всем узнает и оставит его, успев напоследок растрепать везде, какой он подлец и лгун. Даже если ему и удастся все до поры сохранять в неведение от нее, Марина может попасть под раздачу того сумасшедшего, что теперь следит за каждым его шагом.

Она замерла пораженная от его выкрика. В глазах такой испуг, будто он собирался ее ударить. Он немного смягчился.

— Давай потом это еще раз обсудим, хорошо? Я и вправду устал, — он протянул ей руку, — тебя проводить?

Она отшатнулась от него.

— Сама дойду. Не переживай, — она развернулась и пошла прочь от него. Родион смотрел ей вслед и не знал, что скоро их встречи закончатся.

Домой Родион шел не спеша. У него даже возникла мысль вновь прокатиться на лифте,

чтобы не пересекаться лишним раз с Марией Ивановной, но так и не решился. В своем почтовом ящике он вновь обнаружил записку с угрозами.

Сегодня твоя жена. Ты следующий!

— Воодушевляет, — руки Здравого заметно затряслись. В последнее время его и так есть кому нервировать, еще и эти придурки никак не поймут, что их с адресом обдурили, — особенно, когда жена надоела.

— Идиоты, — прошипел он.

Родион не стал подниматься наверх, а просто скомкал бумажку и положил в карман своей куртки.

Входя в свою квартиру, он вновь ощутил уже привычное беспокойство.

Странно. Что не так?

Он решил сварить себе пельменей на ужин и просто наесться. Сегодня он чуть не сорвался. Ему не хотелось по новой отсчитывать дни, когда он не курил. Родион знал, что от этого обжорства здоровей не становится, даже если не курит, но пока не знал, как справиться с этим.

Пока вода закипала, он облокотился на столешницу и взгляд зацепился за салфетницу на столе. Он долго смотрел, прежде чем понял, что она стоит не на своем месте. Обычно Здравый ее не трогал, а в последние дни так вообще.

— Что за хрень? — он задумался и решил пройтись по комнатам.

Доисторическая ваза, оставленная хозяйкой в зале, как предмет интерьера, была переставлена в другой угол. В его комнате не до конца задвинут ящик тумбочки. Он подорвался к ней, открыл и достал свой альбом. Родион перелистывал его, осматривал, но ничего нового не заметил.

Будто вещи не на своих местах.

А они ведь и правда не на своих.

— Нет, — Родион оцепенел от своей догадки, — нет, нет, нет! Не может быть! Он бы сюда не вошел! Ты сюда не мог войти.

Здравый схватился за голову.

— Не мог.

А вода все кипела и кипела. Ему расхотелось ужинать.

Этой ночью он не мог пошевелиться от страха. Тело будто было в нескончаемой судороге. Было больно. Он уже несколько минут лежал и слушал, как в его окно монотонно прилетали камушки. У Здравого не было сил подняться и посмотреть своему страху в лицо. Он так сильно боялся того, что может увидеть. Теперь он понимал, как тяжело жить одному. Справляться со всем в одиночку. Это так тяжело, но теперь обратно не повернуть. Даже если он и согласится на предложение Марины, его это все равно не уберезет.

В бреду ему снился сон. Он сидел в дорогом ресторане, и его столик был больше всех остальных и стоял в центре, освещенный прожектором. Вокруг люди, которые наблюдают за каждым его движением, и Родион знает, что должен быть безупречен. В какой-то момент у него в затылке появился зуд, будто кто-то смотрит на него пристальнее всех остальных. Поворачивается — уже никого нет, никакой толпы людей. Поворачивается обратно и продолжает есть так же аккуратно, ожидая подвоха. Тут он вновь резко обернулся, и перед самым его лицом застыла фигура в черном капюшоне. Он резко отшатнулся от нее, и со стола падала посуда и еда, скатерть съехала. На его костюме пролился бокал красного вина, и издали начал разноситься шепот. Он становился все громче и громче, пока не

превратился в безобразный смех. Он оглушал его, и из ушей начала струйками стекать кровь. Его кровь. Во главе всего этого гвалта стояла та самая фигура и дирижировала всеми, пока Родион корчился от боли. Это не кончится никогда.

Он резко проснулся, весь в поту. Не до конца понимая, что его так взволновало.

За стенкой в кухне громко плакал ребенок. Сначала Родион разозлился, но позже на мгновение почувствовал, что уже не так страшно. Он не так одинок.

Сегодня на удивление Илья был необычайно спокоен. Светлая и не затуманенная голова, ясные мысли. И именно в этот день она взорвалась. Не выдержала и накричала на него.

Мария Ивановна вернулась домой к обеду после очередной встречи со своими старыми знакомыми, и некоторые по счастливой случайности жили с ними в одном доме. Илья сразу понял, что с ее настроением что-то не так.

Сидя за обеденным столом, она пыталась у него что-то спросить, но получала в ответ только отстраненные «хорошо» и «нормально».

— Что ты все заладил. Хорошо у него все, как же. Думаешь то, что с тобой происходит, это нормально? Почему ты все время пытаешься меня довести? Тебе это что, нравится? Ты же знаешь, у меня больное сердце. Хочешь, чтобы я поскорее отправилось на тот свет?

Мария Ивановна встала из-за стола и стала расхаживать по кухне, пытаясь успокоить нервы. Тогда-то Илья и потерял обретенный покой. Его начало что-то тревожить. Грудную клетку сдавливало, от чего голова немного кружилась, и перед глазами все было в черных пятнах.

— Вот у Натальи Федоровны такой внук умничка. И на работе недавно повышение получил, и жена у него порядочная и уже двое детишек есть. Какие они все хорошие, — она вздохнула и остановилась, — какая семья. Одна радость своей бабушке. А ты что? Что с тобой не так? Ты что, хуже у меня, что ли? Я просто не понимаю, что мне с тобой еще делать. Помощь не принимаешь и сам ничего делать не хочешь.

— Твоя помощь только душит, — тихо сказал Илья.

— Душит? Ой! — она сразу схватилась за сердце, — Видишь, что ты делаешь? Где мои лекарства?

Она пошла в ванную комнату и стала перебирать все таблетки в аптечке.

Илья понимал, что подводит ее. Ей было нечего сказать своим подругам и ее это сильно расстраивало. Он думал, что ей тоже хотелось бы поделиться тем же столь счастливым в жизни. Она завидовала им и хотела, чтобы завидовали ей. Она хотела гордиться своим внуком перед всеми, но не могла.

Интересно, что она обо мне рассказывает? Говорит правду или врет?

Хотя, может она вообще про меня больше ничего не говорит.

Он тоже решил закончить обед, пока не стало хуже, и отправился к себе в комнату. Проходя мимо большого зеркала в прихожей, он вспомнил, как его мама стояла и поправляла макияж, крутилась перед ним, чтобы убедиться, что она хорошо выглядит. Она как раз собиралась на работу в тот злосчастный дом. Возле этого же зеркала она его и оттолкнула, когда он не захотел с ней расставаться. Но дала обещание, что как-нибудь возьмет его с собой. Она его выполнила, но от этого стало только хуже.

Он знал, что она терпела издевательства детей в том доме. Илья слышал, как она поздно вечером в кухне рассказывала это бабушке, и какой у нее был уставший голос. Он слушал это

с замиранием сердца в темной прихожей, и хотел однажды отомстить за это. Но вышло совсем иначе. Мама все меньше внимания уделяла своему единственному сыну, в угоду своей работе.

Его неприязнь к такому отношению мамы только усилилась, когда он все увидел и понял. Тогда он и сделал то, о чем ни разу не пожалел.

Они думают, что помогают мне, но это не так. Самовлюбленные кретины.

Не так уж и сложно облапошить людей, считающих себя врачами.

Кирилл сидел в своей палате и ждал, когда настанет время ужина.

— Эй, — свист в его сторону, — эй, парень! — прошептал один из таких пациентов, как он, его сосед.

Кирилл сделал вид, что не слышит его, и продолжал сидеть на кровати и смотреть в окно.

Его все раздражали, но он не давал себе воли показывать этого. Любые сильно проявленные эмоции в этом заведении и ты останешься здесь надолго. Нужно всего лишь научиться себя контролировать и говорить на каждом приеме, что лечение помогает, и тебе уже намного лучше.

— Да, конечно, теперь я понимаю, что это были всего лишь мои фантазии.

— Да, мне так стыдно, что я доставил столько неудобства этой девушке. Я не осознавал, что делаю что-то плохое.

— Все хорошо. Никаких побочных действий от этих лекарств.

Убеждай всех, что они гуру во врачебной сфере, и ты такой безнадежный идешь на поправку благодаря им и вскоре сможешь выбраться на свободу.

В палату зашла медсестра с дозой необходимых лекарств.

— Ну что мальчики, а вот и я! — пропела Инга Федоровна. Уважаемая сотрудница с тридцатилетним стажем, у которой над головой так и витал нимб.

Кириллу ничего не стоило обвести вокруг пальца эту наивную старушку, пытающуюся всю жизнь заработать себе на рай.

После ее ухода таблетки быстро оказались смытыми в туалет, да так, чтобы сосед не увидел. Рисковать было нельзя.

Уже месяц он никак не может связаться с мамой. А когда у него появилась такая возможность, ему передали, что ее больше нет. Она так переживала за сына, что сердце ее не выдержало. Тогда у него случилась истерика, из-за чего его «каникулы» в этом месте продлились, и пришлось начинать сначала. Он должен был, во что бы то ни стало, выйти отсюда и встретиться с Ксюшей. Даже если все остальные ему не верили, он хотел лично от нее услышать, что он не выдумал все, что между ними было. А то, находясь здесь, он уже иногда поддается заверениям врача, что это была его фантазия. Но он хочет спросить ее, почему она его предала. Неужели для нее это ничего не значило?

Никакие чувства не имеют значения, пока они не взаимны. Но я заставлю считаться с моими.

Да, он все-таки решил с ней поговорить. Как неудивительно, но разговора не вышло. После всех ее фальшивых, как казалось Максиму, «Я люблю тебя» и «Мы могли бы быть вместе» она сдалась. Дальше пошли оскорбления и проклятия.

— Я думала, у нас с тобой все серьезно, а теперь ты меня бросаешь? Вот так?! Да пошел

ты!

— Может, сама пойдешь? Будто я не знаю, что ты вцепилась в меня так, потому что узнала, кто мои родители.

— Как будто это что-то решает, у тебя все равно денег от этого не прибавилось. Надоело постоянно выслушивать, как ты приходишь на наши свидания и постоянно жалуешься на свою работу, и как тебе там мало платят, — Максим был в шоке, она никогда ему такого не говорила.

— Да если бы не моя работа, ты бы так и ходила с этим старьем вместо нормального телефона, — Максим был на взводе, — Как будто я на тебя мало потратил!!!

— ХА! Потратил он, пришли счет, я все верну. Как будто мне нужен был этот телефон. Ты мне сам его подарил на день рождения, а теперь упрекаешь *меня* в этом?! Какой ты жалкий, — ее рыжие волосы сильно растрепались, и она стала похожа на ведьму в Хэллоуин. Именно ее волосы так привлекли Воронова, ну и, конечно же, ее нрав, который теперь обернулся против него.

— Давай просто закончим это и все, договорились? — Он как мог проглотил оскорбительное слово в свой адрес (что не лишало этих слов смысла в его отношении).

Хоть он и злился на нее за то, что произошло, все равно хотел сгладить концовку. Не давая при этом своему гневу свободы.

— Нет, не договорились! Я не собираюсь делать аборт. У меня, между прочим, учеба не окончена. Что мне делать с универом? А деньги откуда мне брать потом? Думаешь, у меня их много?!

— Зато ты наверняка знаешь, что их много у меня. Воспользовалась мной, напела красивых слов о любви, а теперь хочешь и ребенком к себе привязать.

— Да прекрати ты уже! Ты сам все время говоришь, что тебе ничего от родителей не надо. Прямо гордишься этим. Я же сама тебя за это так ценила. Такой самостоятельный. Настоящий мужчина. Который никогда не оставит свою девушку на произвол судьбы! И вообще, если быть объективной, то это ты напел мне о долгой и счастливой жизни, а при первой же трудности в кусты. Это ты меня обманул!

Неужели я сам сделал все, чтобы оказаться в такой щекотливой ситуации, выхода из которой я пока не знаю? Конечно, нет.

— Я думала, у нас будет семья, а ты меня бросаешь одну с ребенком.

— Так сделай то, что нужно.

— Не буду, — она строго посмотрела на него. Глаза ее сверкали, от чего Максим поежился. Он позавидовал такой уверенности в ее глазах.

— Я не поведу тебя домой к своим родителям на знакомство.

— А я разве *этого* прошу?

— Тебе и не надо просить.

Ты можешь родить ребенка, а потом требовать алименты от меня.

Или захмутать меня и надеяться, что я со временем оттаю и померюсь с родителями, и они с распростертыми объятиями примут тебя в семью.

А вообще, ты ведь и сама можешь к ним навеститься и все растрепать, а они тебе быстро деньгами рот заткнут. Там и на аборт и на будущую безбедную жизнь хватит.

И если до этого у него были хоть какие-то ожидания как-то решить вопрос миром, то после разговора Максим уже ничего не ждал. Онагнула свое, и он начинал нервничать еще больше. Воронов вырос в такой среде, где прекрасно знал, что обычно в таких ситуациях

женщины часто угрожают подобным, чтобы заработать как можно больше денег на мужчинах.

Во всяком случае, ему так говорил отец.

Ему просто не хотелось бы оставаться в неведении от ее планов, если они есть. Максим хотел отмахнуться от нее как можно скорее, чтобы проблемы перестали маячить у него перед глазами.

Он не хотел сам становиться отцом. Не хотел перебиваться от одной зарплаты до другой. Не хотел ущемлять себя в чем-то, не хотел тратить свое личное время на семейные тусклые будни, которые принесут только разочарование.

После разговора, где они ничего не решили, он решил покурить в закутке возле одной из многоэтажек, окружающих детскую площадку. Только теперь понимает, какое странное место они выбрали для встречи. Еще с их прихода сюда за ними следила одна занятная бабка на противоположной стороне площадки.

Эдакая милая любопытная старушка, блюститель закона и порядка на своей, как ей кажется, и чужой территории. Он даже сейчас был у нее под прицелом. Максим стоит и курит, а она так и сидит на том же месте, старательно делая вид, что просто вышла подышать свежим воздухом.

Олеся так и не сдвинулась с места, где Максим ее и оставил.

Не уходит.

Надеется, что я вернусь? Или так сильно расстроилась и теперь думает, как ей поступить?

Через минуту Катя кому-то позвонила и, разговаривая, сильно жестикулировала руками в своей привычной манере, когда была на эмоциях. После одного такого раза Максим потом ходил с разбитым носом.

Он нервничал. Нужно было срочно что-то придумать, пока она сама не начала действовать.

Воронов устал раздражаться. Еще недавно он был счастлив, но это быстро прошло. Эмоционально он был полностью перегружен и опустошен. Теперь он только и замечал одних матерей с детьми. Это была настоящая атака. Голова разрывалась от пульсирующей боли в висках.

Недавно он сидел за завтраком и переключал каналы, чтобы посмотреть пока ест. Только вот через пять минут ему пришлось выключить его в раздражении и закинуть пульт куда подальше, потому что на одном канале рассказывают про нормальный стул у ребенка, а на другом про то, как проверяли раньше беременность по Гиппократу с помощью лука.

Вчера одна из работниц заявила о своей беременности, и все на радостях решили скинуться ей на будущего малыша.

С Максима же потребовали больше всего, аргументируя тем, что он мужчина и не пожалеет денег на будущее поколение, к которому он не имеет никакого отношения. Воронова бесило, что они думали, будто он располагал к большим тратам, чем они, будучи на одном уровне. Он вовсе не был причастен к тому, что ей придется уйти в декрет, и возможно не вернуться оттуда. И скорее всего она станет той самой бывшей сотрудницей, приходя к ним на работу поболтать о непростых материнских буднях с орущим ребенком на руках. Худшее в такой ситуации, что им потом без нее придется справляться с наплывом посетителей. Это тоже бесило неимоверно.

Сама же эта девушка была довольно хороша собой. Невинная блондинка со светло-кариими глазами. Полная противоположность его Кати. Худенька и вне работы всегда ходила в милых кружевных платьях и блузках, а в холода носила что-то вязаное. В характере часто проявляла эгоистичность и инфантильность, чем многим не нравилась, но, конечно же, беременность все изменила.

Максим Воронов знает, что ей это нравится, такое отношение к себе, словно она мамина любимая хрустальная ваза. Максиму так и хотелось, чтобы ее муж показал ей однажды, что все не так просто в жизни, чтобы она перестала жить, как маленькая принцесса с личным штатом прислуги, которые ей должны по праву рождения.

Несколько ему все же было известно из разговоров остальных представительниц женского пола, ненамеренно естественно, что у нее был такой муж, который будет требовать охраны домашнего очага.

Ну и удачи ей с этим.

Кадровому отделу только головная боль. Муж ее обратно уже точно не пустит после декрета.

Он возвращался домой и стоял уже возле своей двери в темном подъезде, так как лампочку опять кто-то выкрутил, и матерился, пытаясь вспомнить, куда положил ключи.

Вдруг его слух уловил какой-то шорох на полу и движение воздуха в его сторону, и он в ужасе понял, что кто-то стоит возле него.

Максим в этот момент хотел закричать на весь подъезд, чтобы хоть кто-то оказался здесь прежде, чем случится непоправимое.

Он замер, а в руках поднял телефон, надеясь, что его не слышно. Кровь стучала в его голове, и Максим понял, что может упасть в обморок. Медленно повернулся и резко осветил экраном вперед.

Телефон упал с грохотом на бетонный пол холодного подъезда после того, как Воронов увидел напротив себя знакомое лицо.

— Ну, привет.

Находясь дома, он не замечал, что что-то не так. Когда сошли последние синяки с лица, бабушка попросила Илью сходить в магазин. Теперь все было строго. И по дороге туда у него внезапно случился приступ паники. Он вернулся домой и ничего не объясняя, залетел в свою комнату. Он плакал. Это было ужасно. Все чувства, что были когда-то, вернулись, только в несколько раз сильнее. Это он уже не мог нести в себе. Илье было не справиться. Теперь каждый раз, проходя мимо входной двери, он испытывал подступающую тошноту и учащенный пульс. Он больше не хотел бороться. Ему было не за что.

Ужасное чувство накрывает, когда понимаешь, что не можешь переступить порог собственного дома. Из-за любой ерунды приступы учащались, а их продолжительность становилась больше.

Он резко проснулся. Илье что-то снилось, но он не мог понять хорошее или плохое. Было жарко. Пот перемешался вместе со слезами и застилал глаза. Его сердце бешено стучало, отдаваясь в ушах. Он вытер лицо рукавом и уставился в потолок.

Почему так плохо?

За окном было еще темно, но он больше не мог заснуть.

Иногда ему кажется, что он остался в том возрасте, ничего не добился. Болезнь стала

единственной стабильностью, что была в его жизни. Повернув голову, он осмотрел свою комнату. За всем беспорядком уже не разглядеть те вещи, которым он хотел себя посвятить.

Как я мог забыть про это? Как мог добровольно отодвинуть свою жизнь на второй план?

Если бы я тогда не сдался, все могло пойти иначе. Я бы мог стать кем угодно.

Обзавестись собственной квартирой и без страха выходить на улицу и общаться с людьми.

Мог бы забыть все обиды и нормально общаться с бабушкой. Единственным дорогим человеком, который остался. Ведь она не выбросила его на улицу в таком возрасте, устав от его выходок, не перестала заботиться. Она не теряла надежды, что у него все наладится.

Обида на весь мир затопила его полностью, и за ней он уже не замечал ничего. Перестал стараться выбраться из той пропасти, куда упал.

Нужно все исправить. Просто необходимо.

Он очень хотел увидеться с той девушкой. Настей.

Когда он смирился со своим положением, он решил найти друзей в интернете. Илья надеялся, что там его никто не сможет достать или обидеть. Начать там все по новой, стать другим человеком. Тогда она первая с ним заговорила. Заставила его поверить в то, что никогда не отвернется от него, каким бы он ни был. Ему нравилось слушать ее голос, когда они разговаривали по телефону. Именно она заставила его пойти дальше простых СМС и придала ему уверенности.

— Я бы хотела увидеть тебя в реальности. Когда мы сможем встретиться?

— Знаешь, сегодня был такой смешной случай на работе.

— Ты заболел? У тебя странный голос.

— А ты знал, что оказывается...

— Ты никогда не был в аквапарке? Тогда мы просто обязаны туда сходить!

— Как ты относишься к устрицам?

— Вчера я так устала, и не высушила волосы после душа, а на утро...

Он помнит все. Все, что она говорила, что спрашивала. Ее невероятные рассказы, странные вопросы, быстро меняющиеся интонации в голосе, попытки его рассмешить и удивительный смех, от которого по телу Ильи бежали мурашки.

Я бы хотел увидеть тебя однажды вживую и обнять.

Он взял телефон и написал ей свое последнее сообщение, ответа на который никогда не узнает.

В дверь неожиданно позвонили. И очень настойчиво.

Бабушка опять забыла ключи у подруги из соседнего подъезда и вынуждает его подходить открывать дверь.

Он чаще задышал. Сколько раз уже такое было? Она ведь знает, как он каждый раз нервничает.

Но я ведь хотел все исправить.

В голове стучал пульс и на глаза наворачивались слезы. Ему не хотелось думать, что придется стоять у открытого порога. Он, пошатываясь, подошел к двери и, стиснув зубы, повернул замок.

Раздался щелчок, и дверь медленно распахнулась.

Человек, который пришел к нему, все решил сам, и Илья не мог его в этом винить.

Когда он уже лежал на полу, он понял, что так все и должно было случиться. Больше не было страшно. Жизнь дает второй шанс, но Илья его уже потратил. Третьего не будет. Теперь он это понимал.

Сегодняшний день был насмехательством надо мной. Меня обманули собственные чувства.

Он поверил, что судьба дала еще один шанс.

Где же ты, бабушка?

Теперь она не узнает, как сильно он раскаивался, как хотел все изменить.

Она запомнит меня, как неблагодарного внука, ради которого она напрасно не разгибала свою спину.

А Настя, так никогда и не встретившись со мной, вскоре забудет про меня.

Илья перестал чувствовать свое тело, закрыл глаза и больше ни о чем не думал.

Эта простуда, наконец, начала отступать и это прекрасно. Здравому надоело стараться не подавать признаков болезни, особенно при начальстве. Это было трудно, ведь именно во время работы начинал ужасно зудеть нос и першить горло.

Родион задавался вопросом, как еще никого не умудрился заразить, особенно ту настырную даму, на которую он чихнул, и которая теперь его избегает. Со стороны это выглядит смешно. Каждый раз, когда она выходит со своего склада, то проходит мимо Здравого нарочно медленно и отворачивается всякий раз. Наверное, думает, что его это поведение заденет, и он поймет, как глубоко ошибался на ее счет.

В итоге Родион решил взять день на работе, чтобы прийти в себя, а еще, чтобы меньше выходить на улицу и подумать, что делать дальше в такой ситуации. Совсем недавно он чуть не попался своей девушке на глаза, когда она проходила мимо его работы. А так он теперь может сказать, что просто заболел, возможно, она даже придет его утешить, а если и не она, так его бывшая с радостью.

Ему нужно было с кем-то поговорить о ситуации, в которой он оказался, Родион это чувствовал, и почти признал, что у него серьезные проблемы, но придя домой, он снова и снова набирал номер друга и писал во всех соц. сетях, но тот был недоступен. Так же, как и на прошлой неделе.

Родион вздыхает. Он лег на кровать и задумался о том, что ему не приходило в голову уже давно.

И чем мне теперь заняться?

Он лениво перекатился на бок и достал телефон. За обычной суетой он не замечал, что кроме работы и забот со своей девушкой, у него больше не было особо никаких дел. Он перевел свой взгляд с экрана телефона на тумбочку и вспомнил про альбом.

Наверное, это было единственным, чем он увлекался помимо всего остального. Но сколько бы лет не прошло, Родион все еще считал, что его увлечение пахнет сумасшествием. Это был его секрет, самый постыдный по его мнению. Он мог бы поклясться, что об этом никто, кроме него, не знает.

Здравый помнит, как в этом альбоме появилась его первая добыча.

Он тогда пошел в первый класс. «Наконец-то!» — воскликнула мать. По ее мнению он совсем от рук отбил. Как будто новая среда обитания, думал Родион, может на что-то повлиять. И в тот же день обрек себя на неприятности.

Первое сентября, очень жарко уже с утра. Провожая меня на новое место, в первую очередь как мать, а потом уже как директор этой школы, она все жаловалась, что устала с ним носиться, одной рукой обмахивая себя от духоты в салоне их машины. Он сидел на заднем сидении, а Андрей впереди рядом с матерью. «Заслужил!».

В его классе, как и в любом другом, сразу оформился задира, который не прошел мимо щуплого паренька, которого мама притащила за ручку. Родион по несчастью уже встретился с ним и с его папой однажды, и встреча была не из приятных.

Это был Максим Воронов. При виде Родиона он начал смеяться над ним, и все стали оборачиваться, чтобы поглазеть, а что же будет дальше. А так как Здравый в силу своего возраста, и, по мнению матери, был вспыльчивого характера, то сразу же пихнул в плечо задиру. Родиону не понравился этот смех, как будто все видят, что с ним что-то не так кроме него самого, и это однозначно повод для веселья. Завязалась потасовка. Для первоклассника Родион оказался опытнее в таких делах (в детском саду практиковался) и через пару минут Воронов лежал на плитке, покрывавшей школьный двор. Все столпились над ними, пока Родион нависал сверху, вцепившись в его белоснежную рубашку, теперь уже испачканную в пыли. Он тряс его за воротник так сильно, спрашивая, смешно ли ему теперь, что одна из пуговиц под горлом осталась у него в руке. Его губы тогда растянулись в довольной улыбке. Улыбке победителя.

Это воспоминание одно из лучших даже спустя годы.

После их, конечно, сильно отругали, и обоих прозвали блатными. Один сын директрисы, а другой сын преуспевающего бизнесмена в строительной фирме. На этом они позже и сошлись.

Если вспомнить, то в детстве он, Родион Здравый, часто попадал в неприятности, за которыми следовали еще большие неприятности, Впрочем, ничего не изменилось.

Ту пуговицу он тогда сохранил и принес домой, оставив у себя, как трофей. Мать его часто оставляла с соседкой сверху, Оксаной Никитичной. Она была швеей, и в ее квартире хранилось много швейных принадлежностей и материалов. Родион же отдавал предпочтение разглядываниям и подсчетам всех пуговиц.

Ближе к вечеру Родион вспомнил, что ту пачку резервных сигарет на балконе пришлось выкинуть при хозяйке, чтобы она не подумала, что он собирается курить в ее квартире. Нужно было сходить и купить новую пачку для его душевного здоровья.

Оделся во все черное и надвинул на лицо капюшон. Выглядел он сейчас крайне подозрительно в таком виде. Прямо как тот сумасшедший у него под окном.

В супермаркете на углу в квартале от его дома, Родион замер у одной из полок. Там была расставлена куча киндеров в пластиковой подставке, так и манящих детей. Какой-то новый выпуск игрушек. Он вновь вспомнил про Максима.

Он отдалялся от него, и Родион не понимал, почему. Это выглядит глупо, будто он пытается навязать свое общество своему лучшему другу, от которого у него никогда не было секретов после одного случая, который они вдвоем обещали хранить в тайне. Чувство у него возникло странное. Неприятное. Эта тайна многое связывала в их дружбе, они словно бы были едины этим, но теперь он чувствовал себя одиноко и то, что они тогда сделали, теперь воспринималось просто гадким поступком без какого-либо смысла и оправдания.

С возрастом решения проблем всегда становятся все труднее. В один из дней средней школы Родион с Максимом сильно поссорились, и сейчас он даже не помнил почему. Только то, что Родион его первым задел, как это обычно у него и бывало. Они тогда разошлись по домам разными дорогами, хоть и жили в одной стороне, только Максим намного дальше, и всегда ходили домой вместе. Здравый тогда очень нервничал. Подумал, что больше у него уже никогда не будет друга, и в старости умрет совсем один. Всю ночь он

не спал, ерзая в кровати и создавая шум своим бурчанием, пока Андрей, который спал у другой стены, не кинул в него подушку и велел заткнуться.

Наутро Родион выпотрошил свою небольшую копилку в виде коровы, зашел в ближайший магазинчик по пути в школу и купил два шоколадных яйца в знак их дружбы. Он действительно хотел извиниться перед Максимом и облегчить, наконец, свою совесть.

Перед глазами Здравого до сих пор стоит протянутая рука для рукопожатия его все еще друга. Он был изумлен. Он ведь даже не успел ничего сделать. Раньше еще можно было дружить просто так, не осознавая, что такое дружба в принципе. Сейчас такого не застать, ты постоянно думаешь, что если с тобой кто-то заговорил, значит ему это зачем-то нужно.

В портфеле так и остались лежать эти шоколадные яйца, а Родион просто стоял, крепко сжимая руку Максима, и думая, что удачно выкрутился. Он вдруг с ужасом понял, как выглядел бы сын директора школы, который унижается извинениями перед кем-то. Пусть даже лучшим другом. Это бы значило, что он в чем-то ошибся, признал свою вину. Он знал, что его мама бы такого точно не одобрила. Везде уши и глаза, которые неустанно следят за ним и передают директрисе во всех подробностях.

Он вдруг подумал, что игнорирует своего брата так, как видимо его друг игнорирует его самого.

Это определено карма.

Но даже если все и обстояло так, у Здравого не было никакого желания пока что-то менять. Во всяком случае, ему просто хотелось общения с другом без общения с братом. Родион просто всем сердцем желал, чтобы его надоедливый старший братец, наконец, разобрался со своей жизнью сам, без его помощи.

Знала бы мать, что ее ненаглядный сынок по каждому пустяку, произошедшему в его жизни, звонит непутевому младшенькому. Она бы определенно сошла с ума, если бы поверила в это.

Не то чтобы Родион был против помощи, но в любом случае он будет недостаточно хорош, что для брата, что для матери. Так что он не видел смысла напрягаться для кого-то.

Домой возвращаться не хотелось, и он решил прогуляться до парка. Через час, идя обратно домой, Родион Здравый сильно чихнул и вытер рукавом нос, ощутив, как боль прострелила его поясницу. Это все старый дурацкий матрас. И конечно же эта работа, где тебя припрягают всем, чем только возможно.

Солнце давно зашло за горизонт, вновь стало холодно, и Родион кутаясь в толстовку хотел как можно скорее оказаться дома, но подходя ко входу во двор понял, что что-то не так. Атмосфера изменилась. Он увидел мигающие огни машин и возню.

Возле их подъезда стояли полицейская машина и скорая помощь. У обеих мигали огни, встречаясь друг с другом и смешиваясь так, что перед глазами все превращалось в неразборчивую кашу. И главное, что все столпились вокруг, не давая возможности проскользнуть в подъезд незамеченным. Уже начало нарастать знакомое ноющее чувство в животе. Его затошнило, и он замер на месте.

Что такое?

Ноги начали дрожать, и в районе коленок он почувствовал особую уязвимость. Для уверенности сильно сжал в кармане несчастную пачку самых дешевых сигарет.

Здравый видел, как много людей в темноте, освещаемой беспокойными огнями сирен, наблюдали за происходящим. Его это взволновало не меньше, но это не значило, что он хотел знать, что произошло. Родиона волновало только его непричастность к этому

происшествию. Он очень сильно захотел попасть домой, но понимал, что придется пройти через всех этих незнакомцев. Что было еще хуже, так это встретить знакомые лица.

Он шел прямо, хоть и болела спина, но он продолжал упорно идти именно так, не зная почему. И походка его была словно не его. Такая неестественная, что любой заметит, если обратит внимание, возможно, подумает, что это подозрительно. Но никто не смотрел в его сторону, хоть Здравый и пытался себя убедить в обратном. Он хотел выглядеть, как обычно, расслаблено.

— Ой, Людка, что происходит-то? Как жить теперь страшно, — женщина лет пятидесяти с платком на голове, под которым прятались бигуди, переминалась с ноги на ногу.

— Все знали, что этим и закончится. И слава Богу! — другая старушка перекрестилась и поплотнее закуталась в зеленый махровый халат, — разве ж это жизнь была. Бедный мальчик.

— Да, молодой же был совсем, и что случилось-то?

— Не его жалеть надо. Что теперь с Ивановной будет, как переживет? Самой теперь как-то жить надо.

Несчастный случай?

До Родиона слабо доходил смысл сказанного ими, он хотел попасть домой, пробираясь через толпу.

Оказавшись в подъезде и поднимаясь по лестнице, замер возле квартиры с номером 116. Он увидел, как из этой самой квартиры выносили тело. Его тело. Он отшатнулся сильнее, чем хотел, и врезался в стену.

Возле распахнутой двери стояла Мария Ивановна и задумано говорила с женщиной в форме. Видимо, уже не в первый раз объясняя:

— Он уже давно не выходил из дома. Нет, конечно, недавно среди ночи видимо пытался, и я обнаружила его возле входной двери всего в истерике, — она была на пределе своих эмоций, хотя глаза казались потухшими, — А сейчас вот это... Это я недоглядела, — она пыталась говорить ровно, но голос продолжал нервно дрожать.

— Я ненадолго вышла, а когда вернулась, увидела его лежащим возле двери. Возможно, он опять испугался и споткнулся...

— Вы запирали дверь перед уходом?

— Я, эм, да. Кажется да. Но я не понимаю, что вы хотите...

Вот тут-то она и заметила Здравого.

Замолчала и посмотрела с таким выражением, словно Родион был виноват в смерти ее внука, которого она сама-то не очень любила, по мнению Здравого.

Конечно же, он понимал, что скорее ее эмоции выражали неизмеримое горе, и их с Родионом недавняя неприятная сцена была забыта. Неожиданно его будто прожгло невыносимым огнем горечи и совести. Ему все же было неприятно вспоминать, что тогда произошло. Теперь из-за этого он не может утешить бедную старушку в ее горе. Все было испорчено. Он вновь вспомнил, как трудно с возрастом исправлять ошибки, которые сейчас, как и в детстве, казались полной катастрофой.

Родион быстро кивнул полицейским и поднялся к себе, радуясь, что они пока не задавали ему никаких вопросов.

Было уже очень поздно, огни фонарей, машин полицейских и скорой помощи погасли, и все немного стихло. Хотя за дверью в коридорах продолжали разноситься посторонние

звуки, оповещая всех соседей о случившейся трагедии. Ему вновь пытался позвонить брат, но он отключился. Не хотел никого слышать. Он очень устал, и казалось, что на него сразу все навалилось.

Здорового начало лихорадить, словно его болезнь резко вернулась, но теперь он знал, что дело на этот раз в другом. Ему все мерещилось лицо матери погибшего соседа, но он упорно отгонял от себя ее образ.

Было беспокойно, за окном поднимался ветер.

Не хочу в это вмешиваться. Не верю, что он умер.

Я ведь его знал. Мы ходили в одну школу. Он всего на год младше меня.

Когда-то и я вот так умру.

Он все лежал и вслушивался в непонятный гул за окном, отмечая, что сегодня не слышит, как скрипят качели. На мгновение беспокойно подумал, что это что-то значит, и из-за этого так и не мог уснуть, лежа в темноте.

Ему было душно под этим теплым одеялом, но о том, чтобы встать и приоткрыть окно, не могло быть и речи. Сегодня в розетке возле головы светит ночник. Это даже смешно. Родион даже не помнит, как так вышло, что он его сохранил, когда съезжал из дома матери. Но теперь был полностью доволен таким исходом.

Исходом.

Какой у него в итоге исход? А какой ждет меня?

Обеспокоенные лица мелькали перед глазами.

Хорошо, что я не видел его тела.

Полиция уже выяснила, что хотела. Здесь им делать больше нечего.

Это была случайность. Ужасная трагичная случайность.

Тем временем звук за окном нарастал. Он был пугающим и никак не стихал. Возможно, он был просто у него в голове. Родион все думал, представлял, словно проверяя себя на прочность, как это могло произойти, и его это пугало, приводило в настоящий ужас. Никогда в жизни он еще не испытывал такой сильной дрожи в теле. Она была такой мелкой и противной, что Здравого затошнило и бросило в холодный пот.

Со стороны, возможно, все это показалось бы чем-то незначительным, но он чувствовал, что страх покрыл все его тело, и от этого было не избавиться.

Не смотри в сторону окна.

Не смотри.

Но Здравый все равно смотрит, потому что ему кажется, что там кто-то есть. Но это всего лишь тень от веток этого старого дурацкого дерева, что растет возле дома неизвестно с каких времен.

Он все пытается лежать неподвижно и тихо, потому что думает, что если шевельнется, то это услышат все в этом проклятом доме. Но все это глупости, потому как за окном усиливался гул, и Родион знал, что это просто сильный ветер. Но он не мог избавиться от предчувствия, что и в его квартиру придет что-то плохое. Как пришло в квартиру под номером сто шестнадцать.

На секунду ужаснулся от мысли, что здесь, в его квартире, уже кто-то есть. И не просто кто-то, а тот самый сумасшедший шантажист.

Он ждет, когда я усну, потом зайдет в мою спальню и убьет меня.

Но в квартире тишина.

Он все твердит себе, что то, что случилось с его соседом, был несчастный случай, и он

очень хочет в это верить. В обычный день он бы наверняка не придавал бы этому событию особого значения, хотя это и провело бы некую жирную черту, отделяющую Здравому от этой семьи, но не шокировало бы так.

Свист от ветра становится только громче, как и его дрожь. Его уже начало по-настоящему колотить. Он аккуратно перевернулся на бок и обхватил себя руками за плечи. Под одеялом нестерпимо жарко, так, что лоб покрылся испариной, и Здравому стало очень тяжело дышать.

Он зажмурил с усилием глаза и резко их открыл.

Только теперь перед ним была не его комната, а дверь кладовки. Из нее доносились крики женщины. Она просила, чтобы ее выпустили, и стучала в дверь изо всех сил.

Наверное, страшно быть запертой в маленькой комнате без окон и без света. Без надежды. Прошло уже полчаса, и все ее чувства обострились. От страха ей, наверное, кажется, будто не хватает воздуха. Интересно, она уже начала бредить?

Родион стоит напротив, и в нем колет чувство вины, но он не собирается останавливаться. За его спиной раздаются шаги, и он оборачивается. Перед ним оказывается мальчик.

— Ну что? Думаешь, ее уже можно выпускать? — Они оба знают, что когда она выйдет, ей никто не поверит. Она тоже это знает. Такое происходит уже не в первый раз, и Родион в тайне надеется, что не в последний.

Он кивает. Щелкает замок, и дверь открывается.

Здравый подскакивает с кровати. Он вновь у себя в квартире. На дрожащих ногах добирается до выключателя, не понимая, что вообще делает, и морщится от яркого света.

Все видения рассеялись.

Я не плохой. Не плохой.

— Не плохой, — хрипло после долгого молчания.

Сползает на пол и ложится на него. Прохлада немного привела его в чувства, и стало не так страшно. Теперь он точно осознавал, где находится. Но от этого легче не становилось.

Все правильно.

Это был несчастный случай, за окном всего лишь ветер и тень от дерева. Все как всегда, только гул от ветра стал походить на вой сирены от полицейской машины, а в выражении лица его бабушки Марии Ивановны было что-то странное.

Родион так и продолжал лежать на полу и думать, что завтра опять пойдет дождь, а брат как всегда не вовремя позвонит и скажет, что его жена опять жалуется на несправедливость жизни. Все будет как всегда. Жизнь Родиона Здравому продолжается, пока бездыханное тело его соседа, Ильи Соломина, из квартиры сто шестнадцать будет лежать на холодном столе в морге.

ГЛАВА 3

ТРУП В ПОДЪЕЗДЕ

Родион стоял напротив распахнутой двери квартиры 116, а оттуда вышла старая скрюченная бабка, похожая на птицу. В ее руке был большой окровавленный камень, она смотрела на Родиона, и ее сухие губы были сжаты, становясь похожи на изюм. За ее спиной лежал мертвенно бледный Илья. Он был слаб и беспомощен, но все еще жив.

— Он жил неподобающе молодому здоровому человеку. Жил не той жизнью, — ее

голос, казалось, разносился отовсюду сразу, и Здравый съежился.

— Он не хотел такой жизни.

— Конечно, не хотел, — проворчала она, — но все же жил. А ты чего мнешься на пороге? Нравится зрелище?

Родион долго молчал.

— Нет.

— Правда?

Не правда. Его это пугало, но он радовался, что не он на месте Ильи.

— Правда.

— Хочешь сказать, что больше заслуживаешь жить, чем он? Что ты лучше? Уже забыл, что сделал? — он вдруг увидел вместо нее Марию Ивановну, она замахнулась рукой с камнем на Родиона, — вы все заплатите за свои никчемные жизни!

Проснуться от этого сна Здравого заставил озноб, который пробил все его тело. Все болело, нос был забит, и чувствовал он себя напуганным. Сердце билось так сильно, что было больно.

Было почти шесть утра, и за стенкой плакал ребенок. Родиону казалось, что он специально для него так старается, смеется над его головной болью.

— Как будто ты и не переставал плакать, да? — обратился он к ребенку.

Дебильные картонные стены. Дурацкий дом!

Но уж лучше так, чем жить вместе с матерью под ее надзором, или как брат с ипотекой, потекающий всем женщинам мира. Родион же — сбежавший из дома непутевый сын, не оправдавший надежд.

Теперь еще и заболевший. Ему не хотелось брать больничный, он просто не мог себе этого позволить.

Выйдя на улицу, Здравый понял, что во дворе все только и шепчутся о погибшем соседе из квартиры 116. Сплетничают и бабки и женщины с детьми, с их подъезда и не только. Родион уверен, что большинство раньше вообще не задавались вопросом, кто живет в той квартире. В основном, все жалели Марию Ивановну и передавали сплетни о прошлом в жизни Ильи. Все происшествия с самого его детства. Всем вдруг стало дело до того, каким человеком он был. И как оказалось, никто в основном не видел большой потери после его смерти.

Родион понимал, что если он будет вести недостойный образ жизни, то после его смерти все будут вспоминать только плохое о нем. Сплетничать и говорить, что все к этому и вело. Что он был обманщиком, и ничего на самом деле не добился в своей жизни, кроме оттачивания своего мастерства во лжи. Он не хотел подобного.

Та строгая бабка с котами пристально на него посмотрела, и он вспомнил сон. Вдруг подумал, что это не было несчастным случаем. Он просто отвернулся ото всех и пошел на работу.

Вся атмосфера нагнетала. Погода пасмурная и беспросветная. Он шарахался от прохожих и проезжающих машин. Сегодня он немного потрепан, но все равно выглядел вполне достойно. Принял таблетки и заметил, что ссадина на лице уже почти не видна, и теперь легче ее скрыть.

По дороге на работу он вновь пытался дотошно дозвониться до Макса, но теперь оператор оповещал его о недоступности абонента. Он даже писал ему в ВК, но тот не отвечал. Тяжелый ком подступил к горлу. Здравый ясно почувствовал, как его лоб мгновенно

покрылся потом. Он не понимал, почему тот не хочет с ним разговаривать. Он не хотел думать, что потерял своего единственного лучшего друга, так еще по неизвестной ему причине.

В телефоне пришло несколько оповещений, от чего Родион вздрогнул и оглянулся по сторонам, прежде чем достать телефон.

Это была его бывшая. Приглашала к себе и все говорила, чтобы он вернулся к ней. Что его девушка совсем его не знает, и она лучше.

«Она совсем тебя не знает».

— Ты что издеваешься надо мной? Вы что, все издеваетесь?! — он истерически крикнул на всю улицу, смотря в экран телефона, даже не замечая, что на него стали оборачиваться. Губы его дрожали, — Достала меня уже.

Неужели не понятно, что я не вернусь к тебе! Не понятно?

Это был всего лишь флирт! Ты мне больше не нравишься. Всегда пыталась во всем угодить, меры в этом не знала.

Он продолжал идти и думать, что скажет ей все сегодня. Она стала действовать на нервы не хуже того сталкера, что преследует его.

Он замедлил шаг и задумался.

Нет! А если это она подсылала его ко мне?

«Она совсем тебя не знает».

Но ты знаешь! Ты ведь тоже многое можешь обо мне рассказать, если захочешь. Ты ведь хочешь?

Он не знал на самом деле, но понимал, что это могло быть в ее духе. Она была так настойчива, что могла пойти на что угодно.

«Никогда мне больше не пиши. Мы давно расстались, и я больше не хочу видеть тебя в своей жизни. Можешь больше не запугивать меня тем громилой, это больше не сработает».

Теперь она оставит меня в покое.

Он пошел дальше.

Все правильно. Надеюсь, теперь закончится весь этот цирк.

На самой же работе все было не лучше. Контролировать себя стало очень сложно. Жар во всем теле не давал ни на чем сосредоточиться, еще хуже становилось, когда он пытался не подавать виду о своем нездоровье. Желая совладать со своим состоянием, и явно в этом не преуспевая, Родион начал раздражаться на всех вокруг.

— Представляешь! Она заявила, что имеет больше прав на нашу дочку, чем я, потому что она, видите ли, мать. А я кто тогда такой?!

Они помогали переносить плитку в здание для следующего этапа работы, и Здравый уже замучался. В носу не переставало свербеть, и ему постоянно приходилось морщиться, так как руки были заняты, чтобы не чихнуть. Это раздражало. Еще и собеседник все требовал от него понимания и своего мнения на его ситуацию.

— Нет, ну как так-то? Ты мне скажи, я что, не прав?

— Конечно, прав. Она просто сука, — Родион закатил глаза, пока он на него не смотрел, — Серег, давай потом поговорим, а то нам еще столько работы, а то ты когда разговариваешь, то начинаешь медленно идти. Так мы никогда не закончим. Окей?

— Да не вопрос, ты просто не понимаешь, как я по дочке соскучился. Она Лизку с собой к матери отвезла, а мне что прикажешь делать? Небось науськивает ее против меня.

Родион вскипел.

— Серег! Да еб твою мать! Я ж просил!

— Ты че орешь на меня! У тебя таких проблем нет, тебе не понять, когда твоя жизнь рушится, — Родиона это возмутило.

— Потому что я не такой debil, как ты! Обзавестись семьей, а потом от жены узнать о решении развестись и повесить на тебя одного кредит и возможные алименты, — Серега смотрел на него оскорблено, — и да, к твоему сведению у меня тоже своих проблем хватает, не таких серьезных конечно, — сказал он с сарказмом, — но не у одного тебя жизнь рушится.

Здравый замолчал и оглядел стройку. Промелькнула мысль, не следит ли он за ним сейчас. Он сразу же пожалел, что так сорвался, показал себя не с лучшей стороны. Но ведь ему тоже плохо.

Мужчина уже хотел открыть рот, но Родион не дал ему шанса.

— И конечно будь готов, что, скорее всего, ребенок останется с ней, и тебе придется платить, как бы это ни было несправедливо.

— Да пошел ты Родик! — мужчина сплюнул и пошел к другим ребятам из бригады, помогать там.

Родион поднес ладонь к губам и потер их.

— Блять! — прошептал он.

Он не хотел срываться на нем. Вовсе нет. Он просто был в плохом настроении. На него самого столько всего свалилось, что он уже сам валился с ног, а тут бубнящий Серега за работой. За которой хотелось спрятаться от своих проблем. Вот его и понесло. Лицо обдало жаром стыда, и Здравый хотел было пойти извиниться, но чувство это быстро ушло.

А нечего было под руку лезть! У него одного проблемы что ли?

Он мог бы помочь ему, если бы он немного подождал со своими излияниями. А теперь Родион представлял победное лицо женщины, которую ни разу не видел, убежденную в своей правоте. Ребенка, науськанного матерью, винящего во всем своего отца, который их бросил.

Наша мать тоже была не лучшим образцом. Мы постоянно с ней спорили.

Она частенько говорила им, что они такие избалованные и неблагодарные (чаще говорила это конечно Родиону), потому что они выросли без отца.

Интересно, кто в этом виноват?

На телефоне пикинуло оповещение. Неизвестный номер прислал сообщение. Фото его матери. Она стояла в очереди на кассе. Ни о чем не подозревая. Хоть с виду и не скажешь, но если бы на нее напали, она вряд ли смогла бы себя защитить. Не такая хрупкая, как женщины в ее возрасте, но и женщиной в теле не назвать.

«Тебе что нужно?»

Ответ не приходит долго, Родион начал нервничать. А вдруг с ней что-то случилось? Вдруг этот сумасшедший что-то сделает с ней?

После обеда он решил отпроситься домой, ссылаясь на плохое самочувствие. Его отпустили под грозный взгляд, и он помчался, не разбирая дороги.

Уже стоя у квартиры своей матери он начал ломиться в дверь, пытаясь унять подскочившее сердцебиение, больно ударяющееся о грудную клетку. Дверь со щелчком открылась.

— Родион?

— Ма? С тобой все в порядке? — Родион выдохнул, но расслабиться никак не мог. Даже если сейчас все хорошо.

— Пока я в отпуске, со мной все прекрасно, а вот что с тобой? — она вся осмотрела его с головы до ног и поморщилась, не одобряя.

Родион тоже осмотрел себя.

Блин!

Он так распереживался, что забыл переодеться, даже не умылся.

— Я пойду, извини.

— Еще чего! В кои-то веки пришел домой к матери, не потому что попросили. И да, кстати, мне позвонил тот мой знакомый, о котором я тебе говорила, как ты мог не прийти на встречу? Для тебя что, мои слова пустой звук? Ты что меня позоришь!

— Мам, ну хватит, — Родион начал канючить, — я ведь тебе говорил изначально, что такая работа не для меня, я не хотел с ним встречаться, чтобы потом просто отказать.

— Ты себя вообще слышишь? Хочешь до старости на этой вшивой стройке горбатиться? Думаешь, это та жизнь, которую я хотела для тебя? Забыл кто твоя мать?

— Я никогда этого не забывал, так же, как и не забываю, что тебе важнее статус и одобрение толпы, чем счастье собственных детей.

Он все сказал. Развернулся и начал спускаться по лестнице.

— Ты такой неблагодарный, — донеслось за спиной, а после щелчок двери.

Если бы этот урод не прислал мне то сообщение, я бы не сорвался сюда, и мы бы не поссорились. Это он во всем виноват.

И как же с ним бороться? На всех сайтах советуют сменить маршрут до дома и само место жительства. Меньше вести социальные сети, а если совсем все плохо, то обратиться в полицию.

Интересно, и что же мне им сказать? У меня нет никаких доказательств, если почитать те переписки, то там не за что ухватиться. Он очень осторожен.

Уже поздно, и идя домой, он оглядывается. Возможно, он и сегодня за ним следил. Родион повернул в другую сторону и пошел на станцию.

— Погоняю на троллейбусе, — Здоровый закинул в рот леденец, от которого уже тошнит, и стал ждать.

Какая приятная встреча!

Для меня.

Был уже вечер, и нужно было поторопиться. Кирилл всего лишь хотел в очередной раз пробраться к Здравому в квартиру и напакостить еще, но поднимаясь по лестнице, навстречу ему выскочила расстроенная девушка.

Видно долго простояла возле его двери, ожидая аудиенции.

Я бы мог скрасить твой вечерок.

Кирилл совсем не понимал, почему она все еще держится за Здравого. Он решил поменять свои планы и пошел за ней.

На улице начинал накрапывать дождь, и все спешили домой. Кончики пальцев замерзли, и он довольно засунул руки в теплые карманы. Прикрыв голову капюшоном от черной толстовки, он увидел, как она сворачивает на улицу, где начинаются частные дома. Она шла впереди него неспешно, была грустна. Внезапно Кирилла посетило чувство, которое скопилось за столько неприятностей в его жизни. Он уже проделывал это со своим старым

приятелем Родионом. А теперь ему до дрожи захотелось ее напугать, чтобы она дрожала от страха. Он недобро ухмыльнулся.

Кирилл стал часто дышать, предвкушая. Она, видимо, уже заметила его, так как стала идти гораздо бодрее. Он тоже прибавил шаг, давая понять, что сам заметил ее манипуляции и не собирается ее так просто отпускать. Она оглянулась, и Кирилл успел заметить ее красивое утонченное лицо, оно было охвачено беспокойством. Она нервничала, и ему это начало доставлять удовольствие. Он знал, что ее тревожные мысли заполняются самыми худшими сценариями. Ее пульс участился, она еще ускорила шаг и запнулась о выступ на асфальте. Сильнее втянув воздух в легкие, он начал фантазировать, что ей наверняка от страха больно глотать слюну, ее дрожь в коленях не дает свободы ногам, и ее это явно беспокоит. Мелькает мысль закончить начатое, но пока он не придает ей значения.

Он ускоряет шаг еще немного. И в один момент он стал злиться на эту девушку, словно она виновата во всех бедах его жизни. Она наверняка сейчас идет по дороге и думает, что теперь любой незнакомец на улице не иначе как маньяк или убийца. Или то, что она настолько привлекательна, что думает, будто все имеют на нее виды. Кирилл рыкнул и остановился. Он наблюдал, как она бежит, уже не различая дороги, и думает, что этот странный тип следует за ней. Ее красивые длинные каштановые волосы развиваются и путаются в беге. Она заворачивает за поворот, и я вздыхаю.

Ты чудовище, монстр.

Ты только что напугал бедную девушку, придумал ее мысли и разозлился на нее, и что? Что ты собирался с ней сделать? В кончиках пальцев покалывало от упущенной цели, словно он уже почувствовал ее в своих руках.

Он резко сорвался с места и нагнал ее у старого покосившегося забора. Это был заброшенный частный дом. Идеальное место.

Она кричала и сопротивлялась, пока он затаскивал ее в дом. Ему вдруг начало это нравится.

Он дернул ее за волосы, чтобы она видела его лицо.

— Раз уж мы оба здесь, то закончим начатое, — и улыбнулся.

— Может уже ответишь мне наконец? — Родион не находил себе места. Он уверен, Марина обиделась на ерунду, и теперь не желает отвечать на его звонки. И так уже несколько дней.

— Ты же не рассталась так со мной?

Здравый задал этот вопрос, не оставляя попыток дозвониться до своей, как он надеялся, еще девушки.

Сейчас он не мог позволить себе жить с ней вместе, как она не понимала этого. Все эти дни от сталкера нет никакого движения. Родион даже на секунду задумался, а не надоел ли он ему, но понимал, что тот наверняка что-то готовит для него. И Здравому это вряд ли понравится. Это и пугало его. Он не знал, с какой стороны придет удар.

Домой Родион вернулся совершенно разбитым. Каждая мысль в голове была хуже предыдущей. Еще разговор с братом. Он думал, ему станет лучше, если он будет снова разговаривать с Андреем. Это казалось правильным. Вот только на самом деле он надеялся, что если наладит с ним отношения, то и с другом не будет проблем. Максим был тем, в ком он нуждался сейчас. Это было эгоистично, но ничего поделать с собой Родион не мог. Стоя возле своей двери и ковыряясь с ключом, он услышал, как дверь сзади него открывается.

Безмянный сосед стоял и смотрел на него, словно чего-то ждал, а возможно опять хотел сказать очередную чушь, но Родион проигнорировал его, только мельком бросив взгляд.

Раздражает.

Никак не дает о себе забыть. Иногда Здравому кажется его лицо знакомым, но он не может вспомнить, где мог его видеть. Сегодня с его легкой ухмылкой на лице, что Родион успел заметить, это лицо стало совсем чужим, хоть он и видит его почти каждый день.

На поздний ужин он подогрел сегодняшней завтрак, который так и не осилил.

«Как день прошел?»

«Нормально»

«Сильно устал?»

«Очень»

«Если бы я была рядом, я бы смогла тебе помочь расслабиться»

«Покажи как»

Переписка с бывшей девушкой Викой шла прекрасно. Его Маринка такого никогда не делала для него. Мол, не такая. Вот на этот случай и была Вика.

Он уже поудобнее устроился на диване и расстегнул ширинку, готовясь расслабиться по-настоящему, как ему пришло еще сообщение.

Сразу фото что ли прислала?

Но это была не она. Сообщение было прислано с неизвестной страницы, а на фото была какая-то улица.

Не понял!

Следом пришла фотография его закутка, где он обычно сворачивал во двор.

Родион уже не был настроен на продолжение и наклонился вперед, вцепившись в телефон. Вся расслабленность ушла.

Дальше пришло фото его многоэтажки.

Пилик. Фото его подъезда.

Родион напрягся. Да что за херня?

Фото лестницы и его почтовый ящик.

Дышать тяжело, от напряжения он чувствовал головокружение и тошноту. В желудке все скручивалось.

Пилик.

И наконец фотография двери его квартиры под номером 118.

Он замер от страха. Совсем не хотелось верить в происходящее. Ему показалось, что в квартире стало совсем тихо, и Родион изо всех сил старался не шевелиться и меньше дышать, чтобы не выдать своего присутствия. Словно за дверью сейчас и правда стоит он.

И тут в тишине его квартиры раздался звонок в дверь.

Родион весь сжался, и изо рта вырвался непонятный хрип.

Минуту ничего больше не было слышно, даже шагов за дверью или еще чего-то, но Здравый не мог позволить себе быть обнаруженным. Час он просидел в тишине и своих мыслях, так и не сдвинувшись с дивана. Он не хотел смотреть в глазок, даже если после этого он мог бы узнать своего преследователя.

Утром Родиону было беспокойно. Утром идея со звонком уже не казалась такой удачной. Голова уже не болела, но горло ужасно саднило. Вода не принесла облегчения. Этого следовало ожидать, он бросил лечение, понадеявшись на скорое выздоровление.

Пошел в ванную, принял душ и решил все же поесть.

Он четко помнил, что случилось вчера вечером, и понимал, что его просто загнали в ловушку, из которой все труднее выбраться. Раньше он и не осознавал, насколько тот псих близок к нему, и это было страшно.

А кто в этом виноват, интересно?

Голос в голове говорил с издевкой.

Ты бы мог жить честно.

Я бы мог, если бы на меня не давила мать, мол, я ее позорю.

Ты бы мог просто сказать ей, что не видишь ничего плохого в своей нынешней работе.

А я не вижу ничего плохого в своей работе?

Яичница подгорела, и он удивился, что так задумался. Настроение и так было не располагающим. Это были последние яйца, и он решил сделать пару бутербродов. Как оказалось, ничего другого у него не было.

Надо бы сходить в магазин, а то совсем запустил все.

Оглядев свою квартиру, понял, что неплохо было бы и прибраться, но сначала нужно было решить проблему с братом. Звонить Родину не хотелось, и он просто отправил сообщение, что им нужно встретиться вечером, когда Андрей закончит все дела на работе.

На своей же работе дела шли хорошо, если не учитывать того, то его напарник теперь очень холодно с ним общался, и Родион испытывал сильное чувство вины за сказанное, но сам не заговаривал с ним первый, не зная как подступиться. Сегодня он почувствовал себя очень одиноким.

Приняв дома душ и одевшись в отглаженную рубашку и джинсы, он оглядел себя в зеркало. Из-под ремня немного торчали бока, и Родион нахмурился.

Поправился немного.

Все из-за сигарет!

— Точнее из-за их отсутствия, — он отвернулся от зеркала, — меньше жрать надо.

Они договорились встретиться возле дома Андрея в небольшом сквере.

Родион подходит к лавочке, где он сидит. Опавшие листья шуршат под ногами, но Родиону и это не приносит радости, как когда-то.

— Привет.

Андрей был одет очень тепло и по-домашнему, словно выскочил из дома на минутку, но по четким стрелкам на рабочих брюках видно, что он только что с работы. Хотел бы и он сам выглядеть так же хорошо и дорого. Только по-настоящему.

— Да, привет, — Родион присаживается рядом с ним и откашливается.

— Будешь? — Андрей протягивает небольшую бутылку пива. Родион хмыкает и берет ее в руки. Она еще холодная. Только сейчас он замечает, что возле брата на лавочке стоит такая же, только начатая.

Он открывает свою бутылку и делает несколько глотков. Думает, что со стороны они сейчас выглядят как настоящие братья. Родион незаметно для себя довольно цокает, одобряя.

— Скрываешь свои встречи от жены? Какой позор.

— Приходится. Тебе не понять, — голос уставший.

— И хорошо, что не знакомо. И вообще не говори со мной так, будто у тебя больше жизненного опыта, только потому, что ты старше, — это вышло очень беззлобно. Как когда-то, когда они еще могли нормально поговорить. Андрей засмеялся. Это тоже было давно забытым, и сейчас казалось в новинку. Родион сделал еще глоток.

— Мать звонила, сказала, что ты ей нагрубил.

Родион повернулся в сторону Андрея. Тот смотрел вдаль.

— У меня полно своих проблем, чтобы еще ей угодить. Пусть со своими подружками престарелыми сама разбирается.

Андрей отпустил тихий смешок, который при их матери он позволить себе не мог.

— Что у тебя за проблемы? — на мгновение Родион чуть было не проболтался, так сильно он хотел выговориться, но нужно быть осторожнее, он не может сразу довериться при первой встрече.

— Да знаешь, на работе не ладится с напарником, — он вдруг вспомнил, — а еще в моем подъезде умер сосед. Илья, помнишь его?

Андрей нахмурился.

— Давай не будем об этом. Ты как всегда начинаешь какую-то хрень говорить и портишь всем настроение.

— Да я просто сказал, — Родион попытался смягчить момент, — просто, когда я увидел лицо Марии Ивановны, то подумал, а вдруг это не случайность, и она могла его... ну...

— Убить? — У Андрея дрогнул голос, и он весь напрягся. Это было легко увидеть по тому, как он сжимал банку пива.

— Да. Из-за этого мне снятся кошмары. Ну, знаешь, ерунда всякая, но... — Родион замолчал и начал жевать губу.

— Ты это к чему вообще все?

— Просто, а если она случайно убила его?

— Как это?

— Ну, она им была не очень довольна по жизни и могла накричать или еще чего.

— Да что за глупости! Я прям вижу эти параллели с тобой и матерью. Ты что, думаешь, что она однажды и тебя грохнет случайно или нет?

— Нет! — но тут Родион задумался, что такое вполне могло бы произойти, — меня просто беспокоит то, что случилось, мы ведь оба знали его.

— И что теперь?

Родион долго молчал, настраиваясь на вопрос.

— А ты бы смог убить кого-то, кто тебя достал? — для себя Родион на этот вопрос ответил уже давно и хотел найти поддержки со стороны.

Андрей усмехнулся как-то горько.

— Если бы я мог, то половина людей на моей работе была бы давно мертва.

Они оба рассмеялись, и стало немного легче.

— И вообще, ты чего сопли в последнее время стал распускать? Помнишь, что мама всегда говорила? Девушкам это не нравится.

— Да, помню. Наша мать много чего говорила, — ворчливо сказал Родион, — угождай всякому встречному, если от этого есть какая-то польза.

Андрей еще больше рассмеялся.

— А ты все такой же черствый злюка.

— Я просто не люблю, когда за мой счет тешат свое самолюбие.

— Да, давненько же мы с тобой не общались. Я рад, правда.

Родион тоже был доволен встречей. Он даже не заметил, как усилился ветер, унося вдаль опавшие листья. Он задумался, а не позвонить ли тогда сегодня Максиму, вдруг работает.

— ... и постоянно приходится в чем-то уступать. Только представь, приходишь домой после тяжелого трудового дня и думаешь, что заслужил горячий ужин и просмотр телевизора перед сном, но нет! — Андрей очень эмоционально размахивал руками, пытаясь справиться с эмоциями.

— Сначала я должен помочь с Алиской и выслушать от нее обо всех приключениях за день, помочь с уборкой на кухне после этого самого законного ужина, выслушать свою женушку с ее непременно важным мнением о ее подружках, а только потом телевизор и пиво под то же зудение над ухом. Знал бы ты, КАК я устал!

— Хмм, — Родион слегка захмелел от их посиделок.

— Хмм? Это все?

— Ты же сам сказал, что мне тебя не понять, — теперь уже я над ним смеялся, — вот поэтому я и не женюсь, — он указал пальцем на Андрея, держа в руке давно опустевшую стекляшку, — поэтому здесь прячешься? Надоело все?

— Просто так у меня сохраняется ощущение, что я действительно заслужил! — и он, подняв вверх руку, салютует мне недопитой бутылкой пива. В отличие от Родиона, пил он медленно, пытаясь смаковать все это чувство свободы.

— Она же запах почувствует.

— Жвачкой зажую.

— Все равно почувствует, и ты все равно будешь слушать ее зудение, только в два раза больше, — пропел Родион. Андрей начал ворчать и пихать его в бок.

Его взгляд остановился на девятиэтажке, в которой жил брат со своей семьей. Их мать тоже была такой. И так как отец их вскоре бросил, она отыгрывалась на них и на всех детях в школе. Особенно раздражало Родиона, когда она своим тяжелым молчанием подтверждала все заданные неприятные вопросы. Как раз во время разгара того инцидента в школе они разговорились сидя на кухне, и Родион, не выдержав, спросил «случись со мной такое, ты тоже бы закрыла на все глаза и не поверила?», она тогда тоже промолчала. Это значило, что она действительно всерьез так считала. Родион думал, что лучше бы она тогда это вслух сказала.

Ксюша!

В голове неожиданно ясно пробила мысль.

Тот скандал, который произошел уже в универе. Ксюша и Кирилл.

Кирилл.

Он бы... Он бы мог мне отомстить?

Хотя если это и он, тогда почему мне? Потому что я тогда принял в том инциденте некое участие? Считает ли он вообще кого-то, кроме себя, виновным в том, что с ним случилось?

Нужно встретиться с Ксюшей и поговорить.

Отрывает глаза от ненавистного дома, в который придется сходить, но позже. Уже стемнело и Родион со злорадством какой-то любовницы подумал, что его жена сейчас явно недовольна, что ее мужа все еще нет дома. И так хочется рассказать, что это время он провел с ним.

Когда на следующий день в выходной Родион шел туда, ему казалось, что у него были четкие намерения и весь разговор расписан по пунктам, но оказавшись перед дверью их квартиры, ступешался. словно бы Здравому и не сюда надо было прийти, но опомниться ему

не дала хозяйка, довольно резко открывшая дверь.

Он был сильно удивлен, потому что на ней был надет легкий синий полупрозрачный халат, а они ведь договаривались о встрече. Здравый немного замялся.

— Проходи, — он почувствовал себя лишним из-за ее холодного тона. Она была в плохом расположении духа, и Родиону это не нравилось.

— Андрей здесь?

— Нет. Он на работе, — голос ее стал еще недовольнее. Родион это знал. Андрей сам ему сказал вчера, поэтому он и захотел прийти сегодня.

Она прошла дальше на кухню. Хоть Андрей и говорил, что желание продвинуться на работе — из любви к своей семье, Родиону казалось, что такое поведение как раз из нежелания проводить больше времени дома с семьей.

Здравый разулся, и тут на него налетела Алиска.

— Дядя Родя! Ты пришел! — она вцепилась в его ноги маленькими ручками, продолжая верещать. На мгновение он даже устыдился, что так редко приходил. Родион обнял ее в ответ, слегка наклонившись.

Ему было неловко от общения с ребенком, которого он так редко видит. Эта милая девчушка в домашнем оранжевом платье с двумя высокими русыми хвостиками. Ее мама, очевидно, не утруждала себя сегодня даже одной косичкой. Волосы Алисы были тонкие и мягкие, и эти хвостики скоро потеряют свою форму.

Ксюша велела дочке пойти в свою комнату и поиграть там, что Алиса и сделала не без грусти. Но она была достаточно энергичным ребенком, как и сам Родион в детстве.

Он перевел взгляд на дверь. Вспомнил, как вечно докучал брату. Стоило ему прийти из школы и сесть за домашнее задание, Родион был уже рядом. Он буквально видел себя маленьким, вбегающим в комнату с криками и просьбами с ним поиграть, и Андрей наверняка думал: «Блиин.... Как же меня это все достало. Младший брат опять принес с улицы очередное насекомое и тычет мне им в лицо, пока я сижу за домашкой и пытаюсь сосредоточиться. Ну, и куда мне прикажете деться?». Родион тихо хихикнул.

Теперь это кажется такой глупостью. От этих воспоминаний в теле все потеплело. Оклик с кухни заставил видение рассеяться. Улыбка ушла с лица Здравого.

Никогда бы не подумал, что старые воспоминания из детства будут приносить мне радость, и будет так грустно возвращаться в реальность.

Видимо, теперь моя нынешняя жизнь стала хуже той, что была в детстве. А ведь уходя из дома, я хотел добиться совсем противоположного эффекта.

В кухне на столе уже стояли две кружки чая. Родион сел за стол, а Ксюша стояла у раковины и нервно постукивала ногой, вертя в руках телефон.

— Ксюш, ты помнишь, как ты преподавала у нас в универе?

— А? Ты это к чему?

— Помнишь того парня Кирилла, который за тобой следил и пытался настойчиво ухаживать?

Ксюша сжала губы, и на лбу образовались морщины.

— Я же тебе помог тогда с ним и...

— Ты ведь дружил с ним.

— Да, — теперь Родион напрягся, — и его принудительно отправили в психушку.

Здравый совсем не заметил, как стал поправлять воротник рубашки, а потом крутить пуговицу.

— И что с того?

— Я просто хотел спросить, ты не знаешь, выпустили его уже или нет?

— Мне откуда это знать. Я его видеть больше не хочу, и вообще, мы с тобой вроде оба решили забыть о том инциденте, помнишь?

— Помню. Я просто подумал, что если он выйдет, не захочет ли нам отомстить?

Она сильно сжала телефон в руках, пытаясь сдержаться.

— А мы с тобой разве что-то плохое сделали? Нет! Так и не о чем переживать. Мало ли психов вокруг.

Родиону показалась ее манера речи странной. Она говорила то громко и спокойно, то тихо, но истерично.

— У меня уже давно другая жизнь, и дела до него нет никакого. Меня больше никто не достает, — она обхватила свои плечи руками, и длинные рукава халата обнажили пару синяков на руках выше запястий. Андрей был вспыльчивым человеком и не всегда мог сдержаться.

Тут в кухню влетела Алиса и стала кружиться возле них с куклой и что-то бормотать.

Она что-то говорила своей матери, пока Родион разглядывал Ксюшу. Он чувствовал, как к щекам подбирается румянец и отвернулся. Она, несомненно, была хороша собой. Всегда знала, что иногда Родион смотрит на нее с определенными мыслями, но ей это нравится, поэтому сейчас она не спешит прикрывать свое декольте, которое так видно из-за халата.

Он расстегнул первую пуговицу на рубашке, как услышал резкое:

— Помолчи! У меня уже голова болит. Все утро сегодня не замолкаешь. Дай маме отдохнуть, — к концу она смягчилась, вспомнив, что не одни на кухне, и погладила дочку по волосам. Та замерла у ее ног. Родион сделал большой глоток из чашки и опять уставился в окно.

— Слушай, я тут хотела ненадолго отлучиться, а Андрей так не вовремя ушел... — было видно, что она явно недовольна вылазкам своего мужа на работу, и ей придется сидеть дома со своей дочерью в выходной день. И тут Родион сам пришел и теперь чувствовал себя пойманным зверьком, — в общем, можешь посидеть пару часиков с Алиской?

— Эм... хорошо, — от его ответа ей, кажется, дышать стало легче. Но она не была удивлена, зная, что сейчас у него просто нет причин отказывать.

Родион хлебнул еще немного чая и тут почувствовал резкую тошноту. Зажав рот рукой и, выскочив из кухни, он заперся в ванной. Там его основательно вырвало. Этот чай и заодно его завтрак оказались смытыми в унитаз. Он осел на пол и краем глаза уловил кучу тряпок под ванной, подумав, что она та еще хозяйка. Тряпки были грязные в пятнах, наверняка пролежали там давно, от чего Родион почувствовал еще один рвотный позыв. Испытывая жуткую слабость во всем теле, и прополоскав рот, Здравый зашел обратно в кухню.

Ксюша выглядела не столько обеспокоенной, сколько растерянной. Она поняла, что произошло по звукам, а ему было неловко говорить о своих проблемах с желудком. Ее отвращение было видно, и Родион понял, что она сейчас смотрит на него свысока. Как на мусор у ее ног. Низший сорт. Это было неприятно. Он вспомнил свою нынешнюю работу, она ведь тоже знала. Как бы он на нее не смотрел, она никогда не видела в нем привлекательного мужчину. Здравый не собирался здесь больше оставаться.

— Я домой пойду.

— Что? Что случилось?

— Ксюш, извини, но я не смогу остаться, я себя не очень хорошо чувствую. Попроси

кого-нибудь другого.

— Что?! Ну, ты же сам согласился, а теперь придумываешь нелепые отговорки. Вечно ты так поступаешь! В вашей семье все такие эгоисты!

— Попроси соседку сверху, вы часто ей доверяли Алису.

Ксюша выдохнула от возмущения.

— Это сейчас был намек на то, что я, по-твоему, плохая мать, да?

Вот так это обычно и происходило. Стоило Родиону что-то сказать не так, и все тут же начинали переворачивать смысл его слов. А потом жаловались, что он до ужаса бестактен.

— Конечно, нет, — *конечно, да.*

Если бы ему не было так плохо, Родион бы обязательно объяснил ей кто здесь настоящий эгоист, но он только тихо попрощался с притихшей малышкой и удалился из квартиры.

Стоило родиться девушкой, чтобы не думать потом, как выкручиваться из сложившейся ситуации.

Стоит им только закричать, и мужчина тут же автоматически виноват.

Дома все дела были забыты. В квартире было по-прежнему не убрано, а в холодильнике пусто. Мало того, что физически Родион был сейчас слаб, так еще и на душе теперь паршиво.

Это же надо было моего братца угораздить встретить такую женщину. Как к ней не относиться, все равно будешь виноват!

Хотя он тоже не лучше.

Он надеялся, что Андрей уже вернулся домой, и они пилят друг другу мозги. Эта злорадная мысль усыпила Родиона. Позже он просыпался, чтобы выпить необходимые лекарства, и снова засыпал. В следующий раз это было рано утром. Не было еще и пяти утра. За окном было темно. Он поднялся из кровати и подошел к окну. Улицы пусты. Даже через стекло чувствуется холод.

Резко на голову обрушиваются воспоминания вчерашнего дня. Настроение из никакого превращается в плохое. Нужно прогуляться и отвлечься. Только выйдя на улицу, понимает насколько тут холодно. Если бы Здравого кто-то видел сейчас, то в их глазах он бы выглядел безумно. В такую погоду и время гулять в легких спортивных штанах и толстовке. Они совсем не греют, но на них есть марка Найк.

И о чем я только думал?

Его последние поступки явно не отличались хоть каким-нибудь рационализмом. Все импульсивно и необдуманно.

Вот зачем пошел к ним домой?

Зачем накричал на бедную старушку, потерявшую единственного внука?

Теперь, когда начал жалеть об этом, не знает, как все исправить. Он не мог просто взять и поговорить с ней. Объясниться. Может? потому что Родиону страшно переступить порог квартиры, в которой умер знакомый ему человек? А может, есть еще причины, он не знает. Но какой-то страх давит на него, не дает пойти навстречу.

Он еще долго гулял по знакомым улицам, проходил мимо стройки, на которой сейчас работал, пока не начало светлеть, и он весь не замерз. Его болезни это явно не на пользу, но сейчас его это совсем не волновало, как и возможность вновь пересечься где-нибудь со своим преследователем. Он все же сходил в магазин, и оставшийся выходной провел за ноутбуком в поисках информации, как избавиться от преследования. Ему также на глаза

попались статьи, где люди рассказывали о своем печальном опыте.

«После расставания со своим парнем я никак не могла избавиться от чувства, что за мной следят. А потом пошли звонки. Мой бывший стоял под окнами моей квартиры и настойчиво звонил и сбрасывал. Провожал меня до дома и на работу, идя позади. Потом я обнаружила под дверью мертвого голубя и тогда поняла, что вообще не знала, с каким человеком встречалась. Он отстал после моего обращения в полицию».

«Один неизвестный начал преследовать меня в интернете. Создавал фейковые странички с моими фотографиями и писал разные гадости моим знакомым. А когда его блокировали, он регистрировался в группах проституток и знакомился с мужчинами. Из-за этого мой телефон разрывался от звонков. После небольшого затишья он стал присылать мне фото с моей работы, моего подъезда, чтобы я поняла, насколько он близко, и тогда я запаниковала.

Я переехала в другой город и больше не выкладывала свое местоположение в соц. сетях».

«Он караулил меня везде. Мог просто ехать со мной в одном транспорте и хватать за руки, говорить что-то. Он буквально не давал мне нигде спокойно пройти. Давил на психику. Грозился подкидывать в мой почтовый ящик мертвых животных, говоря, что это будет на моей совести. Я очень любила животных.

Сколько бы я ему не говорила, он не хотел оставить меня в покое после расставания. Каждый знакомый, узнав об этом, говорил, что я сама виновата, что связалась с таким человеком. Он также поддерживал лживые слухи обо мне в интернете на разных форумах, из-за чего еще больше негатива полилось на меня со стороны уже незнакомых мне людей. На тот момент я просто хотела переехать в другой город, но понимала, что его это вряд ли остановит.

Он постоянно угрожал мне, что убьет меня, если я к нему не вернусь. И я понимала, что однажды он может не сдержаться и нанести мне физический вред. Я стала больше сидеть дома и начала работать дистанционно, так как не могла больше позволить себе часто выходить из дома. У меня начала прогрессировать агорафобия.

Уже полгода от него ничего не слышно, но я никак не могу почувствовать себя безопасной. Мне все время кажется, что он следит за мной и ждет подходящего момента».

После этих жутких историй ему снится кошмар. Вокруг темно, он лежит на своей кровати, а на нем сидит его друг и душит его. Позади них стоит и наблюдает за происходящим его надоедливый сосед.

Он резко просыпается и видит, что вокруг так же темно. Начинает паниковать и оглядываться. В горле сухо и кажется, что его сейчас вырвет собственным сердцем.

— Ах ты гад! — выкрикивает он, но голос, охрипший после сна, не его.

Он летит в ванную и оставляет в унитазе свой и так легкий ужин. Умывается и видит в отражении свое несчастное бледное лицо. Родион даже заметил несколько седых волос на голове. Начинает дрожать всем телом. Желудок сильно болел из-за спазмов, и он закрыл крышку унитаза и сел на него.

В голове все крутятся моменты с этим надоедой «А не найдется ли сигаретки?».

Что, если он специально изводил меня и смотрел на мои страдания? Еще и с дебильной улыбкой спрашивал, как у меня дела?

А вдруг это и есть он? Он мог все это время так близко находиться и без проблем

наблюдать за мной.

Он на секунду обдумал мысль, а не обратиться ли ему в полицию, но тогда он сразу же расскажет всем правду и все вскроется. Он знает о Родионе то, что может погубить его жизнь. Да и что сделает полиция в такой ситуации. Никаких прямых доказательств нет. А то, что он присылал, вообще ничего не значит для тех, кто не в курсе положения Родиона. Да его на смех поднимут и даже разбираться не станут, а перед ними он унижаться не хотел. Да и сталкера это может разозлить, и он продолжить дальше калечить его жизнь, пока не поломают все окончательно. Как и хотел.

Нужно просто следовать советам и меньше попадаться ему на глаза. Не провоцировать своими ответами на его выходки и все наладится.

Я надеюсь.

Будильник будит быстро. Родион даже не помнит, как заснул. Все его дни теперь превратились в один. Ничего не меняется. Он только успевает зачеркивать дни в календаре, чтобы понять, что время действительно движется. Просыпается, умывается, по возможности завтракает. И если его не начинает тошнить, то одевается и идет на работу. Но сегодня сосед по лестничной клетке застаёт Здорового врасплох. Неожиданно появляется из-за двери и после очередного отказа в сигарете говорит:

— Вы поссорились?

— С кем?

— Со своим другом, — Родион смотрит на этого раздражающего блондинчика, — зачастил он сюда. Приходит и торчит тут. Шепчет что-то в дверь, как будто на исповеди.

Его слова звучали для Родиона неправдоподобно. Чтобы Макс приходил и ждал его, когда знает, что тот на работе? Глупости. Что-то шепчет в дверь?

— Если ты будешь постоянно смотреть в свой глазок, много правды не увидишь, — Родион хмыкнул, — Что-то шепчет в дверь? Меньше фантазируй.

Родион остановился возле лестницы и задумался.

— И прекращай следить за мной. Это ненормально!

Не дождавшись пока ему что-то ответят, быстро спустился по лестнице, забыв про лифт.

Он стоял над свежим трупом чокнутого паренька, который оказался очень кстати. Кирилл присел на корточки перед ним.

— Ты мне очень поможешь, говнюк.

Воронов сказал, что он прячет у себя видеозапись их связи. Тогда в аудитории. Если бы он нашел ее раньше, это стало бы неопровержимым доказательством того, что Кирилл был невиновен и говорил правду, а Ксюша просто жалкая лгунья и шлюха.

Порывшись в столе он ничего полезного не нашел, кроме завалившегося хлама, как и по всей комнате. Он решил обыскать и компьютер, который оказался не запаролен.

— Ну да, бабка-то все равно ничего не понимает, — через минут пять он нашел то, что искал. Видео было не с самого начала, но их лица было прекрасно видно, как и то, чем они занимались. Из-за этого камера в руках неумелого оператора дрожала.

Кирилл повернулся в сторону коридора, где лежал труп Ильи:

— Кто-то любит подглядывать, да? Маленький извращенец.

Видео он скинул себе, после чего раз и навсегда удалил его с компа.

Также он нашел за батареей еще и дневник. Вот тут он уже изощренной запрятал вищичку.

Это уже интересно. Что там может быть такого? И пролистав несколько страниц, он понял, что интересного очень много. Это были записи его прошлого. Еще со школы. Тут все-все. И про Родиона он тоже не забыл, Кирилл бы сказал даже, что он выделил особое место ему здесь.

— Не знал, что ты и на такое способен. Я теперь не кажусь себе таким уж монстром, — на его лице была безумная улыбка.

— Я определенно сорвал джекпот.

Он быстро сообразил, что он может этим шантажировать обоих. Кто умеет ждать, тот...

Несколько дней он думал, как лучше поступить, и решил, что больше нет смысла осторожничать, Здравый теперь ничего не сможет сделать и это его заслуга.

Еще недавно он довольствовался малым. Даже навестил Ксюшу. Ходил за ней весь день, пока она шаталась по магазинам в гордом одиночестве, а потом не выдержал и, подойдя к ней на улице, спросил:

— Помнишь меня? — улыбнулся, наклонив голову вбок.

Нужно было видеть ее лицо. Вся побледнела и застыла на месте. Было прекрасное ощущение того, что это он вверг ее в такой ужас. Он знал, что она вряд ли что-то расскажет своему мужу, и это добавляло удовольствия от происходящего.

Кирилл хорошо потрудился и не намерен отступать. Хотелось скорее пустить в ход этот задрипанный дневничок и отомстить всем, кто был жесток с ним.

День был долгий. Все мышцы в теле напряжены, а горячая ванна не сильно помогает. Хотя Максим не жалуется. Он даже не помнит, когда в последний раз пытался немного расслабиться.

Каждый день он просыпается очень рано и приходит домой очень поздно. Иногда ему кажется, что он уже не помнит, зачем все это делает. Но появляется отец, и все поступки вновь приобретают смысл. Словно назло ему, Максим каждый день пашет без продыху.

Никогда не хотел работать там.

И дело было не в самой работе. Он считал, что было здорово унаследовать компанию своего отца, но еще в далеком детстве потерял к нему всякое уважение. Если бы он не привел тогда в их дом ту женщину и не стал обманывать маму, все было бы иначе.

Но не теперь.

Ему приходится жить с этим знанием и корить отца за это. За то, что не может порой уснуть нормально даже после тяжелого рабочего дня, за то, что при встрече с матерью не может смотреть ей в глаза, не испытывая при этом стыда за несказанное.

— И во всем этом виноват ты! — выкрикнул Максим в пустоту, лежа в ванной.

Мне ужасно надоели наши ссоры, тебе тоже, но ты не перестаешь меня мучить.

Каждый раз он унижает Максима и просит вернуться домой. По его мнению, наследник компании должен не ерундой заниматься, а готовиться к принятию наследия.

Ненавижу твою компанию, ненавижу тебя, как ты не понимаешь? Пусть она сгорит вместе с тобой, и тогда я успокоюсь.

Максим думал, что никто даже не представляет, как ему надоело врать всем вокруг. Он уже достаточно совершил ошибок, чтобы чувствовать тяжесть вины за каждую из них. Сильно сжав бортики ванной руками, закрыл глаза. Когда же он сможет навсегда избавиться

от этих образов, облепивших его со всех сторон? Он задыхается, и ничего не может с этим сделать.

Сегодня по дороге на работу он видел брата Родьки возле парка с его женой. Сразу стало понятно, что они ссорятся. Они стояли очень близко, и Андрей шипел в ее лицо от ненависти, крепко держа за предплечье и периодически вздергивая ее. Они, казалось, не замечали ничего вокруг, даже стоящую рядом дочь, обливающуюся слезами. Потом Ксюша обратила на нее внимание и тоже начала плакать. Андрей после этого, конечно же, принялся их утешать. Максим видел, какое замешательство было у него на лице. Он не знал, что делать. В споре Андрей явно считал себя более правым, но теперь выглядел просто раскаивающимся мужем и отцом. Все так быстро поменялось.

Забавно.

Что могут сделать простые женские слезы. Максим помнил, как в детстве Андрея несправедливо обидела девочка и как он его потом утешал. Они сидели на бордюре во дворе, и он не мог оторвать взгляд от его ободранных коленок. Он ведь тогда обещал Воронову, что этого больше не повторится, и он не позволит женщинам так крутить собой. Но что Максим видел сейчас?

Ты выбрал не ту и давно об этом думаешь. Но, как и все, ничего с этим не делаешь.

Год назад при их последней встрече Макс это понял. Андрею было так неловко смотреть ему в глаза.

Ты все понимал.

— Все такой же наивный ребенок, — Максим невесело усмехается, — проспорил.

Вылезает из ванны и пытается вспомнить оставлял ли на балконе заначку. Его настигли не лучшие времена, а горячая ванна явно усугубляла положение, вываливая все воспоминания наружу.

Как давно я уже не курил? Месяцев пять?

Вру. После того, как узнал о ее беременности, срывы стали частыми.

Одевается и выходит на балкон. Шарит рукой и находит пачку. Осталось две.

— Пора нам с тобой Родик заканчивать эту бессмысленную борьбу, — Максим смотрел на крыши домов и мерцающие звезды, которые не увидишь, пока не погаснут все фонари, — интересно, кто из нас первый сорвался?

На улице неприятно дует холодом, но он не спешит расставаться с сигаретой. Дело явно плохо, но ощущение вяжущего дыма в легких приносит долгожданный покой. Простое избавление от стресса погубит его здоровье, но ничего лучше он еще просто не придумал. Осталась одна.

Зазвонил телефон.

— Алло?

— Сынок, здравствуй. Как твои дела?

— У меня все хорошо, — не безо лжи сказал Максим. Он даже попытался улыбнуться, будто она могла это увидеть.

— Отец все переживает о тебе. Когда ты вернешься в компанию?

— Я там ничего не забывал, чтобы возвращаться.

— Максим! Не будь упрямым, ты же знаешь, что ему больше не на кого надеяться, кроме тебя. Ты мог бы проявить уважение к нему, он столько для нас делает.

Максим резко помрачнел и, потушив окурок, со злостью бросил его за пределы балкона.

— Благодарности! Уважения! Да побольше! Он ведь только этим и живет?! Я не

выбирал в какой семье родиться и не просил решать за меня мое же будущее.

— Ты не прав. Он дал тебе жизнь, ты ни в чем не нуждался. Образование, даже место в его компании, чтобы ты и дальше ни в чем не нуждался.

— И без его разрешения и шага не мог ступить, да?

— Максим!

— Если мне кажется, что я кому-то в чем-то помогаю, это не значит, что я потом дождусь благодарностей, — Максим раздраженно взглянул на пачку сигарет, где лежал последний резерв, — не вся помощь на благо.

— Ты должен понять его, а не злиться и видеть только плохое. Не понимаю твоего отношения, он же твой отец.

— Так, ладно, я ответил на звонок, чтобы услышать твой голос, а не говорить об отце.

— Ладно.

После разговора Максим вспомнил, что ради одной девушки тоже много чего делал.

— А я говорю тебе, что воняет! Прошло сколько? Неделя? Две? А мне все еще мерещится этот запах!

— О чем ты? Он даже пахнуть не начал.

Две старушки стояли на первом этаже у лифта с полными сумками продуктов.

Та старушка, что была одета в голубой теплый спортивный костюм и с тележкой, ступала и только открывала рот, не зная, что ей теперь сказать.

— Да, но... но... запах же есть! Я его чувствую. Какой-то тухлятины, — она рьяно защищала свою сторону, — махала ладонью перед своим лицом, — это тебе на старости лет все обоняние отшибло, не мне. Я все чувствую.

— Лада, брось! Что за ерунду ты несешь? — другая женщина была помоложе, и Родион узнал в ней жену главного вонючего рыбака в этом подъезде, все куталась в вязаную собственными руками кофту, — ладно некогда мне тут с тобой говорить.

Лифт распахнулся, и она вошла в него.

— Заходи на чай что ли, как время будет.

— Ага, где ж оно тут будет. Опять всю квартиру перемывать. На первом этаже все чувствуется лучше, не то, что на вашем, элитном.

Родион хмыкнул. Если уж она называет их квартиры элитными, потому что находятся выше ее, то чего Родиону жаловаться тогда.

Но запах и правда чувствовался. Немного. Не то чтобы тухлятины, просто воняло чем-то сгнившим.

Наверное, опять крыса сдохла где-то, и все. Или сосед-рыболов где-то по дороге до квартиры улов потерял.

Домой Родион шел со спокойным сердцем, пока не увидел аварию на пересечении двух улиц, на одной из которых он проживал. Были сумерки, накрапывал дождь, но тяжелый дым забивал легкие. Две машины лежали раскуроченные посреди дороги и уже не были похожи ни на что. Была суматоха, слишком много людей, вдруг уже никто никуда не спешит. Всем очень интересно посмотреть, во что превратились машины и люди после столкновения. Стало понятно, что были погибшие. Голова начала кружиться, и Здравый стал кашлять. Слишком сильно вдохнул этого дыма. Все вокруг было наполнено беспокойством и ужасной печалью.

Отлично. Вокруг меня и моего дома одни несчастья! Жду упавший метеорит прямо в нашем дворе.

Он постарался быстрее убраться от этого места. Родион тоже замешкался на пешеходном переходе. Поднял голову вверх, чтобы вдохнуть, и тяжелая капля дождя, как пощечина, опустилась на его щеку. Дождь усиливался и, придя в себя, он поспешил домой, желая оказаться как можно дальше от этого места.

Как же дальше?

Он только радовался, что окна его квартиры выходят не на улицу, а во двор.

Уж лучше тот скрипун на качелях по ночам, чем это зрелище.

Теперь постоянно буду думать, что все плохое, что происходит в моей жизни, твоих рук дело! Специально, чтобы я мучился!

Родион весь дрожал от холода, подходя к своему подъезду. Его дорогая обувь противно чавкала. Фонарь опять не горел (кто-то постоянно разбивает лампочки), но он все же смог разглядеть фигуру человека, стоявшего под козырьком. Здрaвый сначала испугался, но это чувство быстро сменилось злостью, придав решимости.

Да как ты смеешь тут появляться?!

Но приблизившись, он различил в стоявшей фигуре своего друга. Он прищурился. Ему просто не верилось. Слегка приоткрыв рот, его зубы вдруг начали громко стучать друг о друга. Даже в темноте он видел, как Максим улыбался ему. Он подошел к нему ближе, прячась от дождя, и тоже улыбнулся.

— Ты что, плачешь? — его голос был звонким. Родиону показалось, что Максим был в замешательстве от его состояния. Здрaвый уже по привычке хотел взять себя в руки, но от усталости еще больше расплакался.

Он не сразу понял, что его лицо было мокрым не только от дождя. Родион подошел еще ближе и уперся лбом ему в плечо, мелко содрогаясь и всхлипывая.

— Ты чего? — Максим обнял его.

— Я так давно тебя не видел, — Родион слегка ударил его в бок.

— Ау, — шутливо воскликнул Макс, — ты что, из-за этого так расчувствовался?

Здрaвый отодвинулся от него и пригрозил кулаком.

— Ладно, ладно.

Родион стоял и улыбался как ребенок.

В этот момент он подумал о том, что все сбылось. Его глупые мысли, что Максим придет, стоит ему наладить отношения с братом. Он был рад этому. В его присутствии все казалось таким незначительным. Все проблемы уже не казались проблемами. На грудь больше ничего не давило.

Максим просто не дал ему шанса все как следует обдумать, пришел и все выложил. Он все никак не мог уловить его эмоции. Может, это потому что все это время они пили, и при малейшем движении Воронова кидало, и перед глазами все плыло, и он пытался фокусировать взгляд на одной точке. Поэтому они сидели на полу, облокотившись спиной о диван, а рядом на полу в легкой доступности расположилась провизия.

Его начал одолевать стыд. Трудно было признаться в том, что случилось с его девушкой.

— Понимаешь? Я не хотел этого. Никогда не считал ее своей будущей женой и уж тем более не ждал от нее ребенка! — Максим вздохнул и уже тише добавил, — нашего общего ребенка.

Воронов все не решался посмотреть на друга. Он не хотел видеть в них отвращения или разочарования. Он просто хотел, чтобы его кто-то понял.

— Мы ведь обещали друг другу, что таких ситуаций у нас не произойдет, что нам не придется мучиться.

А теперь он невольно нарушил все обещания и оказался в такой ситуации. Теперь Максим был связан с девушкой, к которой теперь испытывал негативные чувства, и не понимал что делать, чтобы избавиться от нее. Он не хотел заводить с ней семью. И не хотел этого ребенка.

— Знаешь, никогда не замечал за тобой такой неприязни к детям, да и ее ты вроде как любил. По крайней мере, ты говорил мне об этом.

— Я? Когда? — Максим смутно помнил подобные разговоры и не верил, что мог такое вслух произнести.

— Забудь, — Родион махнул на него рукой, а потом замолчал. Они сидели так пару минут, пока он вновь не заговорил.

— Ты ведь помнишь, как мы с братом жили. Мать всегда упрекала нас в плохом поведении и говорила, что это из-за того, что у нас нет отца, и сама она с двумя болванами не справляется, — Родион подтянул ноги к груди и сжался.

— Правда Андрей быстро встал на путь истинный. Молодец, — пробубнил Здравый и сжал губы.

— Ты чего?

— Да ничего! Сам же знаешь! Да и у тебя детство было не лучше. Я же видел! Сколько ты сам страдал из-за отца и как, прошло?

Максим теперь смотрел неотрывно на своего друга.

Лицо его было бледным, если не считать покрасневших щек от пива, осунувшимся, он будто не спал неделю. Воронов вновь почувствовал стыд за то, что рассказал ему все. Он ведь знает, какой Родион восприимчивый, как сильно он переживает все новости из внешнего мира. Ему всегда все тяжело давалось.

— Нет. Я его ненавижу. За то, что отравил нашу семью. За то, что я видел мамины слезы. За то, что он заставил его ненавидеть!

Родион закидывает голову вверх и протягивает:

— Что собираешься делать с ребенком? — так тихо, что Макс еле расслышал.

— Эмм... Я не знаю, честно. Я не думал, что окажусь когда-нибудь в подобной ситуации. Мне все это не нравится, — он пока не стал говорить ему, что у него уже была мысль относительно этой проблемы, — Родь, а ты сам чувствовал, что тебе не хватает отца?

— Нет. Я ведь его и не помню в своей жизни. Так что я и не знаю, какого это — иметь отца. У тебя он хотя бы был.

— По мне уж лучше никакого, чем такой.

— Может ты и прав, — Здравый сделал глоток пива, — Теперь понятно, зачем ты приходил ко мне и стоял под дверью. Знаешь, это даже мои соседи заметили, подумали, что ты странный тип, — тихий смех.

— Да я всего пару раз так делал! Гребаные многоэтажки! — он замолчал и допил свою бутылку, — Думаю, они правы.

— Помнишь, когда мы только познакомились и еще не были друзьями, я тогда был так зол на твоего отца и тебя, — Максим кивнул. Конечно, он помнил. Он тогда еще уважал своего отца.

— Я тогда обидел Андрея (почувствовал тогда, что старше его), и он убежал. Я долго его искал, а когда нашел, то ты был рядом с ним. Сидел на тротуаре возле подъезда и успокаивал. Я приревновал его к тебе. Его братом был я, но успокаивал его тот, к кому я испытывал не лучшие чувства. Но я не решился подойти к вам, обиделся на него. Андрей ведь нашел утешение в тебе, а когда через время я спросил его о той ситуации, он ничего мне не ответил, — Родион вдруг стал говорить чуть быстрее, — в общем, ты не мог бы рассказать, что тогда произошло?

Ему показалось, что он о чем-то жалеет и пытается одной этой тайной восполнить многолетнее недопонимание с братом, которого, казалось, никогда и не было.

Я... я не... — в общем-то, это не было секретом, тем более что он проиграл так же, как Максим. Поэтому он решил рассказать, — он тогда что-то не поделил с какой-то незнакомой девчонкой, и она его ударила так, что он упал и ободрал себе колени, — Воронов дотянулся до новой бутылки пива, — он решил не оставаться в долгу и ответил ей тем же. И очень некстати это увидела ее мама и налетела на него, взяла за ворот и стала трясти его и кричать. Он тогда убежал и наткнулся на меня. Я был больше него и он, наверное, подумал, что я старше. Я его выслушал, и он дал мне обещание. Почти такое же, как мы с тобой. Вот и все. Но как я понимаю, у него тоже с этим не задалось. Неудачники мы с ним.

Максим хотел снова провалиться в беспамятство, чтобы потом забыть то, что сказал ему. Все эти темы были ему неприятны. Но он надеялся, что ему обязательно после всего станет легче. Он хотел верить в то, что его исповедь другу была не напрасна.

Не понимаю, зачем столько времени избегал общения с ним.

Максим Воронов привык нести все в себе, и не хотел делиться всем, что накопилось даже с ним. Но отныне это не так. Мелко вздрогнув от вибрации в кармане, Макс аккуратно достает телефон.

Отец.

Нет, он больше не хочет говорить с ним. Он устал его бояться и больше не хочет иметь ничего общего с ним.

Хочу жить своей жизнью.

Максим надеется, что через время отец прекратит эти попытки, и он сможет, наконец, заново собрать свою жизнь по крупицам.

Ему не нужен такой сын.

Он смотрит на Родиона и вдруг понимает, что такой сын, как он, и нужен его отцу и им бы он гордился больше. Родион хочет, чтобы им гордились и ищет одобрения ото всех, а с помощью такого папаши дела бы его пошли в гору, даже если бы он не сильно разбирался в должности по началу.

После горячего душа волосы были еще мокрые, поэтому Родион опускает руку на голову и приглаживает пряди. Ему трудно начать. Потому что если начнет, еще труднее будет остановиться. Отчего-то становится горько во рту.

Как же давно мы друг с другом не разговаривали.

Он ведь поделился с тобой, теперь твоя очередь. Вперед.

Ему было спокойно от того, что он в квартире не один. И он чувствует себя в безопасности хотя бы сегодня.

Наконец, и Родион решился.

— Мы же пообещали друг другу все рассказывать, — он повернулся в сторону Макса, и тот кивнул.

— У меня проблемы на работе. Из-за рассеянности начальство мной очень недоволено. Косяков все больше. Я рискую своим местом в угоду своей нервозности.

Родион потянулся за новой бутылкой, но передумал.

— Только пытаюсь это решить, как Андрей с его женой обвиняют меня в нежелании провести время со своей племянницей, — голос у него был убитый. Он откровенно жаловался и от понимания своей жалости почувствовал стыд.

— А еще за мной теперь следит какой-то сумасшедший чувак, прикинь?

— Чего? — Максим как-то нервно и с недоверием покосился в сторону Здравого.

— Это так. Сначала я подумал, что это просто прикол, ну, знаешь, от нечего делать, как это бывало у нас, — Родион устало вздохнул, — а теперь я понял, что все серьезно.

— И как ты это понял?

— Очевидно он знает обо мне достаточно, чтобы лишиться всего, что у меня есть.

— Даже если то, что у тебя есть — неправда?

Родион нервно хихикнул.

— Даже если так, — Здравому вдруг стало смешно, — Поддержал, блин.

Макс придвинулся к нему ближе и несильно пихнул его своим плечом. Родион рассмеялся громче.

— Вспомни Лео в фильме «Если ничего нет, то и терять нечего». Не грузись. Если позволишь ему что-то рассказать о тебе, то ему это покажется не таким уж интересным, и он сам отвалит от тебя.

— А если нет? Знаешь, я ведь хотел обратиться в полицию, но не смог. Я ведь вижу, что даже то, что он мне пишет — это вовсе не доказательства. И с этим на меня посмотрят, как на придурка, который не может справиться со своими проблемами сам.

— Может ты и прав.

В детстве они никогда так не осторожничали. Их знакомство вообще закончилось для Родиона вывихом правой руки. Не без помощи его отца, который сбил его на своем дорогом автомобиле во дворе. Он тогда накричал на Здравого за то, что под колеса полез. А его маленький сын показательно высунул язык. В то время он не хотел ни в чем отставать от своего отца, поэтому, узнав Родион в школе, решил это подкрепить. Но после той драки в коридоре все пошло по другому пути. Они начали дружить.

Даже не помню, чтобы мы когда-то ссорились. А что сейчас происходит? Неужели это и есть та самая «взрослая жизнь»? Потерявшая все краски мира и доверия к самым близким людям?

Я мечтаю вернуться в детство без проблем. А Илья уже ни о чем не мечтает.

Когда же он подошел к самой неприятной новости о соседе, лицо Максима приобрело непонятное ему выражение. Он будто напрягся всем телом.

— Давай не будем о нем говорить. Как тогда он мне был неприятен, так и сейчас ничего не изменилось, — он отвернулся от Родиона и стал смотреть на выключенный телевизор перед собой. Он больше не чувствовал его плеча рядом. Максим в раз закрылся от него, и больше они не поднимали эту тему. Но Здравый все еще чувствовал, что сам не высказался. Оставшийся вечер они смотрели телевизор и изредка тихо комментировали происходящее на экране. Максим с Ильей тогда, так нормально и не познакомившись, уже ненавидели друг друга. Лично Родион винил в этом только их родителей. Теперь он жалел о том, что

загнул эту тему. Зачем вообще сказал об этом, ведь знал, что он этого не любит. Да и мало, кто вообще хотел вспоминать о том, что было. Утром Максим ушел от него на работу.

Родион помнил, как был в школьной библиотеке. Он тогда сидел на полу между небольшими стеллажами, которых к тому же было еще и мало, но он был доволен и таким уединением. Не то чтобы ему было дело до чтения, он просто отдыхал здесь. Библиотекарша наверняка уже и забыла о нем. Это было после той скандальной вечеринки. Теперь у всякого в школе можно было на телефоне обнаружить то самое фото. Он тоже его видел и поэтому захотел быть подальше от всего этого. Ему было жаль его, но утешать кого-то он не собирался.

Было тихо, пока туда не зашли две ученицы. Они подошли к тому же стеллажу, где сидел Родион, но с другой стороны. Он сразу затаил дыхание и замер. Их было двое. И голоса совсем незнакомые, либо 9 либо 11 классы.

— Ты видела, да? Это просто ужас. Он ведь и ко мне клеился когда-то.

— Хорошо, что не согласилась, — вставила вторая и тихо захихикала.

Мне стало противно. Они между тем продолжали свой неторопливый разговор, будто библиотека подходящее место для этого.

— Мне даже жаль его, кто теперь с ним «таким», — через проплешины в книгах было видно, как она вытянула мизинец на своей тонкой и бледной руке, — будет встречаться. Какая досада.

Обе хмыкнули. Здравый не выдержал и специально толкнул в их сторону книгу, и она упала им под ноги, от чего они вздрогнули и поспешили уйти. Его лицо горело. Казалось, что они задели не его, а самого Здравого. Он никак не мог понять, почему его это волнует, все-таки речь шла о другом человеке. Это вообще было не его дело. Но их разговор никак не давал Родиону покоя. Можно назвать это мужской солидарностью, но он тогда решил серьезно поговорить со своей матерью. Пора бы уже и воспользоваться своим положением сына директрисы школы. Но он глубоко об этом пожалел, стоило только открыть рот.

— Тебя это не касается! И нечего шататься в мой кабинет без причины.

— Но мам...

— Замолчи! — она проговорила это уже тише, но очень отчетливо, наклонившись ко мне, — разве он не сам виноват? Вместо того, чтобы шататься по вашим вечеринкам, лучше бы подумал об учебе. Ты не забыл, что у вас выпускной в следующем году? Никому не нужны эти скандалы с фотографиями. Ты хоть представляешь, сколько раз уже ко мне приходила его бабушка? Будто мне делать больше нечего, — она стала расхаживать по кабинету и перекладывать вещи с места на место, даже успела полить цветок на столе.

Эта женщина никого не уважала. Единственный раз, когда он видел ее покорность, это когда они поехали на дачу к бабушке, к которой его мать обращалась на Вы.

— При чем здесь вечеринка? Тебя разве не волнует, кто это с ним сделал? Я ведь уже говорил тебе, что это она и...

— Сейчас же перестань! Молчи. Ничего не хочу знать. У нее в отличие от твоего дружка приличная репутация, и не смей ее очернять. Я тебя разве этому учила? Ты должен защищать девочек, а не петься об этом оболтусе. Тоже мне защитник. Он что, сам не может о себе позаботиться? — Родион стоял посередине ее кабинета и не мог пошевелиться. В подобных ситуациях его тело всегда парализовало. Он не мог поверить, что женщина, стоявшая перед ним — его мать.

Да, сейчас она определенно не моя мама. И даже не директор.

Она его не слушала, когда Родион пытался обратиться к ней со всей своей искренностью, преодолев равнодушие к другим людям и их проблемам. Он хотел помочь. Каждый нуждается в защите.

Хоть Родион уже успел почувствовать укол стыда за произошедшее, злость и обида так и не отпускали.

Защищать девочек? Так ли нужна им эта защита?

Он прекрасно помнил, как ходил со сломанным ребром и ноющим телом с множеством синяков, когда пытался защитить свою первую девушку. Она его тогда бросила, сказав, что ожидала от него более достойных действий и ей не нужен тот, кто не сможет ее защитить. На минуточку, как только его стали избивать, она тут же дала деру, не попытавшись даже позвать на помощь. Он тогда часто вспоминал слова своей обожаемой мамочки. Общество не сильно волнуется, когда к мужчине применяют физическую силу и всячески оскорбляют его. У Здравого не возникало вопросов, почему отец ушел от нее. И как только брат ее терпел? Его всегда так заботило ее мнение и, вдохновленный ее речами, он начинал указывать Родиону. Теперь он только и делает, что звонит ему без конца с просьбами.

Родион ушел из ее кабинета, тихо прикрыв за собой дверь. После этого он еще долго с ней не разговаривал. И это был яркий пример того, как сильно они далеки друг от друга. Тогда-то он и почувствовал пропасть между ними. Возможно, это и стало его последней каплей, и он захотел уйти из дома. Хотя нет, довело его то, что мать решила за него, где он будет учиться и работать. Он тогда думал, что не может пойти против нее, потому что это было за ее счет. Но как только он понял, что с учебой не ладится, тут же нашел подработку грузчиком и по окончании учебы все же переехал.

Но и тогда неудачи не обошли его стороной, проблемы с работой были еще хуже, казалось, что все, что он пытался учить в университете, просто ускользало из его головы, когда дело касалось практики, и тогда он стал уверен в том, что ему не дано работать в банковской сфере. Ему это не нравилось, но и найти работу престижнее с его заурядными мозгами было непросто. Даже если не хотелось потом выглядеть неудачником на фоне остальных преуспевающих вокруг.

Так было всегда.

Однажды на зимние каникулы они поехали к бабушке в деревню, и Родион решил покататься по льду на санках. Он нацепил на себя все, что только было у него из одежды, и потащил санки на небольшое озеро в полукилометре от дома бабушки. Один. Он думал, что мог позволить себе такое в его тринадцать лет, и ничего плохого все равно не случится. Но Родион никак не ожидал, что лед окажется таким хрупким, и стоило ему только недалеко откатиться от берега, как лед захрустел под ним, и он оказался полностью в воде в тяжелой одежде. Было неудобно двигаться, еще и так холодно. Паника захлестывала его, пока он не понял, что находится совсем недалеко от берега, и тогда смог выбраться из воды. Со злости на себя он бросил там свои санки и побрел домой под грузом мокрой и теперь такой холодной одежды. И, конечно же, не обошлось без сильнейшей простуды, какая у него только была.

Несколько дней было тихо, и можно было бы подумать, что все наладилось. Проблема решилась сама собой, как Родион того и хотел. Хоть на работе и было все по-прежнему, он так и не мог отделаться от чувства, что на него вечно кто-то смотрит, и периодически чесал

свой затылок. От этого он был рассеянным и допускал ошибки. Он стал ездить на маршрутке на работу и обратно домой. Он верил, что это помогает. Хотя недавно и потерял там свою кофту, которую, конечно же, никто не вернул на следующий день.

Может я ее на работе где-то оставил?

Вечно что-нибудь да не так будет!

Тяжело поднимаясь по ступеням до своей квартиры, бесился Родион. Он очень устал и вспотел.

Теперь он не переживал, что случайно встретится с Марией Ивановной, поджидающей его возле двери. После его выходки она перестала искать встречи с ним. И тут он вспомнил, что один ее контейнер для еды так и лежит у него.

Черт. И что делать? Может в почтовый ящик положить? Нет.

Думаю, она теперь и сама не захочет его возвращать обратно.

Но и мне он теперь незачем.

Вздыхает. В подъезде пахнет очередной хорошо пройденной рыбалкой, и запах лучше, чем в их лифте, в который он теперь не зайдет ни под каким предлогом.

В тишине квартиры отчетливо слышно, как шумят соседи сверху, и Родион тут же весь покрылся мурашками. Ему все еще кажется, что в этом доме кто-то только и ждет, чтобы напасть на него. Вот же глупость. Это была случайность, и никакого убийцы нет, но ожидаемо покоя эта уверенность не приносит. Теперь его квартира кажется не более надежной, чем улица.

Долго отмокая в ванне и слыша крики сверху, он пытался вновь возвести вокруг себя более надежные стены. Просто чтобы быть уверенным, что если он заснет, никто не попытается его убить, и Родион вновь проснется утром.

А мне есть еще ради чего просыпаться?

Наутро настроения не прибавилось, но было спокойно. Когда он выходил из дома, что-то помешало ему открыть дверь. На пороге его квартиры лежал странный сверток из газет.

— Что такое?

Он его легонько пнул. Он был мягким.

Если это опять очередные угрозы от тех ублюдков, пытающихся выбить долг с меня по ошибке, я убью этого долбаного хрена сверху.

Наклонившись и подобрав сверток, он стал раздраженно разрывать упаковку. Глаза его расширились от ужаса. Кофта. Его серая кофта.

Что она здесь делает?

Он резко обернулся на дверь своего надоеды-соседа и сверкнул раздраженным взглядом.

— Думаешь, это смешно? — он уже хотел подойти и как следует ударить по двери, но передумал.

Стоп. А если это не он? То кто?

Он все же вспомнил, что достал ее из сумки именно в маршрутке и оставил лежать на сидении, когда выходил. Но соседа там точно не было.

Так ведь? Я не помню. Не помню.

Там ведь и девушки сидели, откуда мне знать, что это не одна из них. Но зачем это вообще кому-то нужно?

Это должен быть какой-то знакомый.

А если это все же бывшая?

Но от нее давно ничего не слышно, прямо, как и от Марины.

Он устало вздохнул.

— Все такие обидчивые стали. Что не скажи, я виноват, — засунул кофту к себе в сумку и спустился вниз.

Возле выхода его встретила Зинаида-повелительница котов. Она как раз кормила своих ненаглядных со всей округи, когда заметила его. Больная мысль о том, что не успел он избавиться от одной надоедливой старушки, как успел нарваться еще на одну.

Давно же мы не виделись.

Он уже понадеялся, что это навсегда. Главное рядом с ней — не терять лицо. Здравый на мгновение отвернулся от нее и закатил глаза, как наткнулся на приклеенное объявление. На стенке висела бумажка, предлагающая услуги психолога.

Да вы издеваетесь? Не нужна мне эта чушь. У меня все в порядке!

— Здравствуй Родион, — тон ее был далек от доброжелательного, а вечно поджатые иссохшие губы не внушали доверия, — на работу собираешься?

— Как видите, — он удивился, что она первая с ним заговорила. Не к добру это.

— Это твой друг приходил к тебе, да? Я видела, — она еще сильнее сжала свои губы.

— Приходил и что? Меня не было дома, вот он и ушел, что-то не так? — не зная, зачем вдруг стал его так защищать, ведь он сам только узнал о том, что Макс приходил в тот день, хотя знал, что Родион работает. Это было совпадение, и вообще, все уже поняли, что Илья был болен и сам пострадал из-за этого.

— Не люблю, когда кто-то незнакомый шастает по подъезду.

— А если не нравится, тогда нужно было соглашаться и скидываться на домофон, а не упорствовать, как вы.

— Думаешь, тут многие могут себе это позволить? Ты самый молодой здесь.

— И что теперь? Может, еще хотите, чтобы я за всех здесь заплатил?

— А что? Ты каждый день выпячиваешь это так, будто можешь позволить себе купить весь этот дом. Или не так? Делаешь вид, что такой весь важный, а на самом деле что?

— Это не вашего ума дело. Из-за вашего упорства теперь в подъезде воняет. Видно одна из ваших кошек окочурилась где-то, а другим теперь страдать.

Родион разошелся и сказал явно лишнего, но сейчас он мог думать только о том, как бы сорвать в честной битве хоть одну пуговицу с ее аккуратной одежды, пропахшей старостью.

Вот это было бы зрелище.

Везде-то она все видит.

Уверен, она следит за нами всеми из кого-нибудь старого антикварного бинокля.

Здравый просто развернулся и пошел на остановку, жалея, что теперь у него нет тачки, в которую он бы мог сейчас сесть и хлопнуть дверью перед носом этой назойливой старой женщины.

В маршрутке он первым делом оглядел всех присутствующих и понял, что может быть спокоен.

Весь день на работе Родион не мог сконцентрироваться, и все время отгонял ненужные мысли и подозрения. Ему несколько раз сделали замечание, чтобы не отвлекался. Из-за последних переживаний он стал совсем нервный. Плохо спал и почти ничего не ел. В зеркале Здравый теперь видел только угасающее лицо, словно его одолевала неизлечимая болезнь. Некогда блестящие каштановые волосы поблекли, как бы он их не укладывал, а болезненные глаза стали еще больше на фоне похудевшего лица. Он перестал себе нравиться

и думал, что еще немного и его будет не отличить от внука Марии Ивановны. От этой мысли его передернуло, словно эти мысли могут сбыться, и совсем скоро он закончит свою жизнь так же, как и он.

Я ведь к этому и иду, правда?

Как давно я уже ничего не выкладывал? Может, все уже думают, что я умер?

На обеде он сидел в компании других рабочих. Серега так больше к нему и не обращался. Работали в тишине и большую часть порознь. Да и сам Родион не трогал его, даже старался не портить свою униформу, чтобы лишний раз не обращаться в кладовую. В кармане завибрировал телефон.

— Опять. Кто на этот раз?

С утра его уже пытался достать брат. Но Родион не отвечал. Пусть не думает, что он снова все бросит и кинется ему помогать.

Своих проблем и так хватает.

Но другой голос в голове осадил его.

То есть ты думаешь, что добившись общения с другом, теперь и про брата можно забыть? Вы ведь хорошо пообщались.

— И что? — сказал тихо Родион.

Он достал телефон и лениво взглянул на дисплей. Ксюша.

Ну да, понятно. Она сначала ему сказала позвонить мне, но план провалился. Видимс сама решила за меня взяться.

— Да?

— У тебя же сейчас обед? Выйди, поговорить надо, — и отключилась.

Родион поморщился от такого обращения к себе.

Она просто так звонит и приказывает мне, ну надо же.

В нем плескалось раздражение, когда выходил за забор. Сейчас из-за обеда на территории было тихо и достаточно безопасно, но Родион так и хотел, чтобы кто-то из рабочих «случайно» задел эту дуру по голове чем-то тяжелым.

Ксюша стояла возле входа покосившегося забора и переминалась с ноги на ногу. Она все так же вычурно одевалась. По ней и не скажешь, что у нее есть ребенок. Хотя какая она мать? Весь ее образ и состояние говорит о том, что она свободная женщина, которая никому ничего не должна. Она заметила подошедшего Родиона, и оглядела его, от чего ему стало неуютно. Сейчас он чувствовал себя очень неуверенно, стоя возле такой красотки.

— Ну, что хотела? — он встал в метре от нее.

— Несколько дней назад я видела, как вы с Андреем сидели в сквере после работы.

Все-таки видела.

— И что с того? — Родион сунул руки в карманы рабочего комбинезона и стал раскачиваться взад вперед.

— О чем вы говорили? — она была нервная, и он никак не мог понять, что ей нужно.

— Нам уже поговорить нельзя. Это все-таки мой брат.

— И мой муж.

— Это не дает тебе права лезть во все его дела. Но если тебе полегчает, то ничего странного мы не обсуждали.

— Нет. Что ты ему сказал? Он теперь ведет себя странно. Что, опять пытался опустить меня в его глазах? — она сложила руки, — ну, давай, говори, это так? Что ты сказал?

— Да что тебе надо от меня? Ничего я ему про тебя не говорил. Что за истерика... —

тут Родион задумался, — а что, есть чего бояться?

— Что ты ему сказал?

— Ничего того, о чем бы ему не следовало знать, — он не знал, что такого должен был знать про нее, чтобы она начала так нервничать, но хотел немного поиздеваться.

— И что это значит?

— Еще раз повторю, не все, о чем мы с ним говорим, тебя касается, понятно? — Здрaвый повернулся и собрался уходить, но она схватила его за локоть. Его передернуло, и он тут же выдернул свою руку.

— Что еще?!

Она прищурилась и стала внимательно смотреть в его глаза.

Пытается понять известно ли мне что-то?

Видимо, поняв что-то для себя, она выдохнула и снова состроила надменное выражение лица.

— Мне нужно, чтобы ты на выходных посидел с Алисой. Андрей опять поедет на работу, а мне нужно отлучиться по делам.

От удивления брови Родиона поползли вверх. Вот как? И эта женщина стала женой его брата.

— Я не могу. У меня на этой неделе много работы, а в выходные я хотел отдохнуть, — он снова попытался уйти, намекая, что разговор окончен.

— Что, не хватит времени на свою племянницу? Что ты будешь делать на выходных один? — сказано было с явной издевкой. Здрaвый не выдержал и подлетел к ней, и их лица оказались непозволительно близко друг к другу.

Он зашипел ей в лицо:

— Ну, конечно, куда мне до тебя? Когда Андрея нет рядом, ты тоже не скучаешь одна, — ее лицо изменилось. Ксюша не ожидала, что он будет так резок, еще больше не ожидала услышать такое от него, — твои подружки и подождать не могут? А если хочется отделаться от собственного ребенка, которого ты и так редко видишь, то проси об этом вашу соседку сверху.

Родион знал от брата, что они с ней сейчас не в очень хороших отношениях, поэтому и сказал ей об этом, пытаясь загнать в угол.

— Что... что ты несешь?! Все! — Она выставила вперед ладонь и отвернулась, — то, что ты не можешь посидеть с Алисой, Андрею расскажешь, мне пора.

Она спешно удалилась, не став его больше уговаривать. Бежала. Позорно.

Родион вернулся на свое рабочее место. В итоге он так и не согласился посидеть в выходные с Алиской и прислал ей об этом дополнительное сообщение. У нее родители есть, так что пусть думают, что хотят.

Задумался немного и открыл переписку со своей девушкой. Так ничего и не написала.

Стоит ли мне первому что-то писать?

Если еще есть смысл. Но мы же все еще встречаемся. Мы сейчас нужны друг другу.

После работы зайдя в квартиру, Родион по привычке проверил, надежно ли закрыта дверь, прошелся по всем комнатам и включил везде свет. Он стал параноиком, и его это уже почти перестало беспокоить. Хоть Здрaвый и понимал, что это не поможет, но свет действовал на его нервную систему успокаивающе, словно бы защищал его от всего. Родион даже смог поужинать, и желудок положительно на это отреагировал. Лег на продавленный матрас, и боль в пояснице вновь дала о себе знать. Иногда он думал, что жалкий неудачник,

который даже не пробовал бороться за свою счастливую жизнь. Где он и где та жизнь, о которой он мечтает. Хотя помнит ли он еще о чем мечтает? Мечтал ли он вообще о чем-то?

Все мысли, которых он так избегал в течение дня, одновременно хлынули в его сознание. Теперь слова противной соседки не казались невинным развлечением одинокой старушки. Они уверенно обретали форму и смысл. При их последней встрече Макс скомкано объяснил о своем приходе в тот день, когда нашли Илью. В голове тут же возникает его реакция на новость о его смерти, они ведь оба его знали. Сначала в школе, потом в университете. Максим ничего не хотел об этом слышать. Он оборвал Родиона, дав понять, что больше не хочет затрагивать ни одну тему, связанную с ним.

Я ему доверяю, как никому другому, но в последнее время что-то изменилось. Словно он больше не так откровенен со мной, как когда-то, когда мы поклялись поддерживать друг друга во всем.

Теперь я чувствую себя одиноким.

Квартира больше не казалась такой уютной и надежной. Он даже время от времени жалел, что живет совсем один. Но и позволить Марине находиться рядом, пока он ей врет, он тоже не мог.

Даже брат перестал ему звонить. Раньше Родион бы очень обрадовался этому. А сейчас Андрей даже не стал звонить и выяснять отношения после его отказа.

Мой братишка, наконец, стал более самостоятельным и может сам решать проблемы в своей семье.

Но теперь, кажется, он соскучился по нему. Хотелось услышать его голос и понять, что они все еще семья. Хотелось узнать как у него дела, как он со всем справляется. Родион уже потянулся за телефоном к тумбочке, но все же одернул себя.

Позвоню ему утром.

У него впереди два выходных все же. Но даже эти мысли не дают расслабиться. Закрывая глаза, перед ним вдруг возникает сцена той аварии на улице. Крики и лица незнакомых людей, и вдруг няня, которая лежит у подножия лестницы и не дышит. Родион резко подпрыгивает на кровати, и его скручивает спазм в животе. Отдышавшись, он падает обратно на кровать. Вроде отпустило. Это было внезапно и очень больно. Теперь во всей мере пора познать пользу трехразового питания и нормализовать нервную систему.

При Марии Ивановне подобного не было.

Если бы не вся эта ситуация, можно было бы представить, как она причитает по этому поводу. Стало жаль, что ей теперь нет никакого дела до его здоровья.

Прежде чем заснуть, ему отдаленно послышался скрип качелей во дворе.

Вот говнюк.

Он лежал на кровати, и теперь над ним нависал Илья и удерживал его руки по обе стороны от головы. Взгляд был полон ненависти и смотрел он там именно на Родиона. Это было ужасно, Здравый прекрасно понимал, за что на него так смотрят.

Когда он проснулся, было уже утро. Родион лежал в той же позе, что и во сне. Руки его болели, словно кто-то действительно их удерживал.

С утра в подъезде было шумно. Не так, как обычно. Спустившись на первый этаж, он столкнулся, наверное, со всеми соседями разом. Они столпились у входа и охали. Кто-то из женщин вскрикнул. Родион не сразу заметил участкового, разговаривавшего с кем-то по телефону и одновременно отгонявшего толпу людей. Продвинувшись немного к выходу, он

увидел приоткрытую дверь, справа от подъездной двери. Обычно она была закрыта, но Родион пару раз видел, как туда заходили дворники.

Увидев, что там находилось, Здравый и сам чуть не вскрикнул, как та женщина. На полу лежало тело девушки. Ее каштановые длинные волосы прикрывали ее лицо, и сначала Родион подумал, что это пропавшая из виду Маринка, что обиделась на него, но он знал, что она так не одевалась, дешевая синяя куртка, и простые джинсы. Это была Полина. Его бывшая, не знающая слова «нет». Настырная, но такая красивая. А теперь она валялась безжизненной куклой в его подъезде, в какой-то пропахшей каморке.

Родиону стало плохо, виски тут же сдавило, руки с ногами онемели, и он почувствовал покалывающее тепло в них. Он решил быстро поспешить на работу, пока никто ничего не понял. Рано или поздно все обязательно вскроется, но он не мог сейчас об этом думать. Хотел отстраниться от всего.

Что произошло? Это было самоубийство? Полиция может подумать, что это я?

Они начнут все больше обо мне узнавать, о нашей с ней переписке. Марина тоже это узнает. Потом она узнает, где я работаю на самом деле.

Ему стало по-настоящему страшно.

Как ей вообще хватило смелости так просто оборвать свою жизнь, так еще и у меня в подъезде?

Это настоящая подстава.

Добравшись до работы, он не знал куда себя деть от напряжения. Он был бледен и никак не мог сосредоточиться. Мысли плавали в голове, а тело не слушалось. Весь день на него кричали, а он все меньше соображал. В обед ему пришло сообщение.

«Понравился подарок? Она так похожа на твою девушку. Прямо одно лицо».

«Так это правда ты сделал, больной ублюдок? Зачем?».

Конечно, ему никто не ответил. Но пришло предупреждение.

«Даже не думай упоминать обо мне, когда тебя будут спрашивать, иначе я могу повесить на тебя убийство соседа и этой девушки. И да, будь добр, сотри всю нашу переписку, пока не поздно, иначе для тебя все действительно плохо кончится».

Родион испугался, потому что не знал наверняка, действительно ли он может такое повернуть. Он и так уже подставился. Его загнали в угол, из которого нет выхода.

Через три напряженных дня, собравшись домой чуть раньше (потому что задолбал своей несобранностью весь коллектив), Родион встретил около забора свою девушку. Она сразу начала, не дав ему ничего сказать.

— Это правда?!

— Что «это»?

Она ткнула ему в лицо свой телефон с открытой страничкой, где была показана его реальная жизнь. С подписью «Реальность, в которой он живет». Он старался не подавать виду, как его это шокировало. Он просто хотел выхватить у нее смартфон и разбить об асфальт. Будто это могло стереть его позор. Будто ему всего произошедшего и так было мало.

— И что теперь, — безэмоционально спросил Родион.

— Да ты врал мне все время! Что теперь? А то, что ты нафиг мне такой не нужен! Работа, машина, квартира, все не твое! Так что не думай, что заслуживаешь такую девушку, как я, — она все кричала, давя на барабанные перепонки Здравого.

Он знал, что так будет, но не значит, что теперь ему легче. Марина все узнала.

К ним подъехала полицейская машина, и двое мужчин в форме подошли и поздоровались

— Вы Здоровый Родион Алексеевич? — он напрягся.

— Да.

— Вам нужно проехать с нами в участок для прояснения одной ситуации.

— Какой?

— Вы были знакомы с Полиной Семакиной? — Здоровый кивнул.

— Сегодня ее труп был найден в вашем подъезде.

— Что за Полина? Какой труп? Что происходит? — Родиону сразу послышался шорох с другой стороны погнутого забора.

— Вы меня п-подозреваете? — он еще больше начал нервничать. Он не хотел, чтобы они говорили все это при Марине.

— Нет, мы просто хотим кое-что уточнить, пройдемте, пожалуйста, — они пригласили его в свою машину.

Марина округлила глаза и отошла на шаг назад.

— Ч-что? Ты... ты убил кого-то? — она была в ужасе, впрочем, как и сам Родион.

— Нам пора, — сказал один из мужчин, поторапливая их.

— Мы уже можем идти.

— Хорошо, — они уже садились в машину, как до Родиона донеслось:

— Мы расстаемся, слышишь? Не пиши мне больше!

Они вышли на свежий воздух и встали возле участка. Сколько часов прошло этих бесконечных допросов, Родион не знал, но он был жутко вымотан.

— Почему ты доставляешь мне столько проблем? А если кто узнает? — мать никак не могла успокоиться и все время что-то проверяла в своей сумке, — Тебе повезло, что в то время ты со мной был, иначе, как можно было бы потом что-то доказать. Спасибо, что живу в приличном районе. Там хоть камеры уже есть. Ты вообще понимаешь, от чего я тебя спасла? Почему ты вообще водишься с такими легкомысленными девчонками. Когда уже только остепениться?

Здоровый устал слушать ее, и просто хотел вернуться домой.

На месте она оставила рядом с собой записку, что всегда будет его любить, и они вновь когда-нибудь встретятся.

Он прошел чуть дальше от участка и в ларьке купил пачку сигарет. Сев на ближайшую лавочку, Родион закурил, положив ногу на ногу, чего мать терпеть не могла.

— Может, уже прекратишь делать мне все назло, — она грубо пихнула его ногу, и он сел нормально, — вечно все делаешь мне назло.

Она опустилась на лавочку рядом, стряхнув перед этим пыль с сидения.

— Ага, и это все я тоже подстроил тебе назло, — он ехидно улыбнулся.

— Прекрати сейчас же, — она сжала челюсти. Его же лицо было отстраненным.

— О! Я тебя разозлил и не в первый раз. Какой кошмар. Сейчас сгорю от стыда, — он сделал затяжку и почувствовал удовлетворение в легких.

— Не верю, что родила такого неблагодарного сына, как ты, — она смотрела на него, и Родион чувствовал, что она полностью разочаровалась в нем. Но на этот раз в его сердце ничего не екало на этот счет.

Когда он вернулся к себе домой, то понял, что на него все странно косятся.

Неужели и здесь уже все знают?

Войдя в подъезд, он подошел к лифту и придержал закрывающиеся дверцы.

— Подождите, пожалуйста, — он был очень уставшим и не хотел взбираться на пятый этаж. Все, о чем мечтал Здравый, это душ и сон.

Но из лифта на него смотрели суровые взгляды двух старушек и одного мужчины, что занимали лифт. Родион отступил на шаг и отпустил дверцы, которые захлопнулись у него перед носом.

Зазвонил телефон. Хозяйка квартиры.

Тебя еще не хватало для лучшей картины.

— Алло?

— Алло, алло. Я-то думала, что порядочный молодой человек. Свою квартиру тебе доверила, а ты что творишь, подлец?

Черт, дело плохо.

— Да не я это, уже все проверили!

— Да начхать мне кто! Откуда я знаю? Даже если не ты, мне не нужны арендаторы вроде тебя, с такой репутацией, еще и куришь! Ты посмотри на него! Чтоб через неделю духа твоего не было на моей жилплощади!

Крикнула она напоследок и завершила звонок.

Веко его левого глаза дергалось, как сумасшедшее, пока Родион как вкопанный стоял перед лифтом.

Ему все в сообщениях кидали ссылку на другую страницу. И тогда он понял, что его преследователь разоблачил весь его образ. Все заходили и понимали, что Родион их обманывал, жил другой жизнью. Страничка в ВК с его именем. Только вот фотографии там вовсе не успешной благополучной жизни, а его реальности. Даже был коллаж из фотографий, где он в костюме фотографирует себя, и рядом то самое опубликованное фото. А потом, как он едет в маршрутке, заходит в кабинку общественного туалета и уже идет на свою настоящую работу. Все теперь сюда кидали ссылку на его настоящую действующую страницу и сравнивали. Писали, как он ужасен. Что он лицемер, лжец и что ему вообще после такого следует умереть.

У Родиона после просмотра случился настоящий приступ паники, который не проходил полчаса, а когда пришло время собираться на работу, он по привычке замер с офисным костюмом в руках. Здравый посмотрел на себя в зеркало и увидел там совершенно другого человека. Того, кого сейчас все и видели на другой страничке. Это была его реальность. Он смирился, что лучшей жизни у него не будет.

На работе смена проходила криво и косо, пока он старался не замечать шепчущихся коллег за спиной. Они были словно его соседки, которые теперь обсуждали жизнь и смерть молодого паренька из квартиры № 116. Словно бы его ждет тот же исход, и ему было неприятно наблюдать это каждый раз, выходя их дома. Тут же каждый теперь будто присматривался к нему. Родион недоумевал, что же происходит, пока его не вызвало к себе начальство. И тогда он понял, что все знают о том, что вчера его вызывали на допрос. Кто-то подслушал тогда всю эту сцену, а теперь ходил и делился с каждым страждущим своими предположениями.

Он хранит много тайн. За многие ему даже не стыдно, но есть такие, из-за которых Максим до сих пор не может нормально спать. В такие случаи ему кажется, будто он скрывает ужасные вещи.

Так и есть.

То, что он сейчас увидел, не знает в какой раздел отнести. Увидев эту женщину с каким-то мужчиной, Воронов подумал, что его это не должно касаться, но что-то не давало сдвинуться с места.

Он уже сделал заказ, когда заметил их. Они сидели за дальним столиком и мило беседовали. Несмотря на погоду, одета она была легко. На каждую фразу она чуть подавалась вперед и накручивала на палец свои кудри. Ее спутник явно был доволен таким поведением. Сразу стало понятно, что это не дружеская встреча. Максим наблюдал за ними, пока они не начали собираться. Когда они оказались на улице, через панорамное окно Максим увидел, как они начали целоваться и, не задумываясь, встал и сделал шаг из-за стола, из-за чего принесенный кофе оказался на его выглаженных брюках, а вся посуда на полу. Стало ужасно неловко и вся злость и негодование отошли на второй план. Своим шумом он привлек немало внимания. Кажется, кто-то даже успел сделать фото. Какие-то дети за соседним столом начали громко смеяться, на что их родители даже и не думали обращать внимания. Захотелось заткнуть их всем рты. Его щеки полыхали.

Очень некстати вспомнился тот парень из школы. Илья. Наверное, он чувствовал себя еще хуже, когда на него все так пялились, при том, что ситуация у него была во много раз хуже. Теперь он стоит в туалете этого кафе и пытается оттереть пятно с брюк, но мало что выходило из этих стараний. Уродливое пятно портило настроение. Сейчас он заплатил за глупость морально, так еще и деньгами придется за нее же расплатиться.

Очень показательно.

— В кои-то веки решил сходить поесть в кафе, как тут же наткнулся на неприятности, — пробубнил недовольно Максим, глядя на себя в зеркало.

Когда он шел домой переодеваться, мысли вновь вернулись к этой парочке. Наверное, это первая тайна, в которой он должен был признаться, потому что она была самая последняя, которая у него была на данный момент. Оказалось, что признаваться в чем-то действительно тяжело, но потом становилось легче.

Он выбросил скомканную салфетку в мусорку.

— Очень кстати.

Мать просила встречи, и он не мог ей отказать. Поэтому надел рубашку и брюки, зашел в приличное кафе. Даже не знает, зачем все это. Наверное, он хотел убедить себя в том, что у него все в порядке, и при встрече в эту уверенность она бы тоже поверила.

Из-за инцидента в кафе пришлось вернуться домой и переодеться. В итоге на нем обычный свитер и джинсы, потертые кеды, но уверенности в себе он не растерял.

Подходя к дому, такому большому и богатому, ему всегда чудился холод. В детстве он еще чувствовал себя частью этого дома, этого выпирающего достатка, но теперь все совсем иначе. Он даже не кажется таким большим, как в детстве. Больше не было того величия, больше не было уверенности, что деньги и власть отца хоть чего-то стоят.

Максим звонит в дверь, и как только она распахивается, он оказывается в объятиях теплых маминых рук. Он обнимает ее в ответ так же тепло.

Она искренне улыбнулась своему сыну, да так, что вокруг ее глаз и в уголках губ

собрались морщинки, что не мог не заметить Максим. Что-то кольнуло в его сердце. Столько времени прошло. Из-за постоянных ссор с отцом им не удавалось видаться почти месяц. Он был уверен, что еще тогда не было всех этих морщин.

До чего же он тебя доводит?

— Ты такой славный у меня, — она держала его за плечи и осматривала всего, пока не увидела его ботинки. Чуть скривилась, но ничего не сказала. Она уже привыкла к подобным его выходкам. Но Максим не находил ничего плохого в том, что его обувь была такой обыкновенной да еще и покрытой пылью. На ней самой сегодня надето длинное кремовое платье с кружевными рукавами. Длинные окрашенные в блонд волосы были туго стянуты в аккуратный пучок на затылке, а впереди спадали короткие завитые пряди. Она всегда выглядела ухоженно. Но так как отца вечно не было дома, то красоваться в этом можно было только перед прислугой.

— Проходи в дом, Татьяна уже приготовила нам чай, — сказала Юлия и прошла в кухню.

— Ага, — он остановился возле лестниц в прихожей (той самой лестницы, где еще несколько лет назад произошел несчастный случай с любовницей его отца). На стене гордо висело большое фото их семьи. Как обычно делают в богатых семьях, чтобы увековечить свой род, или просто сделать вид, что им не наплевать на свою семью.

На фото все улыбались, кроме хмурого отца. Из-за этого от фотографии исходила весьма гнетущая атмосфера, распространявшаяся по всему их дому. И этому было объяснение. Он был человеком серьезным, от чего его лицо казалось суровым, и была хорошо видна морщинка меж бровей.

Он прошел на кухню и сел за большой и светлый стол, посередине которого стояла ваза со свежими живыми цветами.

— Сынок, я так рада тебя видеть. Ты так давно к нам не заходил и...

— Отец дома?

— Нет. Думаю, было бы неплохо, чтобы он знал, что ты пришел, и поэтому я...

— Не стоит. Я не хочу его видеть.

Она тоже села за стол, но с другой стороны.

— Ты проголодался? Что ты будешь? У нас есть... — она еще сильнее засуетилась, и хотела уже встать со своего места, хотя стол и так был заставлен всеми сладостями мира.

— Ничего, я не голоден, в кафе перекусил, — она замерла на несколько секунд, а потом, молча разлила им чай, уже не торопясь.

— Можешь, пожалуйста, сказать отцу, чтобы он это прекратил. Меня уже достало, что он никак не оставит меня в покое.

— Максим, — она резко подняла голову и посмотрела в глаза, — ты должен понять, что он беспокоится за тебя. Мы беспокоимся, — она протянула к Максиму свою руку и сжала его ладонь.

— Я уже не раз говорил, что у меня все хорошо. Мне нравится та жизнь, которой я живу. Мне всего этого не нужно, — он оглядел все вокруг.

— Как же не надо? Я что не вижу, что ты перебиваешься от зарплаты до зарплаты. Одеваешься как... — Максим подтянул ноги поближе под стул и скрестил их, — не так я тебя учила.

Он горько вздохнул.

А ты меня хоть раз сама одевала? Я помню только лица бесконечно меняющейся

прислуги у нас в доме.

Я даже не знаю теперь, кто это Татьяна, что накрывала на стол. И скорее всего ее даже не увижу никогда.

Но я все равно тебя люблю.

— Он мне рассказал, где ты живешь и работаешь, — в ее голосе слышалось разочарование и беспокойство, — по-твоему, это нормально? Как нам после этого не беспокоиться? Вернись домой, — она сильнее сжала его руку, — ты не можешь так жить. Сделай, как говорит отец. Тебе уже пора повзрослеть.

— А я что, по-твоему, делаю? Я съехал от вас, чтобы скорее повзрослеть. Чтобы вы перестали все делать за меня.

— Я тебя понимаю, — только и сказала она.

Ничего ты не понимаешь. Тебе комфортно жить здесь, когда ни в чем не нуждаешься. Ты готова терпеть все что угодно, лишь бы остаться здесь.

Она немного помолчала, а потом продолжила:

— Я так мечтаю о внуках. Сколько тебе уже лет? Пора бы задуматься о своем будущем, — Максим выдернул руку из ее. Глаза выпучились, щеки вмиг стали горячими.

— Что?

Просто так сказала? Или она знает и решила проверить меня?

— А что ты так удивляешься, в твои годы у меня уже давно ты был.

— Это было твое решение.

— Ну, ты тоже возьми и реши уже. Мы с твоим отцом не молодеем.

— Ну, раз я сама себе хозяйин, то я отказываюсь.

— Максим!

— Может, я все же сам решу, что мне делать?

— А ты еще не достаточно сделал? — ее голос стал жестче, и лицо огрубело, — разве мы не достаточно терпели твоих вольностей? Сколько можно?

— Мам... — она резко выставила руку вперед, чтобы он замолчал.

— В общем так, я не хотела говорить сразу. Думала, тебя нужно подготовить к этому, но раз ты такой дерзкий. Отец уже нашел подходящую для тебя кандидатуру. У нее прекрасные обеспеченные родители. Она тебе подходит. Хватит уже себя так вести. Для наследника компании это непозволительно. Насчет вашей свадьбы уже все обговорено с ее родителями, и я больше ничего не хочу от тебя слышать! Все будет так, как мы сказали, ты понял?!

Максим сидел и не мог поверить в то, что говорила его родная мама. Еще недавно он корил себя за свою грубость и жалел ее, но теперь от этого не осталось и следа. Сейчас он был в замешательстве. Была обида и раздражение.

Она просто не оставила мне выбора. Поставила меня перед фактом!

— Значит, уже за меня все решили? Вам это нравится? Чтобы я подчинялся? Нравится издеваться надо мной каждый раз?! Мне хватило детства. Я насмотрелся на ваши ссоры и измены отца, — она вздрогнула вся и быстро подобралась. Выглядела скорее оскорбленной, нежели ее эта новость удивила.

— Ты... ты ведь знала? — она молчала, но все и так было понятно. Он отшатнулся, — и молчала, терпела? Ты в своем уме?! Сама прогнулась, а когда поняла, что не хочется больше одной так жить, решила и меня в это затянуть. Что, так нравится страдать?

— Замолчи! Как ты со мной разговариваешь! Ты ничего не понимаешь!

— Что еще я должен понять? Может, и ты не без греха? Наверняка кто-нибудь есть, а,

МАМА? — его щеку обожгло пощечиной.

Они молча стояли посреди кухни, отвернувшись друг от друга. Первым начал Максим. Голос стал охрипшим.

— За то, что здесь произошло извиняться не стану. Я не наследник, не ваш сын и уж тем более не жених, — он развернулся и пошел к двери, — и больше я сюда не вернусь.

Он закрыл за собой дверь, понимая, что погорячился, но это не значит, что простил.

Максиму всегда казалось, что все его детство было сплошь с привилегиями. Много было дозволено, как и многое прощено, просто по праву рождения. Ему нравилось, что с ним все носились. От такого быстро можно обнаглеть и не заметить.

В его шесть лет отец занимал пост заместителя фирмы строительных материалов, но уже тогда много на себя брал и любил своему сыну рассказывать, как добился такого, начиная с самых низов. Он гордился этим и заставлял гордиться и Максима. Так все и было. Пока через три года он не занял место главного директора этой фирмы. Тогда он и перегнул палку. Тогда и появилась эта женщина и ее сын, который теперь гнил в земле по дурацкой случайности. Хотя Максим подозревал, что рассказав про дневник Ильи, тот сумасшедший может пойти на все, чтобы достать его.

Даже на убийство.

Максим практически не сомневался, что виновен в смерти это чудика, который несколько лет назад заперся в своей долбаной квартире. Он его не жалел, так как не мог простить ему, что однажды появился на пороге их дома со своей матерью и испортил ему жизнь.

Так ему и надо.

Его уволили, так ничего нормально и не объяснив, но это и не нужно было. Понятно в чем дело. Кто-то из рабочих подслушал разговор с его девушкой, и как его увозили на допрос. Никто не захотел слушать его объяснения, как он ни пытался.

Но запершись дома, лучше не стало. Ему продолжали писать во всех соц. сетях, и Родион не знал, как с этим справиться. Он просто перестал туда заходить, но иногда смотрел, что о нем пишут, боясь что-то пропустить. Теперь для всех он был лжецом и неудачником, которому желали скорейшей смерти в самых ужасных мучениях.

— Лицемеры! Хотите сказать, что сами не такие? — через неделю после последних угроз найти его, Здравый решил заблокировать все свои странички. Теперь у него ничего не осталось.

Он иногда бродил по улице и не знал, что делать и чем себя занять. Сталкер больше не объявлялся.

Это все, чего ты хотел? Это действительно все? Теперь ты оставил меня в покое?

Было уже поздно и темно, когда он возвращался домой, еле волоча свои конечности. Иногда ему казалось, что на него странно смотрят прохожие, будто узнавая, но это лишь казалось ему. По крайней мере, он пытался себя в этом убедить. Подходя к своей двери, и не без труда до этого поднявшись по лестнице, вспоминает про лифт. Теперь вошло в привычку пользоваться им, чтобы избежать нежелательных встреч. Жаль, что по утрам нельзя было так же избежать ту старуху, кормящую на улице возле подъезда бесчисленное количество котов. Она по-прежнему странно и с подозрением на него смотрела.

Как и весь подъезд. Они все думают, что я мог ее убить.

Родион теперь находил в своем почтовом ящике записки с угрозами, адресованные на этот раз лично ему.

За его спиной что-то щелкает, он слышит веселое:

— Что-то ты припоздился. Закурить не найдется? — вздыхаю. Медленно поворачиваюсь к нему и вижу, что он стоит, облокотившись о косяк своей двери и сложив руки на груди. Для Родиона он сейчас выглядел как человек, желающий поглумиться над ним. Это было вовсе не смешно. Из-за какого-то ублюдка вся его жизнь рушится, а этот тип стоит и лыбится, будто проблем в жизни не видел.

— Ну, что тебе еще нужно? Тебе что, поговорить больше не с кем?! Тогда заведи себе друзей! — он был груб, особенно после случившегося. Теперь это стало не просто оправданием, а констатацией фактов.

На лице соседа отразилась грусть, и Родион удивился.

Почему меня все время заставляют чувствовать себя виноватым, даже если первые начали?

— Покупай сигареты на свои деньги. Сколько раз уже говорил тебе, что не курю.

— А твоя домовладелица другого мнения.

— У этой маразматички не все дома, так что ее мнение не учитывается.

— Смотрю, она тебя сильно достает.

— Прямо как ты, — поддел его Родион.

— Что, меня теперь тоже за это прибьешь.

Здравый замер и смерил его тяжелым взглядом.

— Я ее не трогал. И уже доказал это, — кулаки все сжимались.

— Да ладно, я же просто пошутил, — сосед поднял руки вверх, мол, сдается.

— Что вам все от меня надо, — голос Родиона дрогнул, и он повернулся к своей двери, пытаясь открыть замок.

— Раньше ты не был таким несдержанным. Куда только делся тот улыбчивый мальчик?

Что он несет?

— Что-то не припоминаю тебя в своей жизни.

— Неудивительно.

— Может уже хватит?

— Что?

— Постоянно со мной заговаривать! Странно еще, что ты не шарахаешься от меня.

— А должен?

— Все старушки уверены, что я исчадие ада, после того, как нашли ... ну...

— А ты правда ее убил? Да еще и смог обвести полицию вокруг пальца? — он легко закружил своим пальце в воздухе.

Родион не удержался и, резко повернувшись, вскрикнул:

— Нет!

— Ну, тогда я не думаю, что мне следует волноваться.

Здравый нахмурился.

— Как хочешь.

Он кивнул и протянул руку.

— Мир. То есть, Мирослав, — добавил он более низким голосом, а потом рассмеялся.

— Родион, — он пожал руку в ответ и прищурился.

— Что ты помнишь из школьных дней? Или точнее кого?

— Может еще в шарады поиграем?

Мир замучено выдохнул.

— Мы учились с тобой в одной школе. Ты ведь сыночек директрисы. Она еще там работает, да? — он достал из кармана пачку сигарет и прикурил одну.

— Да.

— Да, кстати, а потом мы еще попали в один универ! Как и другие ребята со школы, которые могли себе это позволить. Твой друг ведь тоже мог?

— Раз ты там тоже был, значит и ты не бедствовал?

Родион не любил, когда кто-то указывал им на их обеспеченность, когда они с этим просто родились.

Запах дыма дошел и до Родиона, и он поджал губы, пытаясь забыть про свою записку на балконе. Очевидно, что этот прилипала тоже снимает квартиру, но у менее назойливых людей, и может позволить себе сигаретку другую. Хотя теперь Здравому все равно, переезд не за горами.

— Не бедствовал. Интересно только откуда у Ильи этого были деньги. Он ведь с бабкой жил. Пока его не подставили подружки жены твоего брата и твой друг. Если так подумать, то...

— Что? В смысле подставили? А Максим тут причем?

— Ну, он ведь тогда слышал, как они говорили, что неплохо было бы ее проучить. И ничего не сделал.

Родион сжал кулаки, ноздри расширились. Он был зол.

— Да ты что! А ты откуда знаешь?

— Я видел, как он подслушивал. Он ведь всегда обо всем знал. Понятно откуда, шпион недоделанный, — пренебрежительно бросил в конце Мир.

— Что же ты сам не сказал, если тоже все слышал, а? — зло прошипел Здравый.

— А он мне кто, чтобы я ему что-то рассказывал? Они с той девчонкой изначально не ладили, мне какое дело?

— Ну, да. Действительно. Значит, теперь ты и надо мной решил поиздеваться?

— Что ты там несешь?

Он пристально посмотрел на Мира, пытаясь понять, знает он, о чем Родион говорит или нет. Но не найдя никаких признаков тяжело выдохнул.

— Забудь, — Здравый отвернулся от него и, открыв дверь, зашел в свою квартиру.

Значит, Илью зря обвинили в распространении тех фото с обнаженной Ксюшей. Как бы Родион не был уверен в правоте Ильи в школе, в университете он действительно думал, что он просто решил отомстить ей за все унижения. А теперь узнается, что его просто подставили. Опять. И что еще хуже, его лучший друг знал все с самого начала и ничего не сказал Родиону. Сколько еще тайн он от него скрывает?

ГЛАВА 4

СКАЗКА НА НОЧЬ

— Вот и ты понимаешь, как мне было тяжело с Маринкой. «Когда мы уже съедемся?». Разве мы так долго встречались, чтобы жить вместе?

— Ты просто не хотел, чтобы она узнала правду о тебе.

Они сидели вечером в баре и выпивали. Было воскресенье, так что Максим оказался не

против, он и сам хотел выговориться.

— Если подумать, — чуть медленнее обычного говорил Воронов от выпитого, — ты ведь мог, как и прежде, одеться в костюмчик, запилить селфи, а потом топать уже на свою работу.

Родион скривился.

— Не мог. Это было бы уже слишком напряжно. А как мне потом приходиться обратно и отмываться незаметно от нее. И так устал от всего этого маскарада. А вдруг бы она меня запалила?

— Странно, что раньше не запалила.

— Ха! Я просто хотел спокойной жить одному. А если бы она переехала ко мне, то начала бы наводить свои порядки, и мы бы не смогли уже так посидеть.

— Ладно, убедил, — они чокнулись кружками с пивом, кстати о спокойствии. Как тот чувак, что тебя доставал?

Родион занервничал.

— Да так, вроде не слышно и не видно.

— Отстал что ли? Вот видишь, ему просто надоело.

Если бы так. Не хочу больше втягивать в это Максима. Он и так был шокирован тем, что в моем подъезде нашли мертвую девушку.

— Ну, а ты что со своей? — он как можно скорее хотел сменить тему разговора.

— Да ничего. Я вроде хотел, чтобы он избавилась от этого ребенка, но теперь не знаю, правильное ли это решение. Катя такая расстроенная из-за этого, не могу выносить это ее выражение лица. Еще каждый день переживаю, что заявятся родаки и скажут, что все знают. Им только и нужно, что указать на мои ошибки и сказать, что они знали, что так будет.

— А ты вообще ее любишь? — Максим удивленно уставился на Родиона.

— Катьку?

— Ну да. А у тебя еще есть беременные девушки, о которых я не знаю?

— Нет, конечно, — Максим сцепил руки в замок перед собой, — мне было хорошо с ней. Вообще претензий не было. Я чувствовал, что это полностью мой выбор. И я бы не расстался с ней, если бы она не забеременела и не заупрямилась.

— Говоришь так, будто она одна в ответе за сложившуюся ситуацию. Вы оба молодцы. А теперь она, бедняжка, не знает, как ей поступить, — Родион продолжал давить на совесть друга, — на своего мужчину положиться она не смогла. Ты ведь говорил, что она в общаге живет?

— Угу.

— И как ей быть, ты знаешь ответ?

— Я ей уже предложил вариант.

— Достаточно кардинальный, надо заметить.

— Уж лучше так, чем я в роли отца.

— Да откуда тебе знать, каким отцом ты будешь?

— Разве по моему папаше этого не заметно?

— Ты конечно сын своего отца, но вы не один человек, — Максим сильно задумался.

— Он моей маме изменял, и не думаю, что что-то поменялось.

— А ты тоже любитель ходить на сторону? Не знал, не знал, — Родион почесал подбородок, выпятив его в шутку.

— Нет! Но вдруг...

— Что вдруг? Если бы это было у тебя в крови, как ты мне тут утверждаешь, ты всегда бы так поступал. Вы разве не поэтому вечно ссоритесь, что у вас разные взгляды на жизнь? — Максим надул красные щеки и промолчал на это.

— То-то же, — Родион отвесил ему легкий подзатыльник.

— Ты ведь тоже такого мнения, как и я? Ты не изменяешь?

Здоровый задумался о переписке с бывшей девушкой Полиной. Он напряженно вздохнул. Родион не считал это изменой. Да и сейчас ему уже некому изменять, да и не с кем.

— Конечно, не изменяю. А что?

— Знаешь, я все думал говорить или нет. Просто недавно видел, как в одной кафешке сидела Ксюха и миловалась с каким-то мужиком, а тот и не против. Сначала подумал, ну мало ли, мне кажется. А потом они взяли и поцеловались.

У Родиона выскользнул стакан из рук и громко приземлился на столешницу дном.

— Что?

Я знал, что ей нельзя доверять. Люди не меняются.

Возле подъезда его караулила Зинаида Григорьевна. Она насупила свой птичий клюв и была настороже, кутаясь в теплую фиолетовую шаль, в окружении не менее теплых котов. Их взгляды встретились.

— Может уже пора заканчивать с этим маскарадом? — Родион вздрогнул на секунду, но продолжил идти к двери подъезда.

— Я проходила мимо будущего торгового центра к своей подруге и видела, как ты переодевался к кабине общественного туалета, — услышав это, к его щекам прилила кровь. Он остановился, — а потом пошел на ту стройку.

— О чем вы говорите? Я там не хожу.

— Прекратите врать, молодой человек. Я же не слепая.

— Я заметил.

— Не груби. Ты мог бы быть и попроще.

— Вы не понимаете, — твердо сказал Родион.

— Да? И чего же? Того, что ты нос задираешь, каждый раз проходя мимо.

— Я не...

— В любой жизненной ситуации можно себя вести более достойно. И это будет лучше, нежели притворяться тем, кем не являешься, при этом вытирая обо всех ноги.

— Всем в этой жизни нужно одобрение.

— Конечно. И ты решил получить его сразу, соврав? Даже не постаравшись?

— Я старался, но это не значит, что всем суждено быть начальниками каких-то сраных отделов! — она пропустила мимо ушей его грубость.

— По-твоему, уважения заслуживают только такие люди?

Родион на это промолчал, пожевав губу.

— Мой покойный муж работал простым механиком на заводе, а я в свою юность мыла полы в больницах и утки выносила из-под лежачих. Потом, конечно, отучилась, и всю жизнь проработала бухгалтером. Не начальники, верно? Но мы всегда гордились тем, чем занимались. Важен каждый труд, и даже если потом в том торговом центре и будет сидеть упитанная задница начальника, именно ты вложит свои силы в то, чтобы он там смог сидеть. Начальники не могут быть таковыми, если нечем управлять. Гордись тем, кто ты есть, и заставь других людей завидовать этому.

Родион понимал, о чем говорит Зинаида Григорьевна, и был ей даже благодарен.

— Это тяжело, когда твоя родная мать ни во что тебя не ставит.

— И что?

О его ногу терлась одна из кошек. Разноцветная с карими глазами, и Здравый подавил свой обычный позыв оттолкнуть ее от себя. Он слегка наклонился и погладил ее. Мягкая.

— Разве важно что она о тебе думает? Ты уже не маленький. Тебе уже не нужно только одобрение родителя. Оглянись и увидишь много людей, которые могут тебя поддержать в твоей сфере, если для тебя это так важно.

— Даже если она так никогда и не поймет?

— Даже если так.

Он решает все рассказать брату, не может больше молчать. Родион не хочет, чтобы Андрея так подло обманывали. Ксюша и раньше ему не особо нравилась, но теперь появилось навязчивое желание выдворить ее из их семьи.

После окончания рабочего дня Андрея Родион позвонил ему. Он понимал, что тот наверняка не поверит ему, но все же начнет сомневаться в своей благоверной.

Теперь я вообще сомневаюсь от кого у нее ребенок. Хотя вроде действительно от Андрея, и все сходится. Значит, этот любовник у нее появился позже? Она же все время куда-то бежит, может к нему?

— Алло, алло! — Родион замер и на секунду передумал что-либо говорить по этому поводу. У Андрея было хорошее настроение, даже после окончания трудового дня, и ему стало совестно портить эту атмосферу.

Тут же начал искать подходящую тему для разговора, из-за чего мог бы позвонить ему.

— Привет, я смотрю, ты в хорошем настроении.

— Да, Ксюшка сказала, что меня ждет сюрприз дома.

— Может наконец-то приготовила что-то? — из трубки донесся смех его брата.

— Может и так, — весело сказал Андрей, — ты что-то хотел?

Он был весь как на иголках. Никак не мог проникнуться этим весельем. Родион знал, что нужно сказать, и ладошки его потели.

Наконец он сдался.

— Как бы сказать... У вас с Ксюшей все нормально? — повисло молчание.

— Нормально. Что за вопросы?

— Просто понимаешь, я видел на днях ее с каким-то мужчиной... и сразу было понятно... в общем, их общение очень близкое, — быстро закончил Родион.

Пришлось сказать, что именно он видел их. Не хотелось выглядеть перед ним человеком, который верит всем слухам. Но это не значит, что он сам не верил своему другу.

— Насколько близкое?

— Настолько, что считается изменой.

— Это не правда, — он ответил очень быстро, и это показалось Родиону странным. Он словно бы и не сомневался в этом. Или может, не хотел сомневаться в этом? Не было вопросов «С чего ты это взял?», «Где ты их видел?». Ничего. Родион теперь и не знал, что еще сказать.

— Почему ты так...

— Я же сказал, что это неправда. Хватит уже. Не знаю, что вы там не поделили, но мне надоело слушать, как вы выливаете друг на друга помой. Это ясно? Не наговаривай на мою

жену. Я люблю ее и доверяю ей. Займись лучше своей жизнью.

— Не надо на меня злиться. Я сказал все как есть, а если ты не веришь, пожалуйста, твое право. В дураках тебе потом ходить. Я просто хотел, чтобы ты знал, какая она на самом деле. Где она, по-твоему, сейчас?! А?!

— Я знаю, какая она! А сейчас она отдыхает со своими университетскими подругами. Она устала. И так весь день с ребенком сидит.

Ну, конечно, так все и есть, ага.

— Да ни черта ты не знаешь! Что, и дальше будешь терпеть ее измены?! Тогда ты остался таким же наивным, как и когда-то в детстве, — Родион вспыхнул и сказал лишнего, но и Андрей в долгу не остался.

— Замолчи. Вместо того, чтобы наговаривать на нее, лучше бы вспомнил себя. А как же та нянька твоего друга ненаглядного? Да вы оба не святые с таким прошлым.

Родион опешил, он не знал, что сказать на это. Резко стало холодно, и его пробила мелкая дрожь. Откуда он мог что-то знать? А что, если он знает все?

— О чем ты? — голос дрожал, уверенности не было.

— Ты сам знаешь. Я все видел. И ты все еще мне брат, цени это. Так что оставь Ксюшу в покое.

— Я тебя понял.

Ему не нужно было повторять дважды.

Ночью Родион уже почти заснул, как ему пришло сообщение.

«Ты удивительный парень. Не знал, что ты так можешь. Я знаю, что тогда произошло с матерью твоего соседа в далеком прошлом».

Родион не шевелился на кровати.

Да что ты можешь знать?

Никто, кроме нас троих, не знает. Телефон вновь пикинул.

«У меня есть доказательства. Продемонстрировать?»

— Да пошел ты! — сказал он телефону и положил его под подушку, но теперь Родион не мог уснуть. Он вертелся минут десять, пока не раздался звонок.

Неизвестный номер.

— Алло.

— А это я, — тело Родиона окаменело. Это был он. Его преследователь. Хоть он и говорил по телефону, было полное ощущение, что он где-то здесь, рядом.

— Знаешь, я недавно наведлся в квартирку твоего давнего знакомого и обнаружил одну занятную вещицу. Его дневник.

Живот Здравого скрутило в спазме.

Не может быть! Он ведь не мог такое записывать, это же ужасно.

— Так что если ты еще раз рыпнешься в сторону полицейского участка, я подставлю тебя в любой момент. И тогда смерть этого доходяги уже не будет всем казаться просто несчастным случаем. Смекаешь? Так же, как и смерть той милашки, твоей бывшей. Сразу найдутся доказательства против тебя.

Губы задрожали, из глаз полились злые слезы.

— Пошел к черту! — в трубке послышался смех.

— Я там уже был. И ты сам меня туда отправил, помнишь?

Что?

— Лучше послушай. Я почитаю тебе сказку на ночь.

— Я не хочу тебя слушать, — Родион с силой сжал одеяло.

— А у тебя нет выбора, так что заткнись.

Послышалось шуршание и шелест бумаги.

— После той вечеринки все смотрели на меня и ухмылялись. Никто и не подумал на нее, и никого не наказали. Я оказался сам виноват.

Мне стало сложнее находиться в большом скоплении людей, но я понимал, что в школе этого избежать невозможно. Я должен постараться ради бабушки, но мне тяжело. На улицах я стал шарахаться от прохожих. Каждый раз убеждал себя в том, что это незнакомые люди, и не могут ничего обо мне знать, но стоило поймать их мимолетный взгляд на себе, кровь сразу прилиwała к щекам, и становилось очень стыдно. Я резко потел и чувствовал дискомфорт от дрожи в коленях, ноги и руки немели. Для меня каждый стал врагом. Близкие, друзья, одноклассники и учителя. Все, даже незнакомцы, проходившие мимо. Я уже не мог никому доверять.

Когда я решил подойти к ней через время, она только сказала: «Ты что, больной? Это была всего лишь шутка. Что тут такого?».

Родион затих и попытался абстрагироваться от этого.

— Ну, как тебе? Здесь еще много записей. Вот моя любимая часть: «Я не жалею, что тогда так поступил с ней. Я устал от всего. Когда она меня привела в их дом, это стало последней каплей. Я не мог с этим мириться. Она шла по лестнице, а я позади нее»...

— Хватит! Не надо! Я понял. Понял, — в трубке вновь послышался веселый смех.

— Ладно, ладно. Уже спать хочешь? А ты нервный. Тут еще много сказок. Я еще позвоню.

Он отключился, а Здравый пролежал на одном боку, не смыкая глаз до утра.

Он в депрессии. Уже неделю не выходит из своей квартиры. Буквально заперся там и стал походить на его покойного соседа. Его мать бы точно не одобрила. Родиону одновременно обидно, что никто не поинтересовался, кроме полиции, где он пропадает, но с другой стороны, ему было плевать на все.

Понимает, что был не прав, когда не хотел съезжаться со своей девушкой. Теперь он действительно чувствует себя очень одиноким и ему страшно оставаться в квартире одному, приходится на ночь оставлять свет во всей квартире. С ним было не так страшно по ночам слушать голос ненормального, который ему все звонил и звонил. Продолжал изводить его этим дневником. Теперь он у него на поводке, и никуда не может двинуться, не может ничего сделать. Раньше он не осознавал, что им так легко помыкать. Он ведь и раньше так жил, но не замечал. Все хотели от него чего-то, пытались внушить, что так правильно и все ему на пользу. Родион же сейчас только усугублял свое положение, продолжая заходить на свои странички и читать, что люди говорят про его настоящее лицо.

В его квартире было затхло, все находилось в беспорядке. У него не было бабушки, чтобы проводить ежедневные уборки. Здравый лежал в зале, на разложенном диване, по горло укутавшись в одеяло, и вслушивался в тишину.

Я превращаюсь в этого ненормального Илью.

Родион представил, как тот так же бесцельно проводил каждый свой гребаный день взаперти, уже ни на что не надеясь.

Максим знал, что Родиона не особо заденет новость о его брате, так как он не привык вникать в чужие проблемы. Но Здравый был так разбит, что Максим не решился говорить ему, что он все знал. Знал с самого начала. Это он случайно подслушал, как ее милые подружки говорят об этом. Они хотели подшутить над ней, а виновным хотели выставить Илью, так как в школе они уже были замешаны в небольшом скандале, и для них не стало проблемой выставить все именно так. Она когда-то ему испортила репутацию, а когда ему выдалась возможность, то он поступил с ней точно так же. Идеально подстроено. Теперь по всему универу из рук в руки кочевали ее обнаженные фото. Но и тогда Ксюша недолго ходила униженной. Смогла все вывернуть так, что ребята со старших курсов, влюбленные в нее, избили его так, что он потом больше не появлялся в стенах университета.

А Максим... Максим просто сам разочаровался в ней, и стыдился того, что в школьные годы сам ходил за ней, как собачка. Делал для нее все, даже подставил Илью в первый раз с теми фото. Потом же он просто хотел, чтобы ее наказали. И ему было не важно, кто совершит это возмездие, и кто при этом окажется крайним, главное, что не он. С девушками Илье так никогда и не везло.

— Так что вы об этом думаете?

— Что это прекрасное решение! Ну что, оформляем? — женщина лет тридцати с начесанными волосами робко кивнула.

Сегодня в их банке очень шумно. Оксана, та девушка, на чью должность была назначена надоеда-новенькая Кристина (уже вроде и не новенькая, к ней все привыкли, даже Максим), решила сегодня одарить их своим присутствием. И как Воронов понимал, большинству это действительно нравилось, потому как она пришла не одна, а со своей годовалой дочкой. Она решила походить везде, где только можно, как следует показав свое достояние, чтобы все знали. В общем, отвлекала всех от работы, чему многие были рады. Наверное, все, кроме Максима. Уже прошло пол рабочего дня. Скоро обед. О чем еще можно думать в такое время? О еде и послеобеденном сне, которого не будет.

Саша сидела недалеко от Максима, в соседнем окошке, и болтала о том, как удачно ее дочка сегодня с утра сходила по-большому. Все, конечно же, в подробностях. Сам же ребенок минут десять назад капризничал так, что слышали все, а теперь спокойно сидит на коленях матери и тянет руки ко всем предметам на столе у той, с кем она сидела.

Воронов теме временем усиленно пытается втюхать новое невероятно выгодное предложение новому клиенту. От того, что она продолжает активно развивать эту туалетную тему, у Максима периодически появлялись рвотные позывы, и пока он заполнял бумаги, то не сдержался и вслух отрыгнул. Получилось громко. Все, кто были недалеко от него, замолчали и обернулись к нему с немым вопросом. Он сделал вид, что не понял, чего все так уставились, и продолжил работать, в отличие от некоторых.

Маленькая девочка, имени которой Максим не запомнил, что-то уронила со стола и опять заплакала.

Черт! Опять!

— Чтоб тебя, — шепотом сказал Воронов и чихнул.

Оксана резко повернулась в его сторону. Ее взгляд был полон враждебности, словно он виноват в том, что ее ребенок сейчас плачет.

Он отвернулся и продолжил работать, чтобы хоть как-то отвлечься, но это было сложно, когда под ухом такие звуки. Как бы она ни пыталась ее успокоить, ничего не действовало. Ребенок устал. Она полдня протаскала его с собой здесь, непонятно за какими нуждами.

Девочке нужен был отдых (и всем присутствующим здесь), но Оксана, мать года, продолжала ее успокаивать, недоумевая, почему та не перестает плакать.

— Эй! Максим, — к нему подошла новенькая из другого конца зала, чтобы спросить о чем-то, но то и дело поправляла свои волосы и сильно наклонялась к нему, — а вот здесь какую операцию нужно производить?

— Здесь уже никакую. Уже все сделала.

— Правда? Здорово!

— Ага, — ее счастливая улыбка не понравилась Максиму, — и если тебе так мешают волосы, то, может, уберешь их наконец?

Она выпрямилась и смущенно вернулась на свое место.

Это было ужасно, Воронов пытался заглушить в себе любой порыв на грубость, но это было сложно. Нижнее веко начало неприятно дергаться, и приходилось щуриться, чтобы этого никто не заметил.

Видимо, на работе работа — это последнее, что ее интересует. Он уверен, что в отношениях нет места изменам и легкомыслию. Он все это пережил в своей семье, когда рос там.

Сегодня она опять пришла домой к Максиму и стояла под дверью около получаса, пока ей не надоело общаться с дверью.

Она просто не дает мне покоя.

Он специально работает на износ, и так устает, чтобы просто не было сил ни о чем думать, а просто забыться. Но она не дает ему и этого сделать.

Хотя напоминание моей ошибки. Она везде.

Иногда Воронову кажется, что он видит ее там, где на самом деле нет. Он хочет вернуть все назад, хочет все исправить, но это невозможно. Так не бывает. Теперь придется за все платить или как-то пытаться все исправить. Но получится ли?

Не знаю.

Ему хочется думать, что то решение, которое он выбрал, единственно правильное. А как иначе? Если он ей скажет все как есть, как она отреагирует? Что скажут ее родители? Если бы его родители знали, что бы сказали они? Нет! Вот они-то как раз ни в коем случае не должны об этом узнать. Максим не позволит.

Теперь он чувствует, что ничем не лучше Андрея, которого считал проигравшим, потому что и сам оказался в подобной ситуации.

И кто я теперь сам, как не проигравший?

Тогда остается принять то, что он выбрал, чтобы избежать еще больших проблем. Теперь это кажется действительно правильным решением. Максим больше не хочет скапливать на свой счет очередные плохие поступки, но сейчас это сделать необходимо. Хотя бы в последний раз.

Говоря «в последний», значит, что я снова переступлю черту?

Каждый раз, делая очередную гадость, он будет так говорить и думать, что теперь все точно будет по-другому и больше не повторится.

Но я-то ведь знаю, что меня это не остановит.

Ему нравилось раз за разом изводить ту няню, ему нравилось, как она каждый раз умоляла остановиться, и ему определенно нравилось, что ее маленький сынишка обо всем узнал. Максим так сильно хотел отомстить за свою несостоявшуюся и прогнившую семью,

что часто выходил за рамки собственного плана. Но стоило пройти немного времени, как он переставал корить себя за несдержанность. Ему хотелось большего, и он делал это. Максим уже не мог остановиться, потому что знал, что простит себя за все. И вот теперь в нем снова разгорается этот огонь.

Уже вечером, когда он добрался до дома, ему стал очень настойчиво названивать отец.

— Да если бы ты знал, что я тоже мог стать папочкой. Ужас, — говорил он своему телефону, — И что ему вообще надо? Неужели мать в красках, как она умеет, поведала о нашем разговоре, и теперь отец хочет выбить из меня эту дурь, но как всегда занят?

Но если подумать, что это из-за того разговора, он так просто Максима в покое не оставит, и если он не будет отвечать на звонки, то и сам может заявиться для серьезного разговора. А может и не сам. Если его достать, то он может и отложить свои супер важные дела.

— Блин, только этого не хватало.

В порыве своей решимости разобраться по-тихому с делами, он и забыл, кто его отец.

И насчет их планов на меня...

Вряд ли это добром кончится. Он бывает очень настойчив.

— Так, что-то я сейчас реально занервничал, — он бросил свою сумку у входа и, разувшись, стал ходить по квартире.

Он ведь действительно может сделать все что угодно.

Может все-таки стоит зайти еще раз домой и мирно побеседовать? Договориться миром? Как все сложно. Остается надеяться, что он не по этому поводу пытается достать меня.

Он упал на диван, который и служил ему отличной кроватью и закрыл глаза. Полежал так минут десять, пытаясь унять свое беспокойство.

Он уже почти начал засыпать окруженный своими назойливыми мыслями, как резко сел на кровати.

А если она уже приходила к моим родителям и обо всем рассказала? А что? Ей могли надоест мои отговорки в решении этой проблемы. Она вообще может отказаться от аборта. Но я ведь ей еще ничего конкретного не говорил, только что занят и мы позже все решим. Избегал ее по возможности. И она просто пришла к ним, и теперь они все знают. Поэтому отец никак не отстаёт сегодня. Черт! Ну конечно! И что теперь? Как они поступят? Мама ведь говорила, что они уже нашли для меня подходящую порядочную девушку.

Они никогда не согласятся на Катю, да и я не соглашусь.

Он нервно перебирал все возможные варианты развития событий, как бы решить проблему с наименьшими проблемами, но он ведь не знал, как на самом деле обстоят дела. А это значит, что нужно все же вернуться домой еще раз, чтобы разведать обстановку и понять, что делать дальше.

— Правильно! Нужно действовать по обстоятельствам. Ни к чему надумывать лишнее, а то голова потом болеть будет. Да, — для верности он стукнул кулаком о ладонь.

У Родиона Здравого больше ничего не осталось, как он сам теперь думает. Все чаще ему приходят мысли о покойном соседе Илье. Тот был, наверное, ужасно одинок. Он понимает, что сам таким становится, и нужно что-то делать, чтобы не закончить, как он. Не хочется повторять его судьбу.

Поэтому сегодня он решил выйти на улицу за продуктами. На деле это оказался забег

в ближайший магазин за растворимой лапшой и парой энергетиков.

Еще недавно он с уверенностью хотел все забыть, думал, что все в прошлом, но после того, как Родиона стал преследовать какой-то ненормальный, все вернулось. Прошрое догоняло его, не оставляя шансов спастись.

Поднимаясь по лестнице, голова начинает кружиться. Здравый оттягивает воротник кофты и пытается глубоко дышать. Эта лестница. Эта бесконечная лестница похожа на ту, с которой упала та долбаная няня. На мгновение ему даже кажется, что он видит ее. Она стоит наверху и смотрит на него заплаканными глазами, а позади нее, взявшись за подол ее длинной юбки, стоит маленький мальчик. Илья. Он вот-вот готов ее столкнуть. Перед глазами плывет, и Родион падает на ступеньки, так и не дойдя до своего этажа, больно ударяясь коленями о бетон.

Его кто-то сильно тряс за плечи и настойчиво кричал. Открыв глаза, он увидел перед собой Марию Ивановну. Взгляд ее был обеспокоенный.

— Родион, Родион, да что же это такое! Да очнись же ты! — она заметила, что он пришел в себя, и помогла встать, — Что с тобой? Что произошло?

Он экстренно пытался воспроизвести в памяти последние минуты до отключения.

Я шел по лестнице, потом упал и все. Почему? Мне стало плохо?

Здравый рассеянно пытался нашарить возле себя пакет с продуктами. Так и не дождавшись от него ответа, она нервно вскричала:

— Господи! Да что же это делается? Ты так похудел. Когда ты в последний раз ел? — она уперла руки в боки своего цветастого теплого халата, — Да не отвечай, и так видно, что давно. Заходи.

Мария Ивановна взяла его под локоть и стала затаскивать в свою квартиру.

Только стоя у нее на пороге он осознал, где находится. Занервничал. Вцепившись обеими руками в пакет, стоял и боялся сделать глубокий вздох. Было неприятно опять вспоминать что здесь произошло. Прошло не так много времени, чтобы отсюда выветрилось присутствие смерти. Родион посмотрел на пол перед собой и сделал шаг назад, упершись во входную дверь.

Здесь он лежал.

Именно здесь Илья нашел последние минуты своей жизни. Здравый почувствовал, как на лбу выступила испарина, все тело сковало. Соседка же, как ни в чем не бывало, продолжала что-то говорить, но заметив его состояние, она сама заметно напряглась, как было раньше, если кто-то замечал ее внука.

— Раздевайся, я сейчас чайник поставлю, — и скрылась в кухне.

Он вновь почувствовал себя пристыженным за ее прощение. За то, что в такой трудный для него момент не прошла мимо, а взгляд ее был полон беспокойства.

Мария Ивановна говорила с ним так, будто и не было той ссоры.

Хотя какая ссора? Ты же просто накричал на нее, и больше вы не говорили.

Родион не понимал, как она может продолжать здесь жить после всего случившегося.

Опомнившись и опустив, наконец, пакет на тумбу в прихожей, разулся и прошел в кухню за ней. Она суетилась, наставляла на стол все, что только было, а было много, словно она уже ждала Родиона... или просто кого угодно. Лишь бы не оставаться больше одной. Ощущение стыда усилилось, что оставил ее одну в такое время.

Стоя возле стола и не зная, куда себя деть, Здравый казался себе лишним здесь. Стало совсем неуютно.

— Родечка, ну что ты? Присаживайся, — она силой усадила его на стул. Он сильно вдохнул и выдохнул, словно до этого ему не давали дышать. Да, сидеть было однозначно легче. Она стала ближе подставлять блюда и накладывать что-то на тарелку. От резких запахов еды его вновь замутило.

— Что с тобой случилось? Почему ты упал?

Почему? Я ведь ее обидел, как и многих других, но они все меня прощают, рано или поздно. За что я это заслужил?

— Эмм... я сам не знаю. Я просто поднимался по лестнице и... — перед ним вдруг встало лицо женщины. Дочери Марии Ивановны. Как она стояла наверху и пристально смотрела на него, а потом... — я упал и потерял сознание. Вот и все.

Она не должна узнать о том, что было с ее дочерью, когда она работала у Вороновых дома в качестве нянечки для их сына.

— Боже, что же это происходит такое? Сколько ты работаешь? Когда ты отдыхаешь вообще? Когда ты ел в последний раз? Ты кушай, кушай, — Родион не успевал пережевывать всю еду, как в тарелке вновь что-то оказывалось. Вот она, вернулась та самая заботливая бабушка, милая соседка, справляющаяся о делах любимого соседа ежедневно, готовящая еду, улыбающаяся так тепло. Теперь ему кажется еще большей глупостью то, как он поступил. В тот день, проходя мимо, Здравое смутило ее выражение лица, когда она говорила о смерти своего внука, что не одну ночь оно ему снилось. Смотря сейчас на нее, он просто не мог себе представить, что она могла быть способна на такое. Только не она.

Как вообще мне могло прийти в голову, что она могла собственного внука убить?

Даже если временами казалось, что она его стыдилась, и больше обращалась как с внуком с Родионом, не повод думать всякие глупости. Как бы так ни было Илья жил здесь когда-то, сидел за этим столом. Она так же его кормила, заботилась о нем. Я замер, а она словно бы слышала мои мысли и заговорила сама.

Не суди по себе. Придурок!

В горле першит, хочется прокашляться.

Она спросила его про работу. Она воспринимала его, как совершенно другого человека, в чем был повинен он сам, а теперь не знал, что делать. Вспомнил слова той бабки и подумал о том, в чем он сейчас одет.

— Знаешь, я в последнее время так много плачу. Мой мальчик... как же так вышло? Еще недавно он сидел так же, а теперь... — она действительно начала плакать, ее голос дрожал.

Если бы я сейчас заговорил, тоже не смог бы похвастаться твердостью в голосе.

Родион сильнее сжал стакан в руке.

— Как... как он... — Мария Ивановна тяжело и надрывно выдохнула.

— Я тогда с утра отлучилась к подруге. Она живет этажом ниже. Галина Алексеевна, тоже одна живет. Я думала скоро вернуться, но мы с ней разговорились. Понимаешь, мне этого не хватало и сейчас не хватает, — сердце Родиона сжалось.

— С Илюшей всегда было тяжело разговаривать, вот я и... В общем, когда я вернулась, то обнаружила, что дверь была приоткрыта, а когда я ее полностью распахнула... увидела его лежащего в прихожей, — она остановилась и, громко проглотив слюну, продолжила уже тише, — там было много крови. Мне сказали, что он ударился головой о косяк двери. У него было такое, когда он ночью или рано утром вставал ни с того ни с сего, подходил к входной двери и пытался ее открыть, но каждый раз он... я находила его в истерике. Видимо в этот раз... из-за того, что меня не было рядом он... он... Я во всем виновата. Нужно было лучше

за ним следить, он ведь мой единственный внук. Как я могла?

Он понимал, что если она узнает, что он сделал когда-то с ее семьей, самым дорогим, что у нее когда-то было, то возненавидит Родиона навсегда. Он этого не хотел.

Здравый смотрел на нее и не знал, как поступить. Что такого сказать, чтобы помочь ей, он не знал. Родион просто положил свою руку на ее ладонь на столе и сжал.

— Марь Ивановна, вы в этом не виноваты. Вы не могли быть рядом с ним все время, — она сжала его руку в ответ. Они замерли в тишине на несколько минут, потом перед глазами Родиона все начало мелькать, и он убрал руку обратно.

— Мне не нужно было уходить, не нужно, — она закрыла глаза ладонями, — когда я говорила ему, что нужно делать, он попросту отмахивался. Я всегда думала, что он просто плюнул на себя. Больше не собирается бороться. Мне было так тяжело с ним после смерти Наташеньки.

У Родиона заболело в груди, и он неосознанно закусил щеку изнутри. Ему сложно было смотреть в глаза Марии Ивановне, понимал, что не достоин даже сидеть на ее кухне. У него появилось сильное желание отомстить сталкеру за убийство Ильи.

— Он ведь боролся в последнее время. Илюша стал общаться с одной девочкой по интернету, и я думала, что все наладиться, потому что он теперь и сам хочет перемен. Не хочет больше так жить. Я так надеялась, что он, наконец, выйдет на улицу, встретится с ней, они поженятся, заведут детишек, — она стала так искренне улыбаться, словно ей все еще есть на что надеяться.

У него еще был шанс на нормальную жизнь. Просто на жизнь.

— Поэтому он пытался тогда выйти из квартиры?

— Да. Это было уже не в первый раз, но всегда один и тот же исход. Он боялся. Начинать биться в истерике. Он столько пережил. Эти люди ходили здесь осматривали все. Было чувство вторжения. Илюше бы это не понравилось. После их хождения здесь никак не могу найти его халат. Он ведь всегда в нем ходил, они же не могли его взять? — она сильно вздохнула, — совсем ничего не помню. Да и много ли я понимаю в их работе.

— Больше ничего не пропало? — Родион напрягся.

— А? Даже не знаю, Родюш. Илюшенька же все прятал от меня. Не хотел, чтобы кто-то к нему в душу лез. И комнату свою оберегал, еле удавалось там уборку делать, да часто я бы и не смогла. Годы уже не те. Все болит.

Они помолчали минуту, Родион отхлебнул чая.

— Они же посмотрели его переписку. Ох, без слез не могу говорить об этом, он написал ей, дождется ли она его, когда он подлечится, хочет ли встретиться с ним. Знаешь, что она ему ответила? Что обязательно дождется, что хочет его увидеть. Мне сказали, что это было единственное не прочтенное сообщение, — она сильно всхлипнула и утерлась салфеткой, Родион уже не мог терпеть этого, глаза щипало, но он сдерживался как мог, — видимо он тогда ради нее решил попробовать выйти и вот, как все случилось...

— Извините, я отойду в ванную комнату умыться, — и резко вскочив со стула, поспешил туда.

В зеркале он увидел голубые глаза, ставшие красными от непролитых слез. Они были наполнены сожалением. Родион стал глубоко дышать, опершись на раковину, и нащупал рукой маленькую баночку, стоящую на бортике раковины. Это были успокоительные. Это не в спешке забыто, видимо, их так часто принимают, что просто отпала необходимость убирать их далеко.

Она страдает.

Тошнота так и подступает к горлу, а живот сжимается в спазмах. Здравый крепче сжимает края раковины.

Вздрагивает от звонка телефона. Достает его из кармана и смотрит на дисплей. Удивительно, как он это чувствует, звоня в самый «подходящий» момент.

Не раньше и не позже.

— Да?

— Привет, я бы хотел тебя попросить...

— Посидеть с Алисой? Извини, но у меня и своих дел полно, — он прикусил язык.

— Ты ведь не работаешь больше.

— Вот я и ищу новую.

— Просто попроси маму, и она все устроит.

— Не буду я ее ни о чем просить и вообще, чего ты мне звонишь? Если ты забыл, то мы вроде как поссорились, или это неважно, когда дело доходит до поручений?

— Прекрати язвить, я ведь извиниться хотел. Я не был прав во всем, что сказал, но сейчас мне нужна твоя помощь. Завтра Алиску не с кем оставить, а нам нужно отлучиться на пару часов. М? Ты же давно ее не видел.

Родион ударил себя ладонью по лицу.

— Хорошо. Во сколько?

— Часиков в десять, хорошо?

— Ладно. Пока.

— До встречи.

Вернувшись в кухню, Родион видит, что Мария Ивановна все еще сидит на том же месте и задумчиво перебирает край своего фартука. Выглядит очень подавлено, но Здравый вынужден ее оставить. Он прокашливается, чтобы она обратила на него внимание.

— Извините, но я уже, наверное, пойду. Спасибо за все. До свидания.

— А, ты уже уходишь? Не поел толком. Ты, наверное, из-за меня? Я тут разговорилась... обо всем. Сидели тут, как на похоронах.

— Нет, что вы, просто мне, правда, уже пора.

— Хорошо, тогда я тебя провожу, — он быстро прошмыгнул в прихожую, незаметно перешагнув место, где лежал Илья, — а как твоя работа?

— А, работа? — Родион почесал голову, — я уволился. Надоело там работать.

— Да ты что? Ну, ты молодой, пора карьере делать.

— Да, что-нибудь придумаю.

Он быстро обулся и, вспомнив, схватил пакет.

Они попрощались еще раз, и Родион не торопясь поднялся до своего этажа. На лестничной клетке опять стоял его сосед со своими просьбами закурить. Здравый даже не думал ему отвечать.

В квартире было так темно и холодно и, решив не нарушать этого, он прошел в спальню и лег на кровать, не раздевшись.

Ночью ему снился кошмар, словно это он лежал весь окровавленный в той прихожей. Вокруг было темно, а рядом стояли сын с матерью. Это были они. Они что-то говорили Родиону, но он ни слова не мог понять. А проснувшись, первым делом побежал в туалет и оставил там все, что съел за день.

После ссоры с мамой в этом доме все кажется еще более далеким и чужим. Он помнит, как они обходились с ним, и не рассчитывал на возобновление хороших отношений. Максиму нужно разъяснить все с отцом, раз он так не понимает.

Когда он пришел домой под вечер, предполагая, что отец будет дома, его ждала только мама. Держалась спокойно и гордо, думала, что Максим ужасно раскаивается за свои слова и пришел с извинениями в ее честь и их семьи. Она уже заведомо считала его проигравшим в этой битве, готовым на все их условия.

— Где отец? Опять до полуночи не появится дома?

— С каких пор тебя это волнует? Тебе плевать на него, на меня тем более. Как я вообще тут поживаю. Только об отце и спрашиваешь, хотя говоришь, что ничего общего с ним иметь не хочешь.

— Я и не хочу, вот только он другого мнения. Поэтому я и пришел, чтобы пресечь посягательства на свою жизнь.

— Так ты не передумал на счет женитьбы? Она хоть из приличной семьи, состоятельной. Не то, что твоя.

— В смысле? Не помню, чтобы посвящал тебя в свои отношения, — Максим был неприятно удивлен. Неужели все то время, пока он думал, что свободен от родительского контроля, они следили за ним?

— А что ты хотел? Я беспокоилась за тебя, мне нужно было присматривать за тобой, чтобы ты глупостей не наделал. И заметь, я не лезла в твои отношения. А теперь вы расстались, поэтому я и предложила другой, более достойный вариант. А ты нос воротишь.

Все что Максим понял из всего разговора это то, что мать абсолютно здорова и готова с боем заткнуть любого, кто ей возразит. И главное это то, что Катька ничего не успела рассказать его родителям о беременности. По крайней мере, матери. Теперь он это точно знал.

— Довожу до твоего сведения, что мне вовсе не по душе твое увлечение по наблюдению за всей моей жизнью. А еще ты должна была понять, что раз я расстался со своей девушкой, то это не просто потому что мы не сошлись характерами, а потому что я сейчас не хочу заводить отношения, тем более такие серьезные, как женитьба. Надеюсь, понятно? — он старался говорить, как можно вежливее, но был вне себя от злости.

— Я не собираюсь сейчас с тобой говорить, когда ты на меня кричишь, и совершенно не собираюсь выслушивать твою максималистскую чушь. Не припомню, чтобы учила тебя так дерзить.

— А я не могу припомнить, чтобы ты меня вообще чему-то учила.

Она была ошарашена, услышав такое. Лицо ее стало мрачным и безжизненным. Максим на секунду успел пожалеть, что не сдержался. Он пристыжено опустил голову, но твердо произнес:

— Я пойду. Нужно увидеться с отцом, — он опять все испортил. Максим не понимал, добился ли этим разговором чего-либо или нет, но на душе стало тяжелее, чем до этого.

Через дорогу от рынка стройматериалов находился осевший старый домик, где был сад с деревьями. Когда-то давно на этом месте они с Родионом проводили много времени. За этим садом ухаживал одинокий старик, который посадила его покойная жена. Он так тщательно все прибирал, что если у него кто-то что-то брал, он всегда это замечал. Казалось, что его главным хобби на сон грядущий было подсчитывать яблоки на деревьях. Тогда они

были еще подростками, и им нравилось его всячески проверять. Это была игра. Например, украсть несколько яблок и остаться незамеченным при этом. А потом сидеть возле его забора и наблюдать за ним. Так они и понимали, что он чего-то недосчитался. А чтобы ему это непросто было понять, порой приходилось набивать полные карманы листьев и прочей мелочи, упавшей с деревьев во время сборов. Один раз они все же попались и тогда бежали дальше, чем видели, на ходу роняя все, что было в руках. Родька тогда порвал свои новые шорты, перелезая через его низенький забор, а на следующий день Максим узнал, что тому сильно досталось от матери.

Было уже поздно, и на рабочих местах никого не было. Максим понял, что отца там вряд ли встретит. Вдалеке на втором этаже свет в его кабинете не горел, так что Воронов младший разозлился и пошел обратно домой.

Настроение было испорчено, и он решил немного расслабиться. Максим не хотел просто сидеть дома, сегодня ему нужно было другое. Он привел себя в порядок как мог. Делать это пришлось не долго, так как гардероб заметно поредел.

В этом клубе он был пару раз и в не самые лучшие периоды своей жизни. Через полчаса он уже прилично выпил, пообщался с несколькими девушками, потом еще выпил, и когда выходил с одной из них из клуба, ему показалось, что промелькнуло знакомое лицо, но, кажется, он обознался. В этот момент Максиму это было не важно, а на то, чтобы вглядываться, у него просто не было сил, перед глазами было все мутно от алкоголя и желания к девушке. Она была молода и наивна, но прекрасно понимала, зачем они едут к ней домой, и если бы он был трезв, то наверняка задумался над тем, что она возможно несовершеннолетняя.

Проснулся Воронов у нее. Было уже утро, ему было очень плохо. Стоило сесть на кровати, как голова начала отбивать неровный ритм бита из клуба, а тошнота не позволяла сделать глубокий вдох. Единственная мысль, которая его утешала, это то, что раз дом ее — она, скорее всего, совершеннолетняя. Другие опровергающие варианты были, но он постарался об этом не думать и, быстро одевшись, пошел домой.

Опять я проблемы на свою голову собираю.

Не хватало еще, чтобы она заявила вдруг на меня.

Проходя мимо большого комода, Максим увидел фотографию в рамке. Это была эта девушка в обнимку с каким-то парнем. Выглядели влюбленно, как настоящая парочка. Лицо его помрачнело. Она видно изменила своему парню с ним.

— Класс! — Воронов хмыкнул и, обернувшись в ее сторону, посмотрел на спящую девушку.

Интересно, какая причина ее заставила? Хотя, какая может быть причина?

Его отец наверняка находил для себя множество причин для своих измен.

Как гадко.

Понял, что сам сейчас практически изменил своей беременной девушке.

Но мы вроде как расстались.

Блондинка с каре завозилась в постели, и ее телефон начал издавать мелодию из какого-то фильма.

Теперь точно пора сваливать отсюда.

На улице было очень морозно, шел мелкий редкий дождь. Он глубоко вдохнул и выдохнул. Глаза от яркого света улицы и холода заслезились.

А это приводит в чувство.

Было только семь утра — непозволительно рано для бодрствования в выходной. Он захотел как можно скорее оказаться в своей постели и забыться еще на пару часиков.

— Ну, и что ты скажешь, а?! — унижительная пощечина досталась молодой девушке.

На детской площадке он заметил, как ругается какая-то парочка. Мужчина лет тридцати пяти с заметными проплешинами и густой бородой кричал на девушку. И ей оказалась та самая сотрудница, что ушла в декрет, постоянно приходила на работу с ребенком и доводила всех своим существованием.

— Да что ты можешь без меня? — он нависал огромной скалой над ней, отчего она казалась еще меньше, — захочу, из моего дома вылетит как миленькая. Думала, я это терпеть буду? Твои выходки?

— Да что я сделала? — коляска стояла возле них, и ребенок пока мирно спал, не обращая внимания на своих родителей, — не можешь посидеть с ребенком пару часов, пока я по делам схожу?

— Интересно, какие такие у тебя могут быть дела? Только деньги мои и тратишь, — он схватил ее за руку и сильно сжал, дернув на себя, — в твои обязанности входит следить за Полиной, а я зарабатываю деньги, чтобы прокормить вас.

— И как думаешь, у тебя это получается? — Максим больше не мог стоять в стороне. Такой бред он нес.

— Чего? — он повернулся в его сторону, отпустив жену, — свали, пока тоже не получил.

— Не стоит так кричать на мать своего ребенка, тут все же детская площадка, — Максим держался изо всех сил, чтобы не врезаться этому уроду.

— Я сказал, вали отсюда, сопляк, без тебя разберусь, что и где мне говорить.

Она смотрела на Максима со страхом и тоской, и он понял, почему она не хотела оставаться дома.

— Я тебе что, непонятно сказал, а?! — он уже замахнулся на Максима, пытаясь припугнуть, но тот и не шелохнулся.

Он вспомнил, как молча терпел ссоры своих родителей. Как это навсегда испортило его отношение к семье, и он не хотел, чтобы это повторилось с этой малышкой, тихо сопевшей в коляске рядом.

— Я записал все на видео, и если ты решишься еще хоть раз, то это быстро окажется в отделении полиции, — он помахал своим телефоном перед лицом мужчины.

— Ах ты говнюк! Да эта дура сама виновата, по ней видно, что она...

Вся выдержка лопнула.

В то время, когда кулак Максима настиг лицо мужчины, Родион уже был на подходе к квартире брата, где вскоре будет лежать на полу кухни в луже крови.

Мужик отлетел и приземлился на задницу. Он схватился за лицо, и вся его спесь была сбита одним ударом.

— Парень, да ты чего?! — Максим сел перед ним на корточки.

— Я тебе сказал, еще раз тронешь ее или ребенка, я приду за тобой, — и жутко улыбнулся.

Она очень хотела ребенка, наверное поэтому они часто гуляли возле детских площадок. Максим раньше никогда не спрашивал почему, но теперь понял. Катя хотела от него ребенка, но не хотела этого говорить, зная, как он настроен.

Максим стоял чуть поодаль, в тени голых деревьев, прислонившись к дому. Они только что поговорили и она, наконец, сдалась. Максим чувствовал подступающий триумф. Это была настоящая победа над проблемами, и он очень гордился собой. А сейчас наблюдал за ней, пока через одну выкуренную сигарету на площадке не появилась Ксюша Здравая. Что она вообще здесь делает? Воронов и не подозревал, что они все еще общаются после универа. От его места укрытия до их лавочки, где они расположились, было не такое большое расстояние, и Максим мог неплохо слышать, о чем они говорят.

Ксюша сегодня выглядела особенно эффектно в красном пальто, из-под которого выглядывало кремовое платье. На ногах были черные полусапожки. Создавалось впечатление, что она пришла с важной встречи, а не была выдернута назойливой подружкой от домашних дел или от похода в ближайший супермаркет за продуктами к обеду.

Просто не верится. Что я делаю? Слежу за бывшей. Позор какой!

Ксюша закинула ногу на ногу и нахмурила лицо. Она всегда была слишком вычурной даже в своих движениях. Резка и элегантна как всегда. Поэтому толпы мужиков велись на эту яркую брюнетку, знавшую себе цену.

— Как это вышло? Что случилось? — видно не стала церемониться. Голос был напряженный с раздражением. Кажется, ее и в правду отвлекли от важных дел, и она решила своим настроением лишний раз показать, что оказала Кате милость своим появлением.

— Просто... просто, понимаешь... Он говорит, что не хочет этого ребенка. Сколько бы я не приходила. Черт! Он сказал мне сделать аборт и бросил меня. Только что! Еще его родители... я не понимаю. Ты же говорила, что... — она чуть ли не заикалась от напора.

— Успокойся! — она одним резким движением отбросила длинные волосы назад, — Вот урод! Ну, кто бы сомневался. А что с родителями?

— Он сказал, что поссорился с ними и что он больше не их сын. Напомнил мне об этом в очередной раз, — Катя сильно всхлипнула, — Родители не хотят его видеть, понимаешь? Он не будет наследовать фирму.

— Что?!

— Он сказал, что никогда этого не хотел, но я только отшучивалась, не воспринимала его слова всерьез. Я думала, что если забеременею, то он передумает. А теперь что? Мы расстались.

— Не велика сейчас потеря. Ты же прекрасно знаешь, где он работает. Он на тебя-то денег жалел, а так бы с ребенком вообще в нищете жили. Какой нормальный мужчина откажется наследовать бизнес отца? Просто не верится. Только время на него зря потратила. Я-то думала... а он на самом деле оказался просто пустышкой...

И кто еще из нас пустышка?

— Но я не хочу так. Не хочу с ним расставаться. Я его...

— Стоп, подожди! Даже если все так, это он сейчас так говорит. Вот родишь, а потом предъявишь ему алименты. Да ему со своей зарплатой деваться будет некуда. Прибежит помощи у родителей просить, а то, может, еще и жениться заставят, у них же тогда внук будет — нормальный наследник. Вот и все. Разве не отлично?

— Я не знаю.

Максим слышал, как она редела от отчаяния, ее голос срывался на вой, и его сердце вдруг сдавило тяжестью.

— Черт! Да что творится?! У самой проблемы, так еще и твои нарисовались, — Ксюша тяжело вздохнула.

— Что... что случилось? У тебя ведь есть уже семья. Муж, ребенок и даже любовник. И все отлично, — не думал, что после такой новости его будут еще волновать чужие проблемы, но Воронов даже не пошевелился, чтобы уйти. Он просто не мог. Даже дышать стал реже, чтобы ничего не пропустить.

— Хмм... Все не так просто. Ты знаешь как мне с Алисой тяжело, хоть я и люблю ее, а муж... Мне просто невыносимо стало его общество, но ничего, скоро все это закончится.

— В смысле? Ты расскажешь ему все?

— Да, наверное. Только не знаю, как Вадик это воспримет. Он говорит, что его все устраивает, ты представляешь? А меня — нет. Меня все задолбало. Каждый раз, когда я начинаю говорить об Алисе... в общем, он не раз дал понять, что она ему не нужна. А теперь я сомневаюсь, что сама нужна ему. Он ведь один раз уже меня бросил, но я ждала, — она тяжело вздохнула, — а ты говоришь у тебя проблемы.

— Еще и Андрей чуть не запалил Вадика. С дуру ляпнула про того больного, что вечнс докучал мне. Так сказать отвела подозрения. А теперь он умер.

— Что? Ты же сама тогда сказала, что он умер в своей квартире, ты-то тут причем? С ним и так было все плохо. Я знала, что когда он бросил учебу, то больше из дома не показывался.

— Да, наверное.

— Андрей, что... опять тебя ударил?

— Что? Нет, нет... — Ксюша резко замолчала, и они уставились друг на друга, — Да.

— Ты же не думаешь, что он мог этого Илью...?

— Да мне-то откуда знать! Задолбал уже! Вечно эта ревность, постоянно меня подозревает.

— Тем более! А что если он тогда пошел к нему?

Боль резко ударила в виски. Это было почти невыносимо. Максим все смотрел в их сторону. Они продолжают о чем-то говорить. Если не слышать этого разговора, то все кажется таким безобидным. Сидят две подруги на детской площадке и мило беседуют, а вокруг играют дети.

Он отошел подальше и вновь закурил. Хуже было только то, ЧТО он услышал от них. Мог ли Максим предполагать, что Андрей на такое способен? Он не знал. После того разговора с Кириллом у него не оставалось сомнений, что это сделал он, но теперь. Почему сейчас появились сомнения.

— А, неважно.

Он захотел позвонить Родиону, чтобы поговорить с ним о своих проблемах. Он хотел выговориться. Но только кому от этого станет легче? Он не знал. Вот только не хотел больше добавлять себе новых тайн. Это звучит даже эгоистично. Ведь если подумать, те остальные секреты так и оставались ими, потому что он знал, что если все вскроется, то легче никому не будет. Максим Воронов только расскажет об их с Катей решении и обо всем, что здесь услышал. И ничего другого к этому рассказу он добавлять не станет. Ничего, что касается прошлого. Ничего, что касалось бы его няни, ее сына или еще кого-то.

Докурив, выкидывает окурочек себе под ноги, и в последний раз обернувшись, замечает, как та старушка теперь стоит, опираясь на другую лавочку и гораздо ближе, чем прежде. Подозрительно смотрит то на него, то на Ксюшу с Катей, и он запоздало понимает, что она все видела. Теперь точно пора сваливать отсюда.

Его брат ездил в автосервис и не знал, что Родион у них дома, а Ксюша опять куда-то ушла. Говорить отказалась, показывая это высоко поднятой головой и надменным молчанием. Собственно это было не его дело, так что ладно. Хотя Родион и подозревал, что она у очередного мужика, даже если доказательств не было.

Родион Здравый внезапно осознал, что хотел больше времени проводить с Алисой, так как чувствовал больше родства с ней (она в силу возраста еще ни в чем его не обвиняла). Так что когда в субботу утром позвонила Ксюша, у него не было причин отказывать. Он понял, что ему совершенно наплевать, что она теперь подумает, что на нем модно ездить без остановок. А вообще Родион просто устал ждать, когда же Андрей разглядит, что за женщина с ним рядом.

Забавно, что ни у одного из родителей нет времени на своего ребенка в выходной день. У каждого были свои дела. Как бы Андрей не говорил, что любит жену и дочку, он все чаще хотел провести свободное время вдали от них. Словно ему все приелось.

Погода сегодня была отличной, хоть сейчас и середина октября. Было на удивление безветренно и в меру прохладно. Даже солнце иногда пробивалось, но когда он пришел сюда сегодня, вдруг ощутил беспокойство. Казалось, сам дом был проклят для него, как бы он ни пытался отогнать от себя это неприятное ощущение. Он не мог понять от чего это, и из-за этого становилось хуже на душе. Словно вот-вот что-то произойдет, но все то время, что Родион здесь находится, было тихо и спокойно, за исключением его неугомонной племянницы. Всего минут десять или пятнадцать назад они играли в «догонялки», а теперь Алиса спокойно сидит и рисует, в то время как он все еще не может привести дыхание в норму после этих забегов по квартире.

Даже не хочу думать, что все дело в моем возрасте. Двадцать четыре года, это тебе не восемнадцать, но и не шестьдесят.

— Смотри, смотри, — Алиса протягивает ему рисунок.

На нем изображен дом и семья. Она, папа, мама и Родион, которого она держит за руку с одной стороны, а мать с другой. Все выполнено в ярких цветах. Такой наивный детский и светлый рисунок.

— Можно его забрать себе?

— Тебе понравилось? — ее глаза заблестели.

— Конечно!

— Тогда я его тебе дарю. Я сейчас еще нарисую.

— Хорошо. Только что-нибудь другое, — Родион погладил ее по голове.

Он еще раз взглянул на детский шедевр.

Похоже, что отец этого семейства я.

Почему она не нарисовала, как держит Андрея за руку?

Родиону было лестно, но он понимал, что это странно.

Нужно спрятать это, пока брат не увидел, а то мало ли какие вопросы у него появятся.

Пора научиться сглаживать углы.

Они играли в детской. Алиса легла на пол и сосредоточенно продолжила рисовать, а он сидел рядом. На ней сегодня надето очень милое светло-розовое платье с фатином и блестками, а в пышных волосах виднелась небольшая корона.

Маленькая принцесса, для которой каждый день праздник.

Алиса вдруг замерла с карандашом в руке, явно обдумывая, как все будет выглядеть. Тут

она подняла вверх свободную руку и стала накручивать кучерявую прядь волос на маленький пальчик. Это был незначительный жест, но Родиону стало неприятно. Она копировала поведение своей матери. Желудок его скрутило. Она не должна себя так вести. Здравый не хотел, чтобы она стала такой же, как ее мать. Но в любом случае его никто не будет слушать.

Я ей не отец.

Как бы Родиону это не нравилось, он не тот человек, который должен им указывать, как воспитывать ребенка. Он это прекрасно понимал, они тоже. Что еще ужаснее, так это то, что она может повторить ее судьбу. Родион взгляделся в девочку и будто только сейчас осознал, как сильно внешне она похожа на Ксюшу. Те же сильно вьющиеся волосы, тот же нос со вздернутым кончиком. Только взгляд еще чистый.

— Дядя Родя, — она потрясла его за край кофты, пока он не пришел в себя, — давай поиграем в прятки?

— А?

Не став дожидаться его согласия, она тут же вскочила на ноги.

— Ты водишь!

Он начал на автомате заторможено считать. В комнате ее уже не было. Родион прокашлялся и стал считать громче.

Нашлась Алиса под кроватью в родительской спальне, в которую он специально заглянул в последнюю очередь. Родион помнит, как им с братом вход в спальню матери всегда был закрыт, и только иногда удавалось туда заглянуть, если дверь была приоткрыта. Она же спокойно сюда бежит, если ей вдруг вздумается.

— Нашел, — она, не мешкая, выползла оттуда со светящейся улыбкой, вся растрепанная. Я улыбнулся в ответ.

— Теперь ты иди прячься, — она подтолкнула меня своими маленькими ладошками, отвернулась и, закрыв ладошками лицо, стала считать. Было видно, что ей больше нравилось искать, нежели прятаться. Наверное, потому что она была подвижным ребенком, и для нее было пыткой долго находиться на одном месте. Ну, или она тот ребенок, который любит править балом. Когда они были детьми обычно этой «участи» никто не хотел.

Он поспешил. Свое убежище нашел в ванной комнате. Осторожно прикрыв за собой дверь, сел на пол и стал прислушиваться. Только спустя мгновение Родион осознал, что сидит в темноте. Но так даже лучше.

— ДЕСЯТЬ! Я иду искать! — был слышен ее топот за дверью. Она резво перебежала из одного помещения в другое и громко смеялась. Он знал, что она найдет его быстро. В их квартире было не так много места.

Странно, темноты он никогда не боялся, но сейчас она подействовала на него иначе. Он не заметил, как она подошла к двери его укрытия и стала по ней стучать.

Я запер дверь.

Она поняла, что я здесь.

— Ты здесь, ты здесь! Я тебя нашла. Открывай! — и стала играть со светом. Все мелькало у него перед глазами.

Родион зажмурил глаза, пытаясь спрятаться от этого. Сердце вдруг быстро забилося, нервная дрожь разлилась по всему телу. Эта ситуация сейчас выглядела зловеще и больше не напоминала невинную игру.

Этот смех. Ее смех превратился в мальчишеский. Их было двое. Он и Максим. И крики и мольбы ее выпустить. Няню. Мать Ильи, что так не вовремя вторглась в их жизнь. Родион

глота́л ртом воздух и не мог наддышаться. Из глаз брызнули слезы. Ей было темно и страшно. Они оба это знали, поэтому не отпускали ее. Им было просто весело.

Они хотели ее проучить.

Родион стал отползать ближе к ванне. Пытался забиться в угол и рукой нащупал что-то мягкое. Это было под ванной. Какая-то ткань. Он сильно вцепился в нее, как за единственное спасение. В носу щипало, и Здравый все еще слышал, как его зовут. Все смешалось. Когда свет прекратил мелькать, и настала темнота он, наконец, разобрал голос Алисы. Она беспокоилась. Родион медленно подполз к двери и открыл ее трясущимися руками.

— Ты плачешь? Что-то болит? Ты обиделся на меня?

Он не мог ответить. Продолжал сидеть на полу и смотреть на Алису пустым взглядом. В ее руках зажата игрушка. Она очень обеспокоена.

— Все в порядке, — Родион уже почти убедил себя в этом, пока не наткнулся взглядом на тряпку, что держал в руках. Это был старый халат. И на рукаве было давно застывшее пятно. Он застыл. Это был не просто халат, и вовсе не принадлежал никому из этой квартиры. Но он знал настоящего хозяина этой вещи.

Илья?

«А я все никак не могу найти его халат. Даже не знаю, куда он мог пропасть, он ведь ходил в нем, не снимая, как бы я его ни ругала»

Это было насмехательством над его нервной системой. Резко бросив его на пол возле ванной, увидел, как Алиса поменялась в лице. Она совсем не понимала, что происходит.

— С дядей все хорошо, слышишь? Все нормально.

— Правда? Ты не обиделся на меня?

— Конечно нет. Дядя просто темноты боится. Но сейчас все нормально, — стал он ее успокаивать, взяв за плечи, но потом резко отдернул руки. Зашел в ванную и стал сильно намыливать их, лихорадочно думая, что делать дальше.

— Не трогай! — кричит, когда Алиса с любопытством тянется к этой вещи. Она замерла и насторожилась. Родион весь на взводе. В голове куча мыслей, одна хуже другой. Было ужасно предполагать подобное. Если бы это была кровь Андрея, то зачем прятать халат? Если это кровь Ильи, то ведь можно было просто выкинуть эту вещь или еще что-нибудь с ней сделать. Зачем оставлять ее в своей квартире? Это была какая-то бессмыслица.

Но кто из них?

Ксюша или...

Нет!

Но он не был уверен ни в чем. Успел сто раз их оправдать и обвинить по новой. Теперь Родион хотел услышать, что они скажут. Я должен во всем разобраться.

Волна понимания накатывала с ужасающей скоростью. Его опять начинает подташнивать. Он не знает, сколько у них осталось времени до их возвращения. Родион быстро собрал Алису и повел в соседнюю квартиру к Ирине. Той самой, что всегда помогала. Пусть ребенок сейчас побудет у нее. Это правильно.

— А куда мы идем? Дядь Родь, куда мы...

— Подожди немного, и тогда дядя тебе все расскажет, — они спускались на два этажа ниже, пока не оказались у ее квартиры.

Малышка совсем не понимала, что происходит, но нет времени объяснять. Родион думал, что напугал ее, но ему тоже не по себе, и от этого он не мог нормально что-то

объяснить и успокоить ребенка. Не сейчас, когда и сам не знает, что делать и как дальше поступить.

Дрожащей рукой сжимает маленькую ладошку и думает, что слишком долго никто не открывает. Начинает нервничать еще больше, ведь если никто не откроет сейчас, то он не знал, куда еще отвести Алису. Подальше от этой квартиры.

Дверь распаивается, и Здравый облегченно выдыхает, хотя еще рано. Соседка снизу, Ирина Жалина, на вид лет тридцати, но уже успевшая обзавестись тремя детьми, смотрит на него с подозрением, но на его просьбу соглашается.

— Я заберу еще через пару часов.

— Хорошо, а где Ксюша с мужем? — она запахнула сильнее домашний халат и сжала руку девочки. Родиону стало дурно.

— Они... Они сейчас заняты, но скоро придут. Вы не беспокойтесь, — она все еще была растеряна. А Алиса вся сжалась и переминалась с ноги на ногу.

— Дядь Родь, а ты куда? Куда пойдешь? Ты уходишь? — на ее глаза наворачивались слезы, и его сердце сжалось. Он не мог видеть ее такой.

Сев на корточки, он сжал ее в своих объятиях и поцеловал в макушку светлых пшеничных волос.

— Все хорошо, слышишь? Посидишь немного с тетей Ирой, а потом я тебя заберу.

— Правда?

— Конечно! Я свернусь очень быстро. Пообещай, что не будешь плакать.

— Хорошо. Я не буду.

— Вот и умничка, — он отпустил ее ручку и поднялся обратно по лестнице.

Когда он подошел к квартире, увидел, что дверь открыта, а в прихожей стоит Ксюша.

Родион громко выдохнул.

Успел.

Подойдя к ней, замечает, что забыл обуться и стоит в домашних тапочках. Она оборачивается к нему и спрашивает:

— Что здесь происходит, и почему дверь нараспашку?

Он ничего не отвечает, проходит мимо нее и закрывает дверь.

Андрей стоит над этим окровавленным зеленым халатом и поднимает на Родиона взгляд. На секунду ему показалось, что в этих глазах все вопросы на его ответы, но он не мог спокойно их принять. Не мог выдержать тот испуг, который в них отражался.

— Эй! Я с тобой разговариваю! Где Алиса я спрашиваю? — она неприятно сжимала его плечо, и Родион не мог поверить, что стоит сейчас рядом с ними. Что все это происходит.

Внутренне он весь содрогнулся. Андрей все еще смотрит на него в упор.

— Где моя дочь? — его голос на удивление спокойный, будто ничего сейчас не происходит. Будто в тот день ничего не произошло.

Перед глазами мелькали все моменты из их совместной жизни. Как Катя затевала подозрительные разговоры о его отце и компании. Как часто ей кто-то звонил, и она срывалась на встречу.

Боже, какой я дурак.

Это еще тогда было подозрительно, почему он не обращал на это должное внимание? Почему был таким беспечным? А теперь что?

Теперь она беременна, и это, оказывается, мой ребенок.

Что теперь делать?

Я же не знал. Я думал, что она меня обманывает.

Да и вообще, она сама сказала, что залетела от Максима, потому что хотела получить деньги от компании. Он сам ей вовсе не нужен, как и ребенок.

А мне? Мне нужен этот ребенок?

Его накрыло волной стыда. Он так пытался отречься от этого, что не задумывался о том, что будет с ребенком. Что Катя сама собирается с этим делать? Она ведь никогда Максиму ничего не говорила, никогда с ним не советовалась. Но умудрилась выставить его бездушным сухарем, которого не волнуют ее дела. Она ему ничего не говорила, а он и не утруждался в расспросах.

Мы оба виноваты в том, что между нами произошло.

До него донеслось их тихое хихиканье, и этот смех отдал ему болью в сердце.

— Поверить не могу.

Они ведь только что говорили о таких вещах, плакали, а теперь и думать об этом забыли. Как им только не стыдно. Вокруг них полно детей, гуляющих на детской площадке.

Воронов вдруг вспомнил, как смотрел с ней фильмы и говорил, что герои тупые, если не верят, что можно полюбить человека, даже если изначально у тебя были другие цели в его отношении. Болели за героев, за их счастье. Он был в этом искренен, хоть и не всегда любил признавать, что любит смотреть слезливые фильмы.

Максим ведь тоже учился вместе с Ксенией и Ильей. Он ведь все слышал. Как ее подружки, одной из которых была Катя, обсуждали, как пошутить над ней. Ксюша тогда начала встречаться с парнем, который нравился одной из них. Отбила, можно сказать. Максим слышал, как они придумали про эти фотографии. Как они просто взяли и подставили ее, а потом же наплели, что это все Илья сделал. Решил, таким образом, ей отомстить. А потом появились и его фотографии, и о нем вновь начали говорить. Все повторилось. О ней все забыли. Отлично сработано.

Возможно, еще из-за этого Катя ему и понравилась. Еще больше, когда сказала, что хочет получить высшее и продолжила учиться. Он восхищался ее стремлениями, а теперь казалось, что все рухнуло.

Когда он докурил, Ксюша с кем-то разговаривала по телефону, а потом появился ее муж, и после небольшой ссоры они уехали.

В этот момент Воронов посчитал, что это удачный момент, чтобы разобраться со своей бывшей подружкой. Он уже встал с земли и сделал шаг ей на встречу, когда понял, что возможно они поехали к себе домой.

Какой ужас. Из-за собственных переживаний забыл, о чем тут вообще речь была. Илья. Живот скрутило спазмом от ощущения чего-то плохого.

Почему она так нервничала, когда говорила про смерть соседа. Что ее могло так взволновать?

Всю дорогу до дома он пытался дозвониться до Родиона. Потом просто прислал сообщение. А потом еще одно. Он хотел встретиться с другом и рассказать о своих подозрениях, но не успел.

— Я отвел ее к соседке снизу. Думаю, нам надо... — он кивает, и Родион замолкает.

— В смысле, к этой Ирке? — на нее по-прежнему никто из них не обращал внимания.

Нужно действовать осторожно.

— Андрей, что за дрянь у тебя под ногами? — он молчит, и тогда она обращается к Родиону, — это ты что ли притащил? Что происходит?

— Ксюш, сделай нам всем чаю, на улице было холодно.

— Я тебе кто? Ха!

— Ты знаешь, я дважды не повторяю, — Андрей прошипел это с такой яростью, что сжав губы, она просто разулась и прошла на кухню.

Родион запоздало вспомнил, что телефон остался в детской, и направился в спальню, пытаясь унять дрожь.

Он ведь не понял, что я знаю, чья эта вещь?

Хватает телефон с пола и видит пропущенные звонки от Макса и два сообщения.

«Я только что слышал, как Ксюша разговаривала в сквере со своей подругой. Помнишь, ты говорил про несчастный случай с соседом? Возможно, все совсем не так. Нам нужно поговорить. Перезвони».

«Ответь, пожалуйста».

Родион успевает написать несколько слов в ответ (первое, что пришло в голову), когда за его спиной возникает брат.

— Что ты делаешь? — он вздрогнул от его голоса. Быстро повернулся и попытался ему улыбнуться.

— Ничего.

— Отдай мне телефон, — он протянул руку и требовательно посмотрел на Родиона. В этот момент он сам почувствовал себя младшим братом.

— Зачем? — он все еще пытался улыбаться, делая из себя дурачка.

— Давай просто поговорим, — Родион на это только поджал губы.

Он не хотел так просто сдаваться, но и злить его тоже было нельзя. Это был тупик. Родион не знал, как поступить.

Андрей сделал шаг вперед, и Родион почувствовал запах спиртного. Совсем немного, что не облегчало ситуацию. Как глупо было оставаться здесь и думать, что можно лезть в их жизнь. Так ли ему нужна эта правда?

Идиот.

Он попытался убрать телефон в карман, но Андрей резко выхватил телефон у него из рук и с размаху разбил его об пол детской, отчего Родион подпрыгнул на месте.

— Не надо меня злить, я всего лишь хочу поговорить.

Он приказал ему идти в кухню, где на столе уже стояли три кружки горячего чая.

Родион опустил на стул, что ближе к выходу. Андрей сидел напротив него, Ксюша же предпочла постоять в стороне, облокотившись о столешницу. Она с силой прижала руки к груди и не шевелилась.

— Андрей, что происходит? Что это за тряпка в прихожей? Что ты молчишь?! — резкий стук по столу оборвал ее.

— Ты можешь помолчать?

— Ч-что? Что ты сказал? Не с-смей повышать на меня свой голос! Я вообще н-не понимаю, что происходит? — она вдруг стала заикаться, и вся ее спесь, которая так раздражала Родиона, испарилась. Теперь он видел лишь запуганную женщину, пытавшуюся оставить себе хоть каплю гордости.

— Я сказал, замолчи! — он резко поднялся и замахнулся рукой. Ксюша вскрикнула и сжалась, но его рука так и осталась в воздухе.

Родион немного приподнялся на стуле, и Андрей перевел на него взгляд. Он застыл и сел обратно.

Андрей отвернулся, обращаясь к жене, — Просто молчи, когда я говорю.

Она сжалась еще сильнее, но кивнула.

В голове призрачно маячила фраза, брошенная другом в далеком детстве: «То, что у меня есть мать и отец, не значит, что у меня есть семья. Семья — это не просто набор людей. Понимаешь?»

Понимаю. Теперь понимаю.

Раньше Родион завидовал Максиму и никак не мог понять, чем тот недоволен, но в этой ситуации ему вдруг вспомнилась эта фраза. Может ли это означать, что Здравый, наконец, понял ее значение в полной мере?

Сейчас он находится в квартире с людьми, которых давно знает, и никак не может унять дрожь. Внутри него вспыхивает огонь понимания. Он распространяется по всему телу. Родион хочет, чтобы он исчез, чтобы все вернулось назад, и он перестал смотреть на них, словно они чужие.

Хочу перестать бояться брата.

В носу защипало. Он не хотел так позорно расплакаться. Он должен быть сильным.

Родион перевел взгляд в коридор, где до сих пор лежало доказательство ужасного преступления. Потрепанный халат, скомканный и перепачканный в крови, но уже никто не обращал на него внимания, словно это в порядке вещей.

Словно после этого нам есть еще, о чем говорить.

Больше они не выглядят как семья. Одна — обманщица и изменщица, другой — изверг и... убийца? Кто они теперь оба? Их маленькая дочь еще ничего этого не знает. Родион крепче сжимаю кружку в руке.

Андрей возвращается на место. И ставит локоть на стол. Он захламлен всяким мусором после завтрака. Никто так и не удосужился здесь прибраться.

— Андрей, я никому про Илью не скажу, правда...

— Да ты что? Это... это ничего не значит, — он внимательно посмотрел на Родиона и тот напрягся, — что ты так смотришь на меня? Боишься? Меня?

— Н-нет.

Ксюша неожиданно подает голос:

— Так это правда. Ты... так ты и правда убил его, так? — слезы полились из ее зеленых глаз, — Это его? — Ксюша неопределенно дернула головой в сторону коридора. Андрей нахмурился.

— О ком ты?

— Не строй из себя дурачка! Ильи этого. Это был ты? Скажи правду, — последнее было сказано очень тихо. Он смотрел то на нее, то на меня и молчал.

— Сегодня, когда я забирал машину из сервиса, мне пришло от неизвестного одно очень увлекательное видео. Помнишь, как ты всех уверяла, что тот пацан на самом деле сам за тобой таскается. Кирилл этот. Тц, — он скривил губы и отвернулся от них, — Как я понял, видео снял Илья Дроздин, и оставил себе на память. Представляю, как он развлекался с ним.

— Андрей!

— Замолчи, шлюха! Ты ведь всегда ей была, да? На том видео ты трахалась с ним прямо в аудитории. А потом сказала, что Кирилл тебя преследует.

А потом с моей помощью (когда я ей поверил), его уперли в больницу, подумал Родион.

— Что ты такая недовольная? Не веришь? Показать тебе то, что я видел?

— Андрей, прекрати! Все не так!

— А как?! Когда пару месяцев назад тебе на телефон пришло сообщение с признанием в любви, что ты мне сказала? Что это гребаный Илья! В покое тебя никак не оставит после Кирилла. Тот-то в больничку к психам загремел. И я поверил! Я же помню, какая ты была популярная в универе.

Ксюшу всю трясло, а слезы текли не переставая.

— И п-поэтому ты решил его убить? Ты чокнутый?!

— Я не хотел, — он не отрицал этого, голос его был тихий и охрипший.

Родион не знал, что почувствовал после этого признания.

— Ты вынудила меня пойти к нему. Я был зол. Я думал, что ты с ним все же встречаешься втайне от меня.

— Ты себя слышишь? Я тебя вынудила? Да что ты знаешь вообще?! — лицо ее было красным, но она не переставала говорить, — Ты так ужасен. Ты ведь уже тогда намеревался с ним расправиться.

— НЕТ! Я же... Ты же всегда мне изменяла. Даже сейчас, верно? Родион мне все рассказал, да я и сам догадывался.

Она скривила свое лицо и посмотрела на Родиона. Он тут же почувствовал приступ вины и сожалений, что полез в их семью. Думал же, как лучше.

— Когда я узнал, что ты гуляешь от меня, я был просто в ужасном состоянии. Черт. Да я убить тебя хотел, — Родион чувствовал, как что-то надламывается в голосе Андрея, — Я же звонил тебе.

Он теперь тоже смотрел на Родиона, которому стало дурно от такого внимания. Будто он и был виноват во всем.

— Я только хотел, чтобы ты меня выслушал, хотел спросить твоего совета, но ты как всегда был недоступен. Ты мне просто не ответил! Как так? Ты как всегда посчитал, что я недостойн твоего внимания. Что мне оставалось делать? Что?! — Родион от страха вцепился одной рукой в горячую чашку, будто это могло ему помочь, — Тогда я просто пошел к нему домой, хотел поговорить, хотел, чтобы он оставил ее в покое и... Так вышло, понимаешь? Я не собирался с ним ничего делать. А теперь из-за какого-то задохлого неудачника ты приходишь и считаешь меня убийцей, рушишь мою семью. Где ты был раньше, а? Когда я так нуждался в тебе?! — последнюю фразу Андрей со злобой прошипел ему уже в лицо.

— Не надо винить меня в изменах своей жены. Если ты до недавних пор не знал о ее вранье, я в этом не виноват. Да, я не ответил на твои звонки, но если бы вы с матерью на пару не третировали меня постоянно, я бы с большим рвением общался с вами.

Возле раковины всхлипывала Ксюша. Так что всю ядовитую обиду и ненависть он сосредоточил на своем брате.

— Святого из себя строишь, Родик? Если быть честным до конца, ты ведь тоже не такой невинный, как хочешь показать, так ведь? Помнишь ту милую няню, которая когда-то работала в доме твоего замечательного дружка? Я как-то пошел за вами. Долго сидел в кустах на улице и через небольшое окно наблюдал за вами. То, что вы сделали с ней и, думаю, делали еще до этого...

К горлу Родиона тут же подкатил комок, и начало тошнить. Все, что он сейчас сказал, было слишком, но Андрей знал.

И никогда не говорил мне, что он видел.

Он всегда продолжал быть мне старшим братом, которого не переставали ставить в пример, из-за чего Родион раз за разом от него отмахивался. Теперь ему кажется, что он действительно виноват в том, что Андрей стал таким. Родион опустил голову, и глаза неприятно защищало.

Это я. Я ведь действительно мог ответить на его звонок в тот день.

Но изменило бы это что-нибудь?

— Я не собирался рушить твою семью, я просто пытаюсь решить проблему, понять, что теперь делать.

— Мне плевать, что ты думаешь, ты просто сейчас уйдешь из нашего дома и никогда никому ничего не скажешь. Будешь до конца своей гребаной жизни молчать, как это делал я. Отплатишь мне тем же. И вот тогда проблем точно больше не будет, — Андрей сильно прогнулся к нему через стол и сжал в руке небольшой ножик, которым Родион мазал Алисе масло на хлеб, и до этого спокойно лежавший на столе безобидным предметом быта, который Родион по собственной беспечности оставил здесь. О раковину что-то звонко ударило.

— Хватит! Ты чертов больной ублюдок. Ты убил его, а теперь угрожаешь. О какой семье ты вообще говоришь? Ее никогда не было, — она начала истерить и дергаться. В ее глазах Родион увидел отчаяние и злость вперемешку с чем-то еще, — Да, я тебе изменяла и не раз. Потому что я тебя не люблю, и никогда не любила. Но я правда пыталась!

За окном сгустились тучи, и начал накрапывать дождь. В кухне вмиг стало темно.

— Когда ты начал что-то подозревать, я придумала эту историю со старым школьным поклонником, и когда ты спросил, кто он, единственную кого вспомнила, был этот неудачник, которого я когда-то знала. А ты идиот повелся. Ты убил невинного человека и теперь заливаешь про семью.

Родион удивился, когда понял, что еще за чувство у нее было. Сожаление, раскаяние? Она чувствовала вину за то, что по ее вине погиб человек.

— Ненавижу тебя, и если хочешь знать, то Алиска не твоя дочь! — Родион сильно вздрогнул от вида своего брата. Не передать словами как он на нее посмотрел. Он не верил. Кружка, которую Родион так сильно сжимал, упала на пол и залила ему ноги, но они даже не обратили на это никакого внимания. И вновь как в детстве кухня будто уменьшилась и стала для него тесной и неудобной.

— Что? Алиса не моя дочь? Как... — он не мог найти слов. Выражение лица менялось так быстро, что Родион не выдержал и опустил голову вниз, упершись взглядом в свои залитые чаем носки.

Тем временем Андрея начало трясти от ярости, челюсть сжималась. Он еще сильнее вцепился в рукоять кухонного ножа. Ксюша это видела, но ее это не остановило.

— Да. Я тогда встречалась с одним парнем и забеременела от него, но он бросил меня и сказал, что ему не нужен этот ребенок. Я тогда была так разбита, а тут ты подвернулся со своими признаниями, что хочешь создать со мной семью. Это было так кстати.

Родион вновь поднял взгляд на них.

— Вы меня тогда все так достали! Все эти ухаживания, признания, а стоило дойти до чего-то серьезного, так сразу не при делах. Я так старалась изобразить счастье, чтобы ты мне поверил, ну, а дальше все было еще проще. Я просто не хотела оставаться одна, но я никогда тебя не любила и не хотела с тобой жить... Теперь понимаю, что совершила ошибку. Нужно было тогда избавиться от ребенка, чтобы не приходилось каждый день терпеть твою

отвратительную рожу и постоянное насилие. А теперь ты еще и убийца! Да я просто пойду и заявлю в полицию, что ты...

Родион увидел, как Андрей подлетел к Ксюше и хотел вмешаться. Но оказавшись рядом, брат задел его ладонь ножом, сильно порезав, и Родион отлетел назад от боли, упав на стул. Схватившись за руку, он начал дрожать.

— Блять, — ноги его ослабели. Хотелось кричать, чтобы все это прекратилось, но изо рта не доносилось ни звука.

Он мог только безмолвно наблюдать, как Андрей хватает ее одной рукой за плечо и трясет, называет последней шлюхой, как отвешивает ей звонкую пощечину, и она падает. Но его это не останавливает. Он хочет закончить начатое.

Андрей падает на колени, нависая над ней. Ксюша пытается руками достать до его лица, но ничего не выходит, он вонзает в ее грудь нож до упора, и ее глаза расширяются. Лицо Ксюши искажается в приступе боли, жалобный всхлип, и она быстро затихает, но еще дышит.

Ей этого было достаточно, но не ему. Он тягуче-медленно достает из нее нож и с размаху вонзает его снова, и так раз за разом. Кажется, он просто пытается распробовать эти ощущения. Что с ним будет, когда он придет в себя и поймет, что сделал?

Родион только парализованно смотрел на это действие, насильно получив билет в первом ряду. Было тошно, но он не отворачивался.

— Андрей, Андрей ... — шептал Родион имя брата с широко раскрытыми глазами. У него был шок.

Весь пол заливают ее кровью, кровью женщины, чья дочь сейчас находится на пару этажей ниже и ничего не подозревает. Алиса еще не поняла, почему ее увели, и хочет вернуться обратно. Но возвращаться уже некуда. Это отрезвило Родиона, и он почувствовал, как носки пропитываются этой кровью, которая добралась до него и смешалась с разлитым недавно чаем.

А если он и меня убьет?

Никогда он еще так не боялся собственного брата и не думал, что придется.

Аккуратно опустившись на пол задев коленями осколки чашки, он двинулся в сторону Андрея. Тот уже ничего не делает, нож торчит из ее тела, а он сидит рядом и тяжело дышит. Подползая ближе к нему, рука Родиона зависает над его плечом, так и не коснувшись его. Андрей заметил его, взгляд был растерянный. Они не знают, что сказать друг другу, но этого и не требуется. На лице старшего мелькает множество мыслей, которые с этого момента еще долго не оставят его в покое. Проходит несколько бесконечных секунд в тишине, когда он переводит взгляд на ее тело. К нему приходит осознание произошедшего, и до Родиона доносится исходящий от него непонятный задушенный и скрипящий вой. Из глаз потекли слезы. Их было много. У Родиона тоже потекла слеза. Он чувствовал, как она разъедает кожу на щеке.

— Что я сделал? — голос Андрея в образовавшейся тишине кухни был оглушающим.

Из глубин квартиры послышалась мелодия телефона.

Это мой шанс.

Родион поворачивается в сторону выхода и пытается по-тихому уползти.

Я больше не хочу оставаться с ним наедине.

Андрей замечает его движения и резко хватается за лодыжку, тянет на себя так, что Родион сильно вздрагивает, когда чувствует, что оказался в луже нескончаемой крови,

которой, кажется, стало еще больше.

Он переворачивает его к себе лицом и пытается усадить. Тело Здорового младшего уже давно не слушается, сил нет, чтобы сопротивляться. Брат хватает его за плечи и начинает трясти так же, как и свою жену минутами ранее. Родион начинает кричать.

— Заткнись, заткнись! Ничего не случилось, слышишь?

Я уже ничего не понимаю. Знаю только, что мне нужно добраться до телефона.

— Ты же все видел. Ты ведь понимаешь, что я не виноват, ни в чем не виноват. Она сама! ТЫ ЖЕ ВИДЕЛ! Это все случайность. Помоги мне, помоги, — руки старшего брат переместились на лицо Родиона, и в нос ударил резкий запах крови. Его начало лихорадить. Младший схватил его за рубашку и попытался отодвинуть от себя, но тот застыл на месте.

Андрей бредил. Взгляд его был пустой, он уже смотрел сквозь него. Резко отодвинулся и вновь уставился на обезображенный труп своей жены.

Родион поднял руку к своему лицу, дотронулся, а потом взглянул на нее. На ней осталась кровь, а также на его лице, ногах и одежде. Он был пропитан ей насквозь. Со стороны он услышал смех и испугался. Потом понял, что это он сам смеется.

На мне кровь, чужая кровь!

Дыши, дыши!

Успокоить себя не получалось, на глазах вновь выступили слезы. Он все пытался лихорадочно оттереть свою руку об одежду.

Это не может быть мой брат, не может. Он не мог никого убить, нет! Со мной все в порядке, с моей семьей все в порядке.

— Это не со мной происходит. Нет!

Родион начал заваливаться на бок, когда его кто-то схватил. Перед собой он едва различал черты лица своего лучшего друга. Он начал смеяться еще громче над его обеспокоенным лицом. Максим что-то говорил, но из-за шума в ушах Родион ничего не разобрал. Перед падением в темноту последнее, что он почувствовал, как крепко он что-то сжимает в руке.

ГЛАВА 5 В ЛОГОВЕ

Он напился, потому что осознал безысходность своего положения. В этой жизни больше не осталось радости. Не осталось надежды. У него больше нет выбора, если он вообще когда-то был. Не нужно было изначально давать помыкать собой. Это расплата за его вранье, за то, что не умеет жить честно, за то, что решил ухватиться за небольшую возможность быть счастливым, ничего не делая.

Он-то думал, что все это закончилось еще тогда, но этот кошмар и не думал его оставлять. Что еще должно произойти? Родион лежал на сыром асфальте в подворотне возле бара и смотрел на ночное небо. Валяться на земле очень холодно, особенно в такое позднее время. Та одежда, что была на нем, не очень-то грела.

О чем я думал, одеваясь так? Наверное, хотел и в этот раз выглядеть по-другому, а теперь приходит сожаление. Надо же, какой я дурак.

— Дууурааак, — протягивает Здравый, уже неуверенный в смысле своей фамилии, и тут же задыхается в смехе.

Так тяжело дышать. Каждый вдох идет со скрипом. Легкие что-то сдавило и не дает

сделать глубокий вдох, как бы он ни пытался поймать ртом побольше морозного воздуха. Его взгляд скользит вдоль черной обшарпанной стены, неподалеку лежит мусор. Кажется, от них исходит это зловонье, а не из души Родиона, как он думал. Хотя он и так уже весь пропитался этим запахом. И как он здесь оказался? Последние события выбили его из шаткого нервного состояния, сделав еще хуже.

Несколько дней назад ему пришлось выметаться из съемной квартиры, а так как идти было некуда, он переехал к своему другу. На время. Скоро и отсюда придется уйти, у Максима своя жизнь, и он не хочет приносить в жертву очередного человека, оттягивая неизбежное. Родиону нужно время. И он знает, что однажды Кириллу это надоеет, и он придет за ним.

Ксюшу похоронили они с матерью, пока ведется следствие по делу Андрея. Оно немного затянулось. Поначалу он ничего не отрицал, да и показания Родиона говорили сами за себя, но потом, узнав о показаниях брата против него, Андрей начал отрицать свою причастность к убийству. Он не понимал, что и Родиону это давалось тяжело, он не хотел свидетельствовать против родного брата, но понимал, что так нужно.

А когда дошла очередь решать судьбу Алисы, то вот тогда-то все и рухнуло.

— Я не приму этого ребенка. То, что Андрей сказал, было правдой. Она не его дочь, а эта потаскуха обманывала нас все это время. Испортила жизнь моему мальчику. А ты... Как ты мог так поступить? Со своим братом.

— А как я мог соврать? Даже если бы я промолчал, думаешь, они бы не нашли доказательства, которые были по всей кухне? Серьезно?! Да меня бы могли обвинить во лжесвидетельствовании. Или за меня ты бы не переживала, а? А что теперь делать с Алисой?

— Я тебе уже сказала, я не собираюсь оформлять опеку над ней. Мало ли от кого она нагулянная. Этого еще мне не хватало. Она не нашей крови.

— Да что ты несешь, — Родион скривился в презрении на мать, — тогда я сам ее заберу.

— Не говори ерунды. У тебя даже своего жилья нет, тебе ее не отдадут. Так что хватит заниматься ерундой и начни нормальную достойную жизнь. И так уже дел натворил. Какой позор, какой позор! Что теперь обо мне скажут люди, если узнают, а они узнают. Поверить не могу, что вырастила вас, и чем вы отплатили?

— Вот такая ты на самом деле? Да?! — он собрался к выходу, больше не мог здесь оставаться, как встретил у порога ее подругу.

— Здравствуйте, молодой человек, — она окинула его взглядом и удивилась, — Родион?

— Да, здрасьте, — он нахмурился, — да, я выгляжу, как выгляжу. Я безработный неудачник, с братом убийцей и матерью эгоисткой. Вы все правильно поняли.

— Родион! — крикнула на него мать, выходя из комнаты в коридор. Глаза у подруги стали такими большими, что готовы были вот-вот выпасть на любимый мамин коврик.

— Всего доброго, дамы, — сказал он зло и вылетел из квартиры.

После этого он и пошел в бар. Что это был за бар?

Даже названия не помню.

Атмосфера совсем не была похожа на те заведения, куда он ходил раньше. Это и было нужно Родиону. Он хотел спрятаться ото всех и главное от самого себя. Было шумно и хорошо. Алкоголь обжигал горло и пустой желудок. Вскоре из-за этого ему стало совсем плохо, и когда шел в туалет, задел кого-то в толпе и начал им предьявлять, что они ходит не

умеют. А этот парень и его более трезвая компания не стали распускать руки в заведении, вывели Родиона на улицу в подворотню и там избили. Было больно и обидно. Мысли обо всей этой ситуации не уходили из головы, как не прошло желание сходить в туалет, куда и собирался.

Он перекатился на бок и сильно прижал ноги к груди.

Не верю.

Ксюша ведь стала тем человеком, из-за которого однажды дали трещину отношения с мамой и с самим собой. Из-за кого он не мог нормально спать несколько ночей подряд. Из-за кого жизнь Ильи превратилась в ад на долгие годы... до самого конца. Родиону так долго мерещилось ее лицо, все в крови, безжизненное, что он не мог нормально спать неделю, постоянно вздрагивал, просыпался и подолгу рассматривал свои руки. Как такое могло произойти? Каждый раз закрывая глаза, Здравый отчетливо видит ее образ. Она стоит перед ним и улыбается своей фальшивой соблазнительной улыбкой. Той самой улыбкой, которой разрушила немало жизней.

Какая мерзость.

Он вздергивает руку, в которой оказывается нож, и бьет со всей силы. Нож вошел плотно до конца. Родион с наслаждением опускает рукоять и отходит. Не слышно криков боли, только ее бледное лицо с торчащей рукояткой и кровью. Ксюша лежит под его ногами, глаза ее открыты.

Она смотрит, смотрит на меня.

Подавив в себе приступ тошноты, он медленно опускается на колени. Чувствует улыбку на своих губах. Теперь ему нравится то, что он видит. Вытаскивает нож и отбрасывает его в сторону. Кровь хлынула еще сильнее. Родион с упоением втягивает в легкие этот запах. Дрожащей рукой он дотрагивается до ее щеки и размазывает сочащуюся кровь по ее лицу.

Ненавидеть что-то определенно легче, чем искать серое в черном или белом.

Ксюша всем отравила жизнь и поплатилась за это. Она это заслужила.

— Заслужила, слышишь?

Он возвращается в реальность, где все еще валяется на земле. Такие видения помогают ему справиться со всем, что на него взвалилось. Легче понять, почему Андрей не сдержался, легче встать на его сторону.

Мне поэтому хорошо или потому что я действительно хотел бы это сделать собственноручно? Увидеть, как из нее медленно уходит жизнь.

Не знаю. В любом случае ее больше нет.

Здравый задумывается о том, что он мог бы помочь своему брату, но уже поздно. Он ведь не один нуждался в помощи и поддержке. Нужно было раньше это понять. Нужно было только ответить на тот звонок. Нужно было изначально не отталкивать его из-за матери.

С того дня он ни разу не навестил Андрея в тюрьме. Родиону жаль его и его дочь, которая теперь никогда больше не увидит свою мать, и вряд ли когда-нибудь сможет понять своего отца, какими бы они оба ни были. Алису он тоже больше не видел. После всего Здравый просто не мог посмотреть ей в глаза.

Я хочу убежать от этой ответственности.

Хочу, чтобы кто-то другой ей объяснил, что тогда произошло, потому что знаю, что не смогу стать для нее достойным дядей.

Родион вздрагивает, когда слышит, что мимо кто-то проходит и громко переговаривается. Подползает ближе к стене в тень подальше от фонаря. Отлично! Теперь он

лежит рядом с переполненным мусорным баком. Здесь запах чувствуется еще сильнее. Он пытается сконцентрировать на чем-то свой взгляд, чтобы тошнило не так сильно, и замечает большую трещину в стене напротив. Начинает ее гипнотизировать. Она становится все длиннее и извилистее. Родиона начинает засасывать внутрь этой черноты, и он почти перестает ощущать свое тело. Но стоит ему оторвать свой взгляд от нее, все исчезает.

Не много ли я выпил?

Да. Даже мои мысли мне теперь омерзительны.

Раньше все было так серо и однообразно, что Родион даже не понимал, чем один день отличается от другого, но он был вроде как доволен. Была стабильность. А что теперь? Все перевернулось. Дни стали насыщены событиями, но каждый из них похож на ад. И это все никак не кончается. Он помнит все, и никто не даст ему это забыть. Никогда.

Я сам себе не дам.

Кто еще может быть во всем этом виноват? Почему вовремя не заметил, как все начало меняться? Когда его жизнь катилась вниз, он ничего не предпринял, значит, все устраивало? Интересно, что Илья сделал, когда его жизнь начала меняться не в лучшую сторону? А делал ли он что-то вообще? Когда-то он тоже так лежал избитым в окружении ее фанатов. Он провинился перед ними и платил за это своим физическим и моральным здоровьем.

Не могу вспомнить, что я тогда делал. Может, прошел мимо? Может. Какие эмоции испытывал? Какие эмоции испытывал Илья?

Что сейчас чувствует сам Родион, избитый, лежа на холодном бетоне в окружении кучи мусора и вони? Несправедливость жизни или так ему и надо? Безысходность своего положения? Отчаяние? Понимание, что он гораздо слабее, чем его хотят видеть? Улыбается, чтобы удержать горячие слезы, и морщится от боли в пробитой губе. Все тело болит. Хоть его и ударили всего несколько раз, Здоровый быстро упал и они, наверное, подумали, что с него и так хватит. Наверное, и правда хватит.

Осторожно встает и сплевывает горечь, на асфальте остается кровавый след. Он прислонился плечом к грязной стене и зашарил по карманам. Телефон и деньги на месте. Вызывает такси. На костяшках пальцев ссадины.

Кажется, я все же пытался отбиваться.

Его это радует, и он улыбается. Это решение пришло неожиданно, и жаль, что так запоздало. Нужно было раньше.

Я начну заново. Я ХОЧУ начать заново. В другом месте с новыми людьми и новой работой.

Но сначала он должен отомстить.

Родион предлагает Максиму пробраться на рыночек стройматериалов его отца и устроить тихие посиделки у костра, как раньше. Ему нужно там кое-что сделать. Он хочет начать новую жизнь.

У Здорового в руках только тот злосчастный альбом, который он хранил большую часть своей жизни.

Тогда в кухне, когда весь ужас закончился, и он увидел лицо своего друга, в руке у него оказалась пуговица Андрея с его рубашки, и когда Родион это понял, его охватило странное чувство. Он тогда подумал, что это нужно закончить. Чтобы все прекратилось.

Пока они доехали до места уже стемнело. Они пробрались через забор и, пройдя до самого конца рынка, оказались у той старой лестницы, возле которой они обычно

собирались. Там стояла большая железная бочка, обожженная со всех сторон. Из нее обычно и получался неплохой очаг. Они разожгли огонь и сели по старым проржавевшим креслам, которые никто никогда не убирал с этого места. Максим не стал спрашивать, что это он несет в руках, и Родион был ему благодарен.

Сейчас им не требовались слова, чтобы поговорить друг с другом. Они оба это понимали. Было непривычно спокойно. Каждый думал о своем, но Родиону казалось, что об одном и том же. Мысли старых друзей часто сходились. Какое-то время Здравый неотрывно смотрел на мерцающий огонь, ни на секунду не забывая, что так сильно сжимает в своих руках. Смотрит на друга и видит, как на его лице пляшут причудливые тени от горящего костра. Его лицо выглядит немного уставшим и осунувшимся.

Наверное, я тоже выгляжу не лучше. Мы оба много пережили за последнее время.

Помимо воли, перед глазами проносятся те дни, когда они еще были беззаботными детьми. Им тогда уже было лет по двенадцать, они оба сидели у Максима дома в гостиной. Он воодушевленно говорил, как еще можно досадить его няне. Максим все еще злился на отца, говорил, что уже не маленький и может спокойно обходиться без ее присмотра. А Родион все никак не мог выкинуть из головы эту сцену. Стоя возле приоткрытой двери в ванную он видел, как там стояла потрепанная и нервная женщина. Она плакала и пыталась пригладить растрепавшиеся волосы, потом достала из кармана какие-то таблетки и начала быстро выдавливать их одну за другой в руку из блестящего блистера. Она проглотила целую горсть. Родион уже тогда знал, что это значит.

Ее сын Илья сидел в соседней комнате, спокойно смотрел мультфильмы и не подозревал, что здесь происходит. Здравый был расстроен, что они ее так быстро довели, и она сама решила со всем этим покончить. А теперь он сидел и ждал. Ждал, когда кто-нибудь ее найдет и скажет, что она тут больше не работает. Но все пошло не по плану. Ее сын оказался не столь беззаботным. Родион прекрасно видел, как маленький Илья идет вслед за матерью, и когда она оказалась на самом краю, толкнул ее. Она с грохотом покатила вниз, Максим, до этого не подозревавший чего ждет его друг, резко подорвался с места и замер возле нее. Родион встал рядом и посмотрел вверх. Илья стоял там и дрожал. Возможно, он пожалеет об этом. Здравый хотел нарушить это молчание и сказать ему, что она сама хотела этого. Но не смог.

Они втроем все одновременно вздрогнули от неразборчивого мычания. Она была еще жива. Из ее рта сочилась пена, и она в ужасе смотрела на нас.

Это был мой шанс. Я хотел всем помочь.

Родион боялся, что она выживет, что таблетки не подействуют, что она что-то расскажет. Сил хватило только бесшумно опуститься рядом с ней на колени и зажать ладонью ее испачканный в слюне рот и нос. Он закрыл свои глаза, чтобы не видеть, как она смотрит на него. Единственное, чего тогда хотел Родион, больше не видеть расстроенным своего друга. Он им очень дорожил. Кажется, это длилось вечность, пока он не почувствовал на своей руке тепло. Максим. Они оба удерживали ее нос и рот. Ее ноги и руки дрожали. Когда она перестала дергаться, они оба поняли, что это конец. Смотри друг другу в глаза, они понимали, что сделали. Никто из них троих тогда никому не сказал, как все было на самом деле. Она просто приняла таблетки, ей стало плохо и, потеряв равновесие на лестнице, упала.

Теперь, когда Родион это вспоминает, то не может отделаться от чувства, что вся его семья и окружение виновны в смерти этой женщины и ее несчастного ребенка.

Моя мать, брат, его жена, мой друг, я.

Все приложили к этому свою руку, и каждый мог что-то изменить, чтобы этого не случилось. Но никто не собирался что-либо делать.

Огонь действительно завораживает. Пора. Слегка привстав со своего места, Родион протягивает руку ближе к огню и бросает туда свой альбом. Максим и в этот раз ничего не говорит, только смотрит на него с удивлением. Именно сейчас Родион чувствует облегчение, будто сбросил с себя всю тяжесть этого мира. Языки пламени практически полностью поглотили предмет его беспокойства. Огонь безжалостно пожирал альбом, как нечто ненавистное для его обладателя. И в этом огне Здравый видел лицо маленького мальчика, единственного, кто не заслужил всего этого, кто, как и любой другой человек в мире, мечтал о счастливой жизни. Все издевательства, что обрушивались на него в течение всего его пути, были ужасны, а он до последнего хватался за жизнь. Никто не спешил ему помочь, а теперь уже и незачем. Уже поздно. До боли стиснув подлокотник, Родион почувствовал жжение в носу. Его губ касаются соленые капли. Их много.

Они продолжали смотреть на огонь.

Я знаю, что никогда не смогу забыть все, что произошло, и всех тех, кто стал причастен к твоей смерти. И я боюсь смотреть в зеркало, потому что увижу в нем одного из них.

Их дверь была не заперта, когда Максим требовательно дернул ее ручку. То, что он увидел на месте, было ужасно. Весь пол был красный. Его жена, которую еще полчаса он видел полной жизни, лежала бездыханной на полу, залитом ее собственной кровью, а ее муж сидел рядом и, кажется, даже не осознавал ничего. Возле входа в кухню, прислонившись к стене, сидел Родион и весь трясся.

Андрей обмяк на полу и словно уже ждал приговора. Максим не боялся, что он может кинуться на него, он его просто не видел. Взгляд был стеклянный, наверное, от шока.

Через несколько дней он все же решил встретиться с отцом. Он даже не помнит, как его кулак уже отпечатался на лице родного отца. Просто он застал его с какой-то молоденькой девушкой у себя в кабинете при весьма пикантных обстоятельствах.

— Еще раз обидишь мать, или она узнает о твоих похождениях, я тебя убью, и жалеть не буду. Мне стыдно быть твоим сыном, поэтому я отрекаюсь от тебя. Ни твой бизнес, ни твои деньги мне не нужны.

Он, наконец, понял, что перестал бояться своего отца и выговорил ему все, что думал. Максим одолел его на его же территории.

— Я никогда не буду таким, как ты. Никогда.

На примере своего друга Максим Воронов понял, что будет, если отталкивать людей. Он захотел встретиться с Катей и попробовать все с начала. Только уже втроем. Они стояли под деревом в парке, и Максим нежно, но крепко ее обнимал. Катя приняла его.

Он убрал прядь ее рыжих волос за ухо и тихо сказал:

— Переезжай ко мне.

Сталкер Родиона больше не объявлялся, и Максим успокоился, а зря.

Был вечер, Родион лениво жевал чипсы, сидя на диване перед телевизором, когда понял, что в семь вечера Максима еще не было дома, он запаниковал, подумав, что что-то случилось.

Родион позвонил ему. После коротких гудков, ему ответили.

— Да?

— Все в порядке?

— Конечно, я сейчас в супермаркете, тебе что-нибудь нужно?

— Нет, нет. Аккуратнее на дороге, — Родион от нервов то оттягивал, то приглаживал свои волосы на голове.

— Ага, — и Максим отключился.

В октябре темнело рано, и Родион решил просто выйти на балкон, чтобы покурить. Уже в который раз после переезда. Пример друга Родион не оставлял без внимания. Так что он снова начал курить на регулярной основе.

На балконе было темно и холодно, что отлично проветривало мозги.

Поначалу Здравый не знал, как лучше спровоцировать своего преследователя, но потом понял, что просто выскажет ему все, что думает о нем и о его жалких попытках его задеть, даже если после он не объявится. Он достал телефон и отправил послание на номер, который его терроризировал.

«Ты жалкий, и все твои обещания тоже. В той квартире ты меня больше не найдешь. Что еще ты мне можешь сделать? Больше ты никому не сможешь навредить. Ты такой жалкий. Прощай».

Он так надеялся, что все пройдет, как надо. Он надеялся, что сталкеру прекрасно известно, где он теперь находится. И нет, Здравый не собирался жертвовать своим другом, но это была вынужденная мера, чтобы все закончить. Он не позволит кому-либо и дальше управлять своей жизнью и навредить тем, кто ему дорог.

Прошло два дня, а преследователь никак себя не выдал.

Неужели и правда не знает, где я теперь? Так не пойдет.

Я знаю, что это ты. Но не знаю, где ты живешь.

Теперь я выхожу на охоту.

Он шел по вечерней улице, не зная, что еще ему сделать. Вся его сущность требовала отмщения. Родион дошел до своей улицы и решил завернуть во двор. Пришлось натянуть капюшон куртки, чтобы его там не узнали. Возле его двора никого уже не было, кроме котов. По дороге сюда он зашел в магазин и купил кучу пачек с кормом. Он вытащил из пакета упаковки и небольшой кучкой уложил в клумбу за ограду. Пару котов осторожно подошли к ним и стали обнюхивать.

Надеюсь, она заметит.

Холодный ветер резко подул Родиону в спину, отчего тот поежился и обернулся. У выхода он увидел фигуру. Она стояла у своей машины с открытой задней дверцей и что-то фотографировала.

Он взгляделся повнимательнее.

Это он!

Сознание кричало, что так и есть, он не ошибся. Он почувствовал прилив энергии и даже улыбнулся, пока не заметил движение на заднем сидении, а потом тень наклонилась туда.

Родион трясущимися руками достал телефон и набрал друга. Прислонив телефон к уху, слышались гудки, но никто не отвечал, пока он не расслышал, как вдалеке играет мелодия, что стояла на звонке Максима.

Он стал подходить ближе на онемевших ногах к той машине. Пока тень не увидела его

и, резко захлопнув заднюю дверцу, не села в авто.

Заревел двигатель, и машина тронулась.

— Блять! Они уходят! — он подбежал к кустам, встав за какой-то машиной, и понимал, что упустит их. Родиону нужно было знать, куда тот поедет. Он был уверен, что на заднем сидении находился Максим. И Здравый был виноват в том, тот он там оказался.

От безысходности он стукнул по дверце машины и испугался, что та сейчас заорет сигнализацией. Но было тихо, и он посмотрел на автомобиль. Это была та самая гребаная Хонда того ублюдка, что паркуется, где ему вздумается. Он бездумно в недоумении подергал за ручку, и та поддалась.

— Ха. Идиот.

В салоне на водительском сидении полулежа застыл мужчина. Тот самый, но Родион видел его впервые. Дернув его на себя, он понял, что тот был пьян.

— Просто отлично. Выметайся!

— Что за блять! Какого хрена?! — упав задницей на асфальт, ругался мужик.

Но Родиону Здравому было наплевать. Он быстро запрыгнул в тачку и дал по газам. Вывернув на главную дорогу, он увидел удаляющийся автомобиль, и погнал на всех скоростях, чтобы догнать его.

Через десять минут сталкер съехал с асфальтированной дороги на проселочную и поехал дальше. Чтобы не быть замеченным, Родион всю дорогу петлял и прятался за другими машинами, а теперь его могли заметить.

Он сбавил ход и немного отстал. Повернув пару раз направо, а затем налево, Родиону встретилось всего пара десятков домов, которые находились на расстоянии друг от друга. Видимо тут строились новые дома, а тот, к которому подъехал сталкер, был очень старый, видно, что там давно никто уже не жил.

Припарковавшись неподалеку, возле деревьев, Здравый видел, как тот открыл заднюю дверь авто и достал оттуда тело, но напрягло Родиона то, что тот больше не шевелился. Тогда весь мир замер.

Нет, нет, нет! Он жив, жив. Просто без сознания.

Когда они скрылись в доме, Родион подошел к дому и стал его тихо обходить, чтобы заглянуть в окно и понять, что там происходит.

Заглянув за угол дома, он увидел первое окно и как только он посмотрел в него, вглядываясь в темноту, сзади зашуршали кусты, Здравый успел только обернуться, как его ударили по голове чем-то тяжелым. Настала настоящая темнота.

Проснулся Родион от сильной боли в голове. Он понял, что сидел на полу посреди небольшой комнаты и кучи старого мусора вокруг. Он попытался пошевелиться, но правую ногу обожгла пронзительная боль. На веке запеклась кровь, которая, оказывается, струилась у него из головы. Он вспомнил, как это вышло, и нервно огляделся. Здравый не понимал, где находится, но, наверное, это и был тот самый заброшенный дом. Света не было, и в темноте мало что можно было разглядеть, хоть он и шурился.

— Что, не нравится? — послышался голос у него за спиной.

Когда человек вышел к нему, то Родион понял, что это он. Кирилл. Его преследователь, который все это время с таким удовлетворением наблюдал, как по кусочкам разваливалась его жизнь.

— Пошел ты!

— Как грубо! А собственно чего я удивляюсь, это же ты! — он наклонился, чтобы быть на одном уровне с его лицом, — совсем не изменился.

Тут в темноте раздалось шуршание. И тогда Здравый смог разглядеть силуэт лежащего на полу человека.

Он тоже был связан. Весь грязный, будто его волочили по земле.

— Максим! — хрипло крикнул Родион.

— Какое милое воссоединение. Сейчас разревуся.

— Лучше просто сдохни, — Здравый за это сразу же получил удар по лицу.

— Я бы на твоём месте не дерзил. Знаешь, а я вообще-то хотел оставить тебя в живых. Мне было достаточно того, что ты уже получил, но ты ведь упертый. Сам пришел. Хочешь умереть? — с безумными глазами и улыбкой спросил Кирилл.

— Дик? — Максим пришел в себя, но уже понимал, что происходит.

— Ах, вот и он. Долго же ты спишь. Здравый, хочешь узнать, почему он здесь оказался?

— Что ты несешь? — Родион переводил взгляд с одного на другого.

— А то, что это именно он сдал соплюшку-Илюшку, как только зассал. Я хотел его прикончить, чтобы порадовать тебя, а он посоветовал пойти к твоему соседу и найти одну интересную запись. Я ее потом услужливо переслал твоему братцу. Весело вышло тогда, да? Все тайное всегда становится явным. Даже если немного припозднится. Ну, тебе ли не знать, — он нежно посмотрел вдаль, вспоминая об этом, — конечно, я хотел сделать это сам, напоследок отрезав ей безымянный палец, на котором так хорошо село лживое обручальное кольцо, но что уж теперь.

Родион смотрел на друга в непонимании.

— В том дневнике было все, чего другим знать не стоило. Максимка бедный и не знал, что подводит для своего обожаемого друга черту. Кстати, — он повернулся к Максиму, — настало время и твою черту подвести.

— Но ты же обещал меня не убивать, — стал заикаться Максим, когда увидел, как Кирилл достает из ящика старой тумбы нож. Небольшой, но от этого не менее страшный. Воронов забрыкался на полу, пытаясь отползти поближе к стене, чтобы скрыться от Кирилла.

— Ну, когда это было? Это он меня спровоцировал, — указал он на Родиона ножом, — А так, жили бы себе спокойно. А теперь я прикончу вас по очереди, и подожгу к черту этот домишко. Будет феерично. Только наблюдать я за этим буду со стороны, уж простите.

— Я, я же ни в чем не виноват. Меня девушка ждет, я-я скоро отцом стану, пожалуйста, — Максим захныкал, и вжался в стенку, отчего Родиону было трудно его рассмотреть. Но с его стороны он увидел литровую пластиковую бутылку с чем-то прозрачным.

Бензин.

Он пошарил взглядом по комнате, но не заметил ни одной коробки спичек или зажигалки.

Может в ящике?

— Ну, что? Раз так вышло, что тебе отрезать, а? — он цокнул, — Я знаю. Твой вонючий язык. Ты же у нас местная сплетница. Все про всех знаешь, за всеми следишь. Было бы символично.

От этого Воронов буквально впал в истерику, и у Родиона самого сдавали нервы.

— Хватит! Тебе не обязательно его трогать. Ты же хотел со мной расквитаться.

— Конечно, я же сейчас это и делаю, идиот. Или тебе приятно все это зрелище, и я где-то просчитался? — он ухмыльнулся, — Хотел своего дружка защитить? А зачем? Он за свою шкуру переживает больше, чем за лучшего друга, — Здравый скривился и отвернулся от них под всхлипывания Максима из темноты.

— Что, неприятно, когда твои друзья тебя придают? — Кирилл подошел к нему и снова наклонился, — мы с тобой очень похожи, — Родион на это резко повернул лицо в его сторону и плюнул.

Кирилл только зажмурился и засмеялся, вытирая лицо рукавом.

— А ведь мы с тобой раньше тоже были друзьями, помнишь? В начальных классах ты мне, конечно, отказал, выбрав этого придурка богача. Что, одни интересы по жизни, да?

— Ты ведь после этого сам от меня не отставал, пока я не согласился на твою дружбу.

— Конечно, и я был рад, я привык добиваться своего, а потом понял, что ты дружишь со мной так, чтобы об этом не подозревал Воронов. Ты ведь стыдился дружбы со мной, так? — выражение лица напоминало безумца, который хотел подтверждения своих слов, чтобы хоть что-то уже сделать. И Родион дал ему это.

Он опустил голову в знак согласия. Наступила тишина. Потом Кирилл схватил его за волосы и поднял голову. Стал вглядываться в его глаза, ища правды.

— А потом ты предал меня, чтобы просто избавиться, так?

Родион молча глотал слюну, не желая больше говорить.

— Отвечай! — Кирилл больно встряхнул его за голову.

— Не совсем, — молчание, — Я тогда и правда ей поверил, потому что прекрасно помнил, как ты сам лез ко мне, не принимая отказ, понятно?! Я очень хотел верить, что в этот раз тебя поймали на твоём безумстве, поэтому и подтвердил, что и было на самом деле. Ты сам виноват! Даже Ксюша...

Кирилл отпустил его и отошел подальше.

— Достаточно. Ты в курсе, что сидишь на месте, где еще недавно была твоя бывшая Полина? Ей было так страшно, когда я ее приволок сюда. Знаешь, а она ведь от тебя шла. Вылетела вся зареванная, видно так и не дождалась.

Родион застыл на месте и осмотрел пол вокруг себя, а потом на Максима, который молча наблюдал за ними из своего угла. Здравый увидел смятение на его лице.

— Полька? А причем здесь она? Это ты, урод, убил ее?

— Да. Все по его вине. Он игрался с ней как мог. Развлекался в переписках, пока встречался со своей девушкой.

Здравый виновато все это время смотрел в глаза друга. Он хорошо помнил, как недавно они говорили про измены и не думал, что это когда-нибудь вскроется.

— Я не изменял Марине.

— Но и от Полины не отказывался, — произнес Максим. Если бы его руки не были связаны за спиной, то Родион уверен, что он обхватил себя за плечи, пряча уязвимость. Ему не хотелось, чтобы Максим так чувствовал себя из-за него.

— Это не измена! — уже крик отчаяния.

— Конечно не измена. Встречаться с одной девушкой и давать надежду другой, — поддакнул Кирилл, — причем обманывая обеих. Вы все тут лживые обманщики. И знаешь, что еще? Алиса вовсе не ребенок твоего брата.

— Я знаю, — Родион сначала сказал, а потом до него дошло, и он посмотрел на Кирилла.

— Да. Это мой ребенок. Эта сука забрала у меня все и поплатилась за это.

Родион осознал, что вечное подчинение не гарант спокойной жизни. Понимал, что все, что он делал, пытаясь угодить всем, было полным бредом. Кто согласится так жить?

— А тебе-то что! Ты все равно больше никогда не сможешь увидеть Алису, никогда не сможешь начать новую жизнь, потому что в тебе по-прежнему все будут видеть сраного психа! Ты жалок, как и все, что ты сделал! И никакая тупая месть этого не изменит.

Лицо Кирилла почернело, брови нахмурились.

Он зол, очень зол. Я моя нога не даст далеко убежать.

Кирилл сжал губы и кинулся в сторону Родиона.

— Нет! — это был голос Максима, который тоже дернулся в их сторону, но что он мог сделать?

Когда рукоять ножа оказалась вплотную к животу Здравого, он понял, что нож в нем. Это было лишь мгновение, он даже не успел почувствовать боль. И когда сталкер потянул рукоятку, вытаскивая лезвие, Родион завалился на пол, прижимая руку к животу сбоку, откуда теперь вытекала кровь. На этот раз его кровь.

— Ну, и кто теперь жалок? — Кирилл сплюнул на пол рядом с ним и повернулся в сторону Максима. Он о чем-то говорил с ним, но Здравый не мог понять о чем. Единственной мыслью в голове был ящик стола, до которого он попытался дотянуться, но теперь появившаяся боль была очень некстати. Он попробовал привстать и облокотился на эту тумбу. На него никто не обращал внимания. Кирилл присел на корточки перед Максимом.

Родион тихо открыл ящик и увидел какую-то толстую записную книжку с инициалами И.Б.

Тот дневник, которым он меня пугал днем и ночью. И рядом зажигалка.

Тело казалось тяжелым, он едва мог шевелиться, но понимал, если не предпримет сейчас что-то, то они оба умрут.

На полу возле него валялась какая-то книжка, за которую он схватился и, собравшись с силами, бросил в голову Кириллу. Тот ойкнув, выронил нож и упал на пол. Обернулся, чтобы понять, что произошло, как в этот момент Родион, не теряя времени, успел, через боль, подползти к нему, чтобы добить. Второй удар это книгой пришелся по лицу. Острым концом, чтобы дезориентировать.

— Ты больше не вернешься в больницу, я тебе обещаю, — произнес Родион, прежде чем попасть Кириллу по виску. Тот отключился, и настала тишина. Казалось, что стало еще темнее.

— Ты в порядке? — Родион едва узнал свой голос.

— Да, а он?

— Не дышит, — он с опаской приложил свою дрожащую руку ему на горло и тут же ее отдернул, — я... я...

— Черт! Ты сам только дыши. Это была самооборона, этот псих еще и не такое творил. Здравый слушал друга, но все равно ему было не по себе. Он убил человека.

— Дик, помоги развязать.

Родион помог Максиму перерезать веревку, освободив руки.

— Что теперь будем делать? Валить? — сказал Воронов, приподнимая друга, чтобы уйти, — Тебе по-хорошему в больницу надо.

— Стой! Подожди. Вылей все из той бутылки, и в ящике еще лежит зажигалка.

Тишина.

— Хочешь поджечь его здесь?

— А есть другие варианты? С тем, что он на меня навешал, полиции будет проще поверить, что все было намеренно. Еще и тачка возле дома угнанная.

— Чего?

— А как я еще должен был тебя спасти. Нужно было действовать быстро. И без свидетелей.

— Блин, ладно.

Он встал и сделал, как сказал Родион, на всякий случай полив и труп, заметив на секунду, как грудная клетка Кирилла шевельнулась. Он ничего не сказал. Подняв Родиона, они уже покидали комнату, когда в ногу Максима вцепилась рука, от чего он начал заваливаться.

— Двое ублюдков! Хотите меня здесь оставить? Тогда втроем сдохнем!

Воронов решил просто зажечь зажигалку и кинуть ее в вдаль комнаты. Все разом вспыхнуло, и он посильнее дернул ногой, отшвырнув от себя Кирилла. Тот загорелся и закричал. Родион не мог пошевелиться. Он смотрел на то, как горит его бывший друг, которого он предал. На своего сталкера, который поклялся отомстить ему. На свои проблемы, которые горели вместе с его телом. Он извивался на горящем полу и продолжал кричать, пока Максим не потянул Родиона к выходу. Как только они отошли на пару метров, от выхода раздался сильный грохот, и взрыв ударной волной откинул их еще на пару метров.

Приземляться было больно, Родион по-прежнему истекал кровью, а в глазах витало пламя, объявшее старенький дом. Уже рассветало. Здравый уже терял сознание, лежа на холодной твердой земле, когда услышал приближающиеся звуки сирены полицейской машины.

Прошло два года.

Полицию тогда вызвал тот самый мужчина, чью неправильно припаркованную машину угнал тогда Родион.

Спасибо тебе, урод!

Его версией для полиции в итоге стало то, что Кирилл нанес ему ножевое ранение и подумав, что Родион умер, решил все поджечь (после того большого взрыва Здравый больше не прикасался к сигаретам). Но Здравый вовремя пришел в себя и смог выбраться оттуда с другом. Сначала было долгое разбирательство и пара свидетелей, которые действительно видели, как неизвестный ночью тащил кого-то в тот заброшенный дом, но не придали тогда этому значения. И через время все действительно утряслось.

Эта была его последняя ложь.

Спустя еще четыре месяца Андрея приговорили за убийство своей жены, а с матерью Родион больше не виделся, хотя она и пыталась наладить с ним отношения.

Когда у Максима все наладилось с его девушкой, и она все же переехала к нему, Родиону ничего больше не оставалось, как покинуть квартиру.

Он решил переехать в соседний город и начать все заново. Только теперь все было честно. Устроившись в небольшой банк в колл-центр, он встретил там свою будущую жену Веру.

Обычная работа, хорошая жена, от которой нечего скрывать. Полгода назад они решили взять квартиру в кредит, и пусть все было скромно, но теперь Родион понял, что пора.

Они вместе стояли в небольшой комнатке детского дома и ждали, когда туда приведут их нового члена семьи. Дверь открылась и в помещение зашла уже большая девочка восьми лет в сопровождении заведующей.

— Дядя Родя?

Он улыбнулся. Вера отпустила его руку, которую до этого крепко сжимала, и Родион медленно подошел к девочке.

— Алиска, — он опустился на колени перед ней и крепко обнял. Она прижалась к нему тоже. Так доверительно, что он понял, еще не поздно. Все зависит от него и только. Теперь он сам все решает в своей жизни.

Он отпрянул от нее и заглянул в ее чистые голубые глаза, так похожие на ее отца, чего раньше он не замечал.

— Обещаю, что стану для тебя лучшим отцом и другом.

— КОНЕЦ~

Больше книг на сайте - Knigoed.net